

**РАССЛЕДОВАНИЕ
УБИЙСТВ**

В. И. Шинанов

**ИДЕНТИФИКАЦИЯ
ТРУПА ЧЕЛОВЕКА
ПО ЕГО ЧЕРЕПУ**

Иркутск, 1973

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР**

**ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА**

Юридический факультет

Спецкурс: Расследование убийств

**ИДЕНТИФИКАЦИЯ
ТРУПА ЧЕЛОВЕКА
ПО ЕГО ЧЕРЕПУ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
УБИЙСТВ**

Иркутск — 1973

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА

Юридический факультет

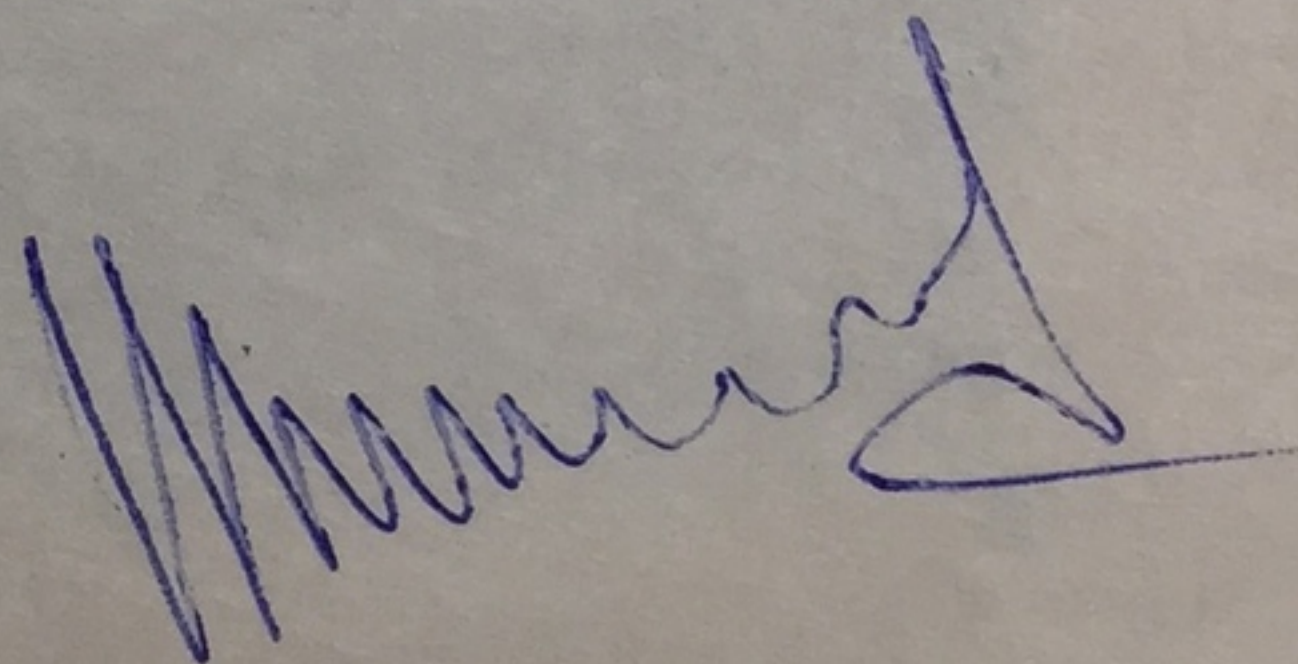
Спецкурс: Расследование убийств

ИДЕНТИФИКАЦИЯ
ТРУПА ЧЕЛОВЕКА
ПО ЕГО ЧЕРЕПУ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
УБИЙСТВ

Дорожину Тихону Сергеевичу
Дачин

— с глубоким и искренним
искренним уважением

Иркутск — 1973

22/IV-74

Учебное пособие «Идентификация трупа человека по его черепу при расследовании убийств» подготовлено заведующим кафедрой уголовного процесса и криминалистики Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова — кандидатом юридических наук доцентом **Шикановым Владимиром Ивановичем** и предназначается для студентов юридического факультета, изучающих спецкурс «Расследование убийств».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава первая	
Идентификация трупа методом фотосовмещения его черепа и прижизненной фотографии исчезнувшего лица	
§ 1. У истоков метода	11
§ 2. Становление метода: модификация, некоторые недостатки и пути совершенствования	30
§ 3. Некоторые процессуальные вопросы, связанные с экспертным отождествлением трупа по черепу методом фотосовмещения . . .	55
Глава вторая	
Антропология на службе криминалистики (Метод скульптурного портрета)	75
Приложение	
Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верхов- ного Суда СССР по делу Бояринцева	89
Приложение 2	
Библиография	97
Приложение 3	
Фототаблицы	105

Сдано в набор 10/XII-73 г. Подписано к печати 9/I-74 г.
Формат бумаги 60×84¹/₁₆. Печ. л. 6,5 +12 вклеек. НЕ 01044.
Тираж 1000. Заказ 3898.

Иркутская областная типография № 1 Областного управления
издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Иркутск, ул. К. Маркса, 11. Ф. 2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поставленная перед правоохранительными органами программная задача — полностью искоренить преступность и все причины, ее порождающие — предполагает полную раскрываемость всех правонарушений и прежде всего особо опасных и тяжких преступлений, в частности убийств.

Преступления против жизни — а первыми в их ряду следует назвать умышленные убийства — занимают среди других преступлений исключительное положение, обусловливаемое целым рядом причин правового, социального, морально-этического и нравственного характера.

Расследование дел названной категории особенно сложно и чрезвычайно ответственно. Сложно с чисто криминалистической точки зрения. Это и понятно. Допущенные при расследовании убийств ошибки, особенно на первоначальном этапе расследования, чаще чем при расследовании иных преступлений влекут за собой невосполнимые проблемы следствия. В результате этого преступление остается нераскрытым, преступник неразоблаченным. В отдельных случаях они влекут за собой и судебные ошибки... Исключительно ответственно, поскольку речь идет о наиболее тяжких преступлениях, которые по вполне понятным причинам воспринимаются общественностью особенно остро и непримиримо.

Безусловное раскрытие каждого убийства, означающее изобличение виновных и их осуждение по приговору суда в результате всестороннего, полного и объективного судебного разбирательства, а равно реабилитацию каждого на кого подозрение пало неосновательно — важнейшая задача органов МВД, прокуратуры, суда. Для выполнения этой задачи необходимо постоянно совершенствовать деятельность всех органов, призванных вести борьбу с преступностью, максимально использовать новейшие достижения

современной науки и техники, широко применять научные приемы и методы исследования. Велика в этом отношении роль науки криминалистики. Различного рода криминалистические разработки и рекомендации постоянно обогащают практику борьбы с преступностью.

В последнее время среди криминалистов, занимающихся разработкой методики исследования отдельных видов преступлений, намечается тенденция не ограничивать себя традиционным кругом вопросов, связанных с совершенствованием тактики проведения отдельных следственных действий, а разрабатывать рекомендации, направленные на оптимальное решение задач более высокого класса общности. Указанная тенденция вполне согласуется с достижениями современной гносеологии, глубоко разрабатывающей методологию познания объективной действительности с позиций системно-структурного анализа. Такой подход к изучению последствий преступления в процессе его исследования предполагает рассмотрение этих последствий — проявляющих себя, как в виде материально фиксированных отображений, так и в соответствующих изменениях в сознании людей — в качестве определенной системы, производной от функциональной системы субъекта преступления. Есть все основания полагать, что такое направление прогрессивно и окажется весьма плодотворным. Реализация новых идей на практике, естественно, будет связана с ломкой некоторых, устоявшихся и ставших традиционными, положений криминалистической тактики. Уже в настоящее время это проявляется в разработке предложений по проведению различного вида тактических операций — комплекса целенаправленных и согласованных между собой следственных действий, а также оперативно-розыскных и иных мероприятий, направленных в совокупности на решение тех или иных типовых задач, наиболее часто встречающихся при исследовании преступлений¹.

---

¹ Тактические операции целесообразно классифицировать. Это значительно облегчит разработку рекомендаций по их планированию и практическому осуществлению. При этом прежде всего напрашивается дифференциация тактических операций в зависимости от сферы их применения: может ли встретиться необходимость в их проведении при расследовании уголовных дел любой категории (например, тактическая операция — «розыск обвиняемого, скрывшегося от следствия»), или при расследовании преступлений лишь определенного вида (например, тактическая операция — «поиск трупа, сокрытого преступником»).

В качестве одной из ответственных тактических операций, которые приходится осуществлять при расследовании убийств, следует выделить систему следственных действий и иных мероприятий, проводимых в связи с необходимостью установить принадлежность неизвестного трупа. Такую тактическую операцию мы условно называем «отождествление трупа».

Глубокая разработка вопросов теории и практики, связанных с планированием и проведением названной тактической операции — настоящая задача наших криминалистов, занимающихся проблемами борьбы с убийствами. Вряд ли есть необходимость подробно обосновывать это утверждение. Хорошо известно как важно с первых же шагов расследования преступлений этой категории получить ответ на вопрос: «кто убит?». Требуемый ответ — непременно достоверный! — имеет для следствия исключительно важное значение. Как правило, он указывает кратчайший путь к тому, кто совершил преступление, открывает следователю казалось бы наглухо закрытые двери и служит надежным ориентиром в самых запутанных лабиринтах дела, вселяет уверенность в скором и успешном его окончании. Не случайно еще юристы древнего Рима, руководствуясь при расследовании тайны убийства своей знаменитой семичленной формулой, отводили этому вопросу первостепенное значение.

Разработка рекомендаций по проведению тактической операции «отождествление трупа» — как, впрочем, и любой иной тактической операции при расследовании преступлений — предполагает различные уровни такой работы: от разработки вопросов общего характера, например, связанных с установлением надежных контактов и координацией действий различных процессуальных органов и органов, осуществляющих административные функции, до разработки отдельных научных рекомендаций и методик, изучения их возможностей и целесообразности применения с учетом конкретных обстоятельств дела и т. д. При этом в первую очередь и особенно тщательно необходимо разрабатывать рекомендации, которые окажутся полезными практическим работникам в наиболее сложных и трудных для расследования ситуациях.

Анализ следственной и судебной практики показывает, что наибольшие трудности при установлении принадлежности неизвестного трупа следственные органы встречают в случаях когда обнаруженный труп невозможно опознать

или опознание затруднено — в результате далеко зашедших гнилостных изменений, а также по другим причинам. Указанное искажение, либо полное уничтожение прижизненных опознавательных признаков трупа происходит в результате многих причин и факторов: как следствие естественного развития трупных явлений; под воздействием влияния внешней среды; в результате разрушающего действия «трупных вредителей» (крупных хищников, грызунов, насекомых); в виду обширных травматических разрушений в области головы и других частей тела; в случаях когда преступник умышленно уничтожает приметы внешности погибшего, стремясь затруднить или сделать невозможным его опознание. Поскольку установление принадлежности таких «неопознаваемых» трупов путем опознания людьми, знавшими покойного при жизни, как правило невозможно, становится особенно велика роль научных методов, применяемых в рамках экспертных исследований.

Современный уровень развития науки криминалистики, в частности теория и практика криминалистической портретной идентификации, а также успехи судебной медицины, остеологии, антропологии и других научных дисциплин и направлений предоставляют следователю обширный арсенал средств и методов, позволяющих на подлинно научной основе ответить на многочисленные вопросы, направленные на выяснение принадлежности «неопознаваемых» трупов. К категории последних судебная медицина с полным основанием относит и костные останки неизвестных лиц.

Установление принадлежности трупа по его костным останкам представляет особенно большие трудности. В то же время правильно организованное и проведенное надлежащим образом исследование обнаруженных костных останков человека позволяет получить значительный объем информации, необходимый для выяснения личности погибшего, а в отдельных случаях и непосредственно идентифицировать его. В связи с этим следует учитывать, что кости человека, представляя собой наиболее твердую и крепкую ткань человеческого организма². Они способны сохраняться при самых не-

---

² Костный скелет составляет примерно 1/5—1/7 веса взрослого человека. Это пассивный двигательный и опорный аппарат. Он состоит из 206 костей, из которых 166 костей парных, 34 — непарных и 6 — слуховых косточек — по 3 в каждом ухе. Физические параметры костной ткани характеризуют следующие показатели: по сопротивлению на растяженность не уступает чугуну и латуни, а на сжатие — железу. Костная ткань

благоприятных условий в течение многих лет. При этом исследование таких костных останков специалистами позволяет рассчитывать на получение обоснованных ответов на целый комплекс вопросов, интересующих следствие.

Фактические данные, которые возможно получить в результате экспертного исследования костных останков человека, для удобства подразделяют обычно на несколько групп³.

Во-первых: результаты исследования костных останков человека, позволяющие сделать вывод о поле, возрасте и росте погибшего, а также высказать суждение о времени наступления его смерти, определив, в частности период, который кости находились в земле.

Во-вторых: различного рода признаки патологии развития костей; следы заболеваний и травм; особенности строения скелета, связанные с профессией умершего; признаки строения черепа, свидетельствующие о расовой принадлежности его владельца — обстоятельства, которые, как и сведения, отнесенные в первую группу, выступают в качестве существенных элементов знания, накапливаемого в процессе отождествления личности покойного. Сюда же следует отнести результаты установления групповой принадлежности белков, входящих в состав костей (белки любых тканей какого-либо одного человека имеют одинаковую группу).

В-третьих: результаты применения ряда специальных методик, позволяющих, при наличии черепа и некоторых иных условий, рассчитывать на установление личности погибшего или на более или менее достоверное воссоздание (реконструкцию) его прижизненного облика. Несмотря на то, что основные из этих методик (метод фотосовмещения черепа и прижизненной фотографии исчезнувшего лица; метод «скульптурного портрета») применяются сравнительно давно, научная обоснованность их до настоящего времени вы-

---

в 4—5 раз крепче известняка и в 2—3 раза крепче гранита. Еще более тверда и крепка эмаль зубов человека.

³ Здесь и далее мы сознательно отвлекаемся от целого ряда обстоятельств, которые обычно удается установить в результате тщательного исследования места обнаружения костных останков, сохранившейся одежды покойного, принадлежавших ему предметов, документов и пр. обстоятельств, которые в совокупности с результатами экспертного исследования костных останков и соответствующими данными, характеризующими лиц, пропавших без вести, и определяют возможности следственных органов по установлению истинных обстоятельств происшествия.

зывает различные оценки. В то же время возможности совершенствования этих методик еще не исчерпаны.

Высказанные соображения и предопределили тему настоящей работы. Она посвящена вопросам, связанным с использованием в процессе отождествления неизвестного трупа возможностей метода фотосовмещения черепа с прижизненной фотографией исчезнувшего лица и метода «скульптурного портрета».

Обращаясь к столь «узкому» вопросу, занимающему скромное место в общем плане теоретической разработки рекомендаций по проведению тактической операции «отождествление трупа», автор учитывает следующее. Глубокая разработка названной проблемы в целом — проблемы сложной и многоплановой — предполагает активную разработку и отдельных частных вопросов, составляющих отдельные ее структурные компоненты. При этом обращение и казалось бы предельно «узким» специальным вопросам не только правомерно, но и по глубокому убеждению автора настоятельно необходимо. Взаимосвязанные процессы интеграции и дифференциации наук, характеризующие современное состояние научного знания и тенденции его развития — следствием этого является все более отчетливо наблюдаемый процесс узкой специализации — имеют всеобъемлющий характер и проявляют себя на самых различных уровнях практической деятельности, в том числе и при расследовании преступлений.

* *

*

В процессе подготовки настоящей работы к печати автор имел возможность получить ряд ценных советов и в связи с этим пользуется случаем, чтобы выразить глубокую и искреннюю признательность кандидату медицинских наук заведующему физико-техническим отделом Саратовского областного Бюро судебно-медицинской экспертизы С. А. Бурову, доктору медицинских наук заведующей физико-технического отдела Научно-исследовательского института судебной медицины В. И. Пашковой, ст. научному сотруднику того же института А. С. Кравчинской, заведующему отделом трасологических исследований ВНИИСЭ кандидату юридических наук Х. М. Тахо-Годи и доценту МГУ Н. С. Полевому. Автор с глубокой благодарностью вспоминает профессора И. Ф. Огаркова, общение с которым во многом стимулиро-

вало к научно-исследовательской работе в пограничных областях судебной медицины и криминалистики. Теплую признательность автор выражает также членам студенческого научного кружка криминалистики В. В. Гладких, А. И. Кирилову, Г. Г. Кормишиной, Л. Л. Кравцовой и Г. И. Рудая, оказавшим большую помощь в сборе и обработке материала, постановке некоторых экспериментов и решении других вопросов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ТРУПА

МЕТОДЫ ФОТОСЪЕМКИ ТРУПА

И ПРИЖИВЕННОЙ ФОТОСЪЕМКИ

ИСЧЕЗНУВШЕГО ЛИЦА

§ 1. Устный метод

Когда в 1921 году наш мир стал свидетелем трагической смерти Дзюга в результате несчастного случая, произошедшего в результате падения с высоты, то в то время еще не было никаких специальных методов для установления личности погибшего. В то время все, что было известно о нем, это то, что он был студентом юридического факультета Московского университета. В то время еще не было никаких специальных методов для установления личности погибшего. В то время все, что было известно о нем, это то, что он был студентом юридического факультета Московского университета. В то время еще не было никаких специальных методов для установления личности погибшего. В то время все, что было известно о нем, это то, что он был студентом юридического факультета Московского университета.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ТРУПА МЕТОДОМ ФОТОСОВМЕЩЕНИЯ ЕГО ЧЕРЕПА И ПРИЖИЗНЕННОЙ ФОТОГРАФИИ ИСЧЕЗНУВШЕГО ЛИЦА

§ 1. У истоков метода

Когда в 1921 году весь мир отмечал шестисотлетие со дня смерти Данте и могилу великого поэта вскрыли для антропологического осмотра, итальянские ученые Серджи и Фраскатти, поставившие перед собой задачу сверить характеристики черепа с сохранившимися изображениями автора «Божественной комедии» и таким образом установить какие из них больше всего соответствуют его действительному облику, конечно же и не подозревали о значении своих исследований для судебной медицины и криминалистики. И тем не менее, это был первый шаг—как важно и как трудно бывает его сделать—на пути создания нового научного метода, который в настоящее время широко применяется в экспертной практике в случаях когда необходимо установить (проверить) принадлежность костных останков человека конкретному лицу. Непосредственно же рождение метода связано с расследованием двух тяжких преступлений, одно из которых имело место в Германии, а другое в Шотландии. На обстоятельствах, связанных с этими преступлениями, есть смысл остановиться подробнее.

Тридцатые годы нашего столетия. Германия. Немецкая уголовная полиция решает нелегкую задачу. Обнаружены останки мужчины, погибшего явно в результате преступного на него посягательства: на голове неизвестного имелись входное и выходное огнестрельные отверстия. Труп был обе-

зображен ударом топора по лицу и другим способом, видимо, с целью сделать невозможным опознание. Предстояло выяснить кто убит и кто совершил это преступление.

Несмотря на то, что опознание казалось невозможным, по некоторым косвенным данным убитого опознали родственники некоего господина А., бесследно исчезнувшего некоторое время тому назад. Вскоре они же обратились с просьбой выплатить им страховую премию — выяснилось, что погибший незадолго до своего исчезновения застраховал свою жизнь на значительную сумму. Поскольку бесспорные доказательства принадлежности трупа господину А. отсутствовали, а некоторые обстоятельства его исчезновения вызывали сомнения, возникло предположение о страховом мошенничестве.

Полиция обратилась за помощью к прозектору Анатомического института в Геттингене профессору доктору медицины Штадтмюллеру. Вопрос, который следовало разрешить ученому, заключался в том, чтобы выяснить принадлежат ли останки тела господину А., как об этом утверждали его родственники, или нет. Полиция направила для экспертизы в Анатомический институт не только обнаруженные останки, но и прижизненные снимки А., выполненные анфас и в профиль в одну седьмую естественной величины (за несколько лет до своего исчезновения А. вступал в конфликт с законом и уголовная полиция располагала его сигналетическими фотоснимками).

Размышляя как разрешить поставленную перед ним задачу профессор Штадтмюллер пришел к выводу, что применение известного в то время в антропологии метода пластической реконструкции окажется малоэффективным так как кости представленного на экспертизу черепа были раздроблены. В то же время наличие фотоснимков А., выполненные анфас и, особенно, в профиль, да к тому же в известном исследователю масштабе — это существенно облегчало сравнительное исследование — натолкнуло ученого на мысль выполнить реконструкцию черепа в рисунке и сравнить его с соответствующими фотоснимками, так как это делали его итальянские коллеги... И еще одно обстоятельство склоняло Штадтмюллера провести исследование указанным образом. В Анатомическом институте имелись черепа казненных ранее преступников. Их прижизненные фотоснимки, выполненные по правилам приметоописательной (сигналетической) съемки можно было получить в уголовной полиции в отделе кримина-

миналистической техники. Это позволяло провести контрольные исследования, проверить надежность новой методики.

Итак, ученый приступил к производству порученной ему экспертизы. Забегая несколько вперед отметим, что его заключение имело для расследуемого дела решающее значение. Подробный отчет о проведенном исследовании Штадтмюллер поместил в немецком журнале Судебной медицины (1932). Статья называлась «Исследование тождества черепа по имеющимся в наличии в отделе криминалистической техники уголовной полиции фотограмме предполагаемого индивидуума — владельца черепа». Учитывая, что в нашей печати никаких подробностей об этой экспертизе ранее не сообщалось — а она, бесспорно, имеет не только познавательный интерес, но и продолжает сохранять большое практическое значение — мы приведем заключение геттингенского прозектора лишь с самыми незначительными сокращениями, сохраняя, по возможности, его стиль и последовательность изложения.

«Воспроизведение заключения»

Нужно проверить вопрос, принадлежал ли череп, направленный нам на экспертизу, исчезнувшему бесследно А. или нет. Череп найденного трупа будем обозначать — череп Х (ч. Х), череп пропавшего человека, чья фотография имеется в наличии — А, соответственно фотография его головы при жизни (Lichtbild) — L, А.

Неуверенность идентификации, обусловливаемая при рисовальной проверке неблагоприятным материалом (изменчивость толщины мягких тканей в зависимости от возраста, пола, упитанности) в данном случае ограничивается так как можно высчитать возраст А. в момент совершения преступления, а также наличием хороших фотоснимков, выполненных незадолго до преступления, и имеющимися в его досье указаниями «тощий». Благодаря фотографиям можно определить с известной степенью точности уменьшение изображения по сравнению с естественными размерами лица, поскольку известны фокусное расстояние объектива и расстояние между объективом и объектом съемки в момент фотографирования.

Череп был составлен профессором Гизе (Иена, Институт судебной медицины), зубы вставлены профессором Клюкгардтом (Иена, зубоврачебная клиника). Понятно, что при

столь сильном разрушении черепа эта работа была безупречной.

Итак, я установил, что средний небный шов (*Sutura palatina mediana*) и рубленая рана половины верхней челюсти значительно не совпадают и что левая верхняя челюсть в заднем секторе от клыка сильно смещена вверх против основания черепа, имея разбитый левый крыловидный отросток (*Processus pterygoideus*) клиновидной кости; резцы выдвинуты вперед, как это бывает при зубной прогнатии — результат действия топором, что не позволило разместить должным образом зубы верхней челюсти. Контурные линии лба можно было нарисовать с большой уверенностью. На левой стороне скуловая дуга и боковой край глазницы сохранились относительно хорошо, но верхняя челюсть, как было уже сказано, смещена. На правой стороне верхняя челюсть сохранилась безупречно, так как крыловидный отросток клиновидной кости не был поврежден. На правой стороне при установке нижней челюсти оба моляра правильно соприкасаются при замыкании челюсти (моляр 1 и моляр 2), но как раз на этой стороне скуловая дуга и боковой край глазницы сильно повреждены (левый край глазницы сильно вдавлен), что помешало правильной реконструкции. Область носа и внутренние, а частично верхние и нижние края глазниц сильно разрушены, так что их нельзя считать исходными данными для исследования. Несмотря на недостатки костей и зубов, которые, конечно, не были бы в лучшем состоянии, но помогли бы для установления идентификации, я исходил из того, что необходимо привести в более правильное положение верхнюю челюсть, правую скуловую дугу и край глазницы, а также ряд зубов верхней челюсти; я не был уверен, что мне удастся более хорошая реконструкция и при установлении идентификации руководствовался следующими основаниями:

1. Возможна правильная реконструкция нижней челюсти — ее контуры важны для исследования — на основе восстановления естественного зубного ряда в области обоих моляров. Исправление положения левой верхней челюсти, сильно поврежденной ударом топора, является излишним, поскольку даже при контурном рисунке черепа в профиль контурная линия верхней челюсти в данном случае не может быть принята во внимание. Выполняя рисунок анфас можно провести некоторые коррективы руководствуясь другой стороной.

2. Разрушение верхней лицевой части черепа даже в области альвеолярного отростка (Alveolarteil) верхней челюсти с верхним зубным рядом полностью исключает его как исходный пункт для диагноза.

3. Скуловая дуга и внешний край глазницы сильно повреждены на правой стороне, но сохранились на левой стороне. Одну сторону можно корректировать, используя как образец другую. Во всяком случае используя для идентификации рисовальный метод целесообразно изобразить вид X черепа в профиль как с левой, так и с правой стороны.

Дальнейшее комплектование останков костей—я это могу утверждать с большой долей уверенности — невозможно.

Состоящий из трех частей фотографический снимок пропавшего А. был сделан в отделе криминалистической техники уголовной полиции за несколько лет до обнаружения трупа неизвестного. На фотографии А в возрасте 25 лет, исчез он когда ему было около 32-х лет. Разница в несколько лет на такой возрастной ступени для строения черепа, грубо говоря, не имеет никакого значения. Снимок соответствует одной седьмой естественной величины (система Бертильона) и был сделан при расстоянии от объектива до угла глаза А. в 2 метра. Расстояние вычислялось так: $(7+1) \times \text{фокусное расстояние } 25 \text{ см} = 2 \text{ метра}$. Чтобы получить фотографию в естественную величину, с каждого из трех снимков был отснят негатив с точным соблюдением величины оригинала. С них получили копии при семикратном увеличении: L, A, 7/7, S. /=прижизненная фотография А, 7/7, вид сбоку; =Lebensbild des A, 7/7, Seitenansicht/; L, A, 7/7, V. /=тоже, вид спереди; dgl. Vorderansicht/; и L, A, 7/7, V. м. Н. /=тоже, вид спереди в шляпе; dgl. Vorderansicht mit Hut/. Измерения циркулем подтверждали высокую степень точности увеличения.

После этого X череп был установлен на специальном штативе, чтобы избежать различных неправильностей в рисунке и при увеличении. Снимок был сделан объективом с фокусным расстоянием 25 см с расстояния 2 метра от края глазницы в профиль слева и справа. При этом изображение на снимках получилось с уменьшением в 7 раз. Перед этим на основании проведенных опытов (Штадтмюллер. К определению пластического метода реконструкции физиономии черепа. Антропология, тетрадь 3, 1922, а также другая литература) нижняя челюсть черепа была зафиксирована особым способом. С обеих сторон между суставными впадинами

и головкой сустава челюсти был укреплен толстый кусок резины, соответствующий нарастающей толщине мягких тканей. Обычно нижняя челюсть не прижимается плотно к верхней, а опускается под очень небольшим градусом («спокойное состояние» в отличие от «замкнутого состояния») так что отверстие между двумя зубными рядами зияет под очень небольшим градусом. Это «спокойное состояние» достигалось фиксацией челюстей пластилином.

С негативов были сделаны снимки с 7-ми кратным увеличением. Измерения по фотоснимкам и на самом черепе подтвердили точность увеличения. Так возникли фотографии: ч. X, 7/7, I. S. / linke Seitenansicht — левый профиль/; ч. X, 7/7, r. S. /rechte Seitenansicht — правый профиль /и ч. X, 7/7, V./Vorderansicht — вид спереди/.

Затем на кальке были изготовлены контуры всех фотографий. Они не были безупречно резкими, но достаточно резкие для нашего метода, поскольку незначительная разница не достигала критических размеров с учетом большой изменчивости мягких тканей. Нерезкость и поэтому неточность в некоторых местах, таких как самая глубокая часть затылка, не имеют значения поскольку они не находятся в тесной связи с контурами мягких частей. Контуры фотографий черепа, не имеющие значения для оценки, на кальке не были нарисованы, контуры, установленные с небольшой уверенностью, нанесены штрихами, непригодные (смещенные), но которые в правильном изображении представляли бы большой интерес, нанесены пунктиром при этом их корректирование по противоположной стороне резко выделено (пунктир удлинен или заштриховано). Правильность контуров чертежа проверялась следующим образом: на схему ч. X, 7/7, левая сторона накладывались (в зеркальном изображении) контуры ч. X, 7/7, правая сторона и достигалась возможно большее совмещение линий. В результате получились только незначительные отклонения (рис. 1), обусловленные совершенно естественной асимметрией. Кроме того имелись незначительные отклонения для таких важнейших расстояний как: лоб-ухо-отверстие; подбородок-ухо-отверстие; головка сустава нижней челюсти-ухо-отверстие. Таким образом точность установки черепа в профиль представлялась вполне удовлетворительной.

Теперь была найдена литература о размерах толщины мягких тканей, для возрастной ступени 20—35 лет. В отношении размеров толщины мягких тканей нужно в общем

сказать, что в литературе о смешанных европейских расах этим размерам уделено очень мало внимания. Мы смогли воспользоваться данными Колльмана и Бюкли (Kollmann, Büchly) и в одном случае Велькера (Welcker) относительно измерений, проведенных на трупах 13 личностей. Соответствующие данные, в миллиметрах, приводим в таблице № 1.

Т а б л и ц а № 1

В какой области черепа проводились измерения	Усредненные данные	Минимум	Максимум
Верхняя точка лба (граница покрытого волосом черепа)	3,5	3,0	4,5
Нижняя точка лба (точка между обеими надбровными дугами)	4,7	3,9	6,0
Бороздка между подбородком и губой	9,0	7,0	11,0
Утолщение подбородка горизонтально	9,2	7,0	14,0
Под подбородком, вертикально по нижнему краю	5,2	3,5	7,0
Верхний затылок (только по Велькеру)	5,2	—	—
Середина черепа	5,3	—	—

Следует учитывать, что погрешности измерений для данного исследования не имеют почти никакого значения. Это можно утверждать потому, что по крайней мере в нижней точке лба дан только приблизительный контур кости. Далеко неточно можно измерить контур мягких тканей бровей. В области подбородка толщина мягких тканей особенно изменчива (прежде всего перед подбородком). В области верхнего затылка о прохождении линии мягких тканей, принимая во внимание обволосение, можно только догадываться. Размеры в верхней точке лба и под подбородком можно установить с большей точностью — они меньше подвержены изменениям.

Учитывая почерпнутые в литературных источниках данные мы прежде всего внесли средние размеры на соответствующие точки (+) контурных изображений черепа /ч. X, 7/7, левая сторона и ч. X, 7/7, правая сторона/ и расстояния минимальных и максимальных оценок в виде черных линий.

Важным для исследования являются следующие факты: расщепление рта при «спокойном положении» челюсти приблизительно около нижней половины верхних резцов. Нижняя челюсть при виде в профиль отчетливо выделяется через мягкие ткани так что на фотограмме ясно можно различить положение подбородка и угол нижней челюсти. Последний на фотограмме находится почти в тени так называемой складки ухо-челюсть. В точке лба на границе обволосения на линии мягких тканей контурную линию кости нельзя убрать с фотограммы черепа на незначительном расстоянии (по произведенным измерениям на 1,5 мм). Ее можно с большой точностью провести на предполагаемом месте. Поэтому положение этой точки лба на черепе и на профиле головы по отношению друг к другу можно определить довольно точно. Размер подбородка — как уже упоминалось — изменяется очень мало (по имеющимся данным — 3,5 мм). Толщина тканей на этом месте в 7 мм могла появиться при весьма заметной полноте, что, конечно, не могло случиться у А., в досье которого написано «тощий» и что подтверждается также фотограммой.

Очень важная деталь ухо. Вопрос как расположены по отношению друг к другу внешнее отверстие уха и слуховое отверстие в кости черепа исследовался Велькером (Велькер. Череп Шиллера и маска наряду с сообщением о гипсовой маске, снятой с умершего Канта, Брауншвей, 1883). Слуховое отверстие в кости на фотограмме головы, сделанной в профиль, несколько больше смещено назад и вверх, по сравнению с внешним ухом. Центр слухового отверстия в кости смещен на 5,3 мм назад и вверх. По измерениям Велькера, проведенным на головах 10 мужчин среднего возраста это смещение составляло: минимум — 2,2 мм, максимум — 8,5 мм. В соответствии с этим расположена суставная головка — рядом с мягкими тканями слухового прохода при закрытом рте («спокойное положение»). Другим опорным пунктом является положение глазной щели и глазного яблока в глазнице (Кольмани. Пластическая анатомия человеческого тела, Лейпциг, 1910).

Исследование на идентичность должно проводиться таким образом, чтобы рисунок контуров черепа умещался в рисунок контуров мягких тканей при соблюдении исходных данных. Эти исследования (рис. 2—7) следующие.

1. Сопоставление фотографии

X, 7/7, г. S. с фотографией L. A, 7/7, S.

2. » » X, 7/7, I. S. с фотографией L. A, 7/7, S.
(зеркальное изображение).
3. » » X, 7/7, V. с фотографией L. A, 7/7, V.
4. » » X, 7/7, V. с фотографией L. A, 7/7, V. m. H.

Наиболее точное заключение можно ожидать в результате исследований 1 и 2, так как при виде анфас (исследования 3 и 4) большой помехой является сильное разрушение черепа и выпадает исследование размеров толщины мягких тканей, поскольку точки измерения нельзя определить точно и, соответственно, расстояния представляются в перспективном искажении. Дальнейшей трудностью к исследованию 3 является то, что голова находится не строго в положении анфас; лучше обстоит положение при исследовании 4 (фотография человека в шляпе), где анфас строго соблюден. В частности можно сказать следующее:

1. Сопоставление X, 7/7, г. S.— L, A, 7/7, S.

Если ориентироваться (рис. 2) на расщепление рта и нижнюю челюсть (подбородок и угол нижней челюсти), то верны соотношения на лбу и положение глаз в глазнице — хорошо или удовлетворительно. В определяющих точках не происходит значительных отклонений, когда речь идет об изменении толщины мягких тканей. Под подбородком максимум превышен на 2 мм, что будет бросаться в глаза при «худобе». О контурах мягких тканей выпуклости головы нельзя сказать ничего с уверенностью. Но положение мягких тканей ушного отверстия и слухового отверстия в кости не соответствуют друг другу. Последнее смещено приблизительно на 5,3 мм вверх и назад по отношению к внешнему слуховому отверстию (расстояние между центральных точек) — это составляет разницу в 11 мм. Из-за этой разницы расстояние отверстия слухового прохода внешнего уха от суставной головки нижней челюсти становится неестественно большим. Если ориентировать контуры по ушным отверстиям, причем принять нормальное расстояние внешнего ушного отверстия от головки сустава нижней челюсти (рис. 3), то достигаются вполне удовлетворительные соотношения для уровня расщепления рта, на лбу и положение глаз в глазнице, но нижняя челюсть (угол нижней челюсти, подбородок) не подходят по размерам и профилю мягких тканей. Толщина мягких тканей в районе подбородка превышает максимум, особенно под подбородком (вертикально),

так что на этом основании положение нижней челюсти обязательно кажется неправильным. Предположительно, контуры черепа на верхнем затылке также являются несоответствующими (слишком мало места для покрытия мягкими тканями и волосами). Если передвинуть контуры относительно друг друга, так чтобы расстояние (все еще в среднем 5,3 мм) центральной точки ушного отверстия соответствовало данному Велькером минимуму 2,2 мм, улучшаются отношения положений—совершенно безвредно, но очень незначительно. Но относительное положение прохождения линии лба черепа и головы ухудшается при сохранении уровня расщепления рта и удовлетворительного положения глаз по отношению к краю глазницы, или же нужно отказаться от нормального положения глаз в глазнице, чтобы достигнуть нормальных соотношений в области лба. Другая ориентация (по толщине мягких тканей, положению глаз) ведет к дифференциации ушных отверстий, приблизительно также как на рис. 2.

2. Сопоставление X, 7/7, 1. S.—зеркальное изображение L, A, 7/7. S.

При ориентации на расщепление рта и нижнюю челюсть (рис. 4), как и при исследовании 1, создается удовлетворительная картина в отношении положения на лбу (здесь, однако, я взял несколько большую толщину мягких тканей), в отношении положения глаз, в отношении других толщин мягких тканей. Отклонение ушных отверстий как в случае 1; разница здесь приблизительно 11 мм связана с неестественно большим расстоянием отверстия внешнего уха и головкой сустава нижней челюсти.

Ориентируя контуры на ушные отверстия (как при исследовании 1) и получая нормальное расположение внешнего отверстия уха от головки сустава челюсти, получаем соотношения подобные указанным на рис. 3, исходя из этого я не считаю необходимым давать особый рисунок. Нижняя челюсть не уменьшается в профиле мягких тканей. Все остальное сходно с рис. 3. Если контуры соориентированы указанным образом, то расстояние ушных отверстий редуцируется к заданному Велькером минимуму (рис. 5) и тогда здесь возникает возможность соблюдения нормальной толщины мягких тканей на верхней точке лба и нормального уровня расщепления рта, но положение нижней челюсти улучшается

в очень незначительной степени. (Асимметрия черепа обусловливает здесь некоторое отклонение от результатов соответствующего исследования 1).

3. Сопоставление X, 7/7, V.— L, A, 7/7, V.

Если исходить из не совсем точных данных, контуры черепа размещаются в контурах мягких тканей в удовлетворительном с ними соотношениях. Не прибавляя еще один рисунок, я учитываю, что это исследование одинаково с исследованием 4, которое, как уже говорилось, дает более подходящий чистый вид спереди.

4. Сопоставление X, 7/7, V.— L, A, 7/7, V. м. Н.

То же, что и исследование 3 (см. рис. 6). Небольшое значение исследований 3 и 4 объяснялось ранее.

Итак, при решающих исследованиях 1 и 2 получалась или резкая разница в отношении ушных отверстий и удовлетворительное решение для других опорных пунктов, или же возникали противоречия в отношении лобной кости и прежде всего, контуров подбородка при правильной ориентации на ушные отверстия.

Может возникнуть еще одно сомнение: внешнее отверстие уха, как это дает Велькер, лежит строго говоря, не прямо в разрезе между козелком и лежащим напротив возвышении — антикозелком на внешнем ухе, как это нарисовано на моем рисунке (поскольку я придерживался фотографии), а несколько дальше наверху и сзади, так что контурная линия козелка своим задним полюсом определяет приблизительно центральную точку ушного отверстия (в соответствии с размерами, данными Велькером). Если бы я расположил контуры также, несоответствие между ними на определяющих рисунках 2—5 стала бы еще больше, а в ряде случаев привела к пересечению контуров черепа и профиля мягких тканей и даже контура волос на голове. Примером может служить рис. 7.

Являются ли обнаруженные отклонения критическими? Ответ на этот вопрос зависит от разрешения следующих сомнений: а) следует ли признать, что в отношении положения ушных отверстий друг к другу и в отношении толщины мягких тканей на подбородке существуют еще большие отличия, чем мы приняли здесь? и б) является ли сам метод

источником ошибок, значительно снижающих его надежность?

Ответ в связи с первым сомнением. Тот факт, что толщина мягких тканей в области подбородка имеет оценки, как дано на рис. 3 и рис. 5 (в складке между подбородком и губой соответственно 16 и 13 мм, на припухлости подбородка 20,5 и 18 мм, под подбородком 16 и 15 мм), позволяет совершенно исключить возможность таких соотношений особенно для «тощего» человека. У Велькера на основании измерений, произведенных на 13-ти трупах мужского пола среднего возраста, размер утолщения подбородка определен — 13 мм. У Колльмана — Бюкли максимальные размеры, полученные при измерении 14-ти трупов лиц мужского пола в возрасте 20—69 лет (в том числе 7 трупов в возрасте 20—34 года) следующие: для борозды между губой и подбородком — 13,5 (11,2) мм; для утолщения на подбородке — 13,1 (13,0) мм и для толщины под подбородком — 8,0 (8,0) мм. По Гизе (His), производившим измерения на живых людях (исключительно пальпацией) у 33-х мужчин в возрасте от 17 до 78 лет, обнаружены следующие максимальные размеры: борозда между губой и подбородком — 11,5 мм; утолщение подбородка — 15 мм (только один раз у упитанного мужчины в возрасте 51 год); под подбородком — 8 мм. На рис. 3 и рис. 5 отчетливо видны неестественные расстояния линий профиля на подбородке, но сами по себе они являются не очень убедительными. Значительно большие изменения в положении ушных отверстий в сравнении с данными Велькера, которые принимаются здесь во внимание, тоже нельзя считать точными, поскольку от положения ушных отверстий зависит также расстояние внешнего отверстия уха от головки сустава нижней челюсти. У всех людей, если ввести конец мизинца в ушное отверстие, можно нащупать головку сустава. Она исчезает (отдаляется) при открытом рте и отчетливо прощупывается если рот закрыт. Это объясняется наличием только нескольких миллиметров мягких тканей между ушным отверстием и суставной головкой (3—4 мм) (рис. 3, рис. 5 и прежде всего рис. 8), но невозможно почувствовать суставную головку при толщине мягких тканей 10—12 мм (рис. 2 и рис. 4).

Таким образом на вопрос сформулированный в пункте а) я хотел бы ответить отрицательно.

Ответ в связи со вторым сомнением. Чтобы получить ответ на вопрос о надежности метода, я сфотографировал

Х-череп еще раз справа и слева в профиль при уменьшении на $1/7$, полагая, что при уменьшении мелкие недостатки и различия примут несколько иную форму. Потом я отпечатал с негативов позитивы с увеличением в 7 раз, вновь приготовил контурные рисунки и провел исследования 1 и 2 со всеми модификациями еще раз. Итак:

5. Сопоставление X, 7/7, г. S. (два снимка)— L, A, 7/7, S.

Полученные результаты точно соответствуют результатам исследования 1. При ориентации на расщепление рта, нижнюю челюсть и лоб, расстояние между нормальным положением и возможным теперь положением центральной точки ушного отверстия достигает 12 мм (около 11 мм в 1-м и 2-м исследованиях). При ориентации на ушные отверстия и лоб нижняя челюсть не занимает правильного положения как и при исследовании 1, смещение до минимума расстояния между отверстиями не устраняют несоответствий на подбородке (как при исследовании 2). Других возможностей сопоставления (приспособления) не существует.

6. Сопоставление X, 7/7, 1. S (два снимка)— зеркальное изображение L, A, 7/7, S.

Ориентация на расщепление рта. Нижняя челюсть и лоб отклоняют ушные отверстия как при исследовании 1 и 2. Разница между положением центральных точек ушного отверстия мягких тканей и слухового отверстия в кости составляет 12—13 мм (около 11 мм при исследовании 1 и 2). При ориентации на ушные отверстия и лоб, нижняя челюсть приходит в положение, без сомнения, далекое от естественного (как и при исследовании 1 и 2). Смещения не дают ощутимых результатов.

Поскольку и исследование 5 и исследование 6 ведут к результатам, во многих чертах совпадающим с результатами исследований 1 и 2 от приложения рисунков я отказался.

Теперь можно сказать, что источником ошибок при данном методе является, без сомнения, прежде всего незначительная, но если подходить строго, возрастающая неуверенность в отношении степени увеличения. Случайно при отпечатывании копий изображения черепа произошло увеличение не в семь раз, а приблизительно на 5% меньше. С этими относительно меньшими контурами черепа были проведены

те же самые исследования. При этом возникли те же самые, но еще большие несоответствия, возникли также трудности с видом спереди. И этого можно было ожидать, так как на черепе расстояние подбородок — ушное отверстие и расстояние от точки лба до ушного отверстия имеют особое значение. Их сокращение может только увеличить несоответствие. На вопрос, как будет относиться к контуру мягких тканей относительно больший череп легко ответить. Проведя измерения на рис. 2 можно отметить три следующих расстояния на черепе — случайно — оказавшихся совершенно равными: точка подбородка К — центральная точка ушного отверстия в кости О, а также О — точка пересечения удлиненной прямой К — О с верхней контурной линией затылка, то есть Н, а также центральная точка ушного отверстия в кости О — маркированный на лбу пункт S. Итак, $KO = ON = OS$ (каждый отрезок равен 107,5 мм). При увеличении лишь на 2,3% конечная точка названной соединительной линии лежала бы несколько ниже этой линии (H^1), когда в области лица отношения контуров черепа, лба и нижней челюсти к линии мягких частей должны оставаться, по возможности неизменными, что является безусловным требованием. Из положения H^1 вытекает, что более сильное увеличение привело бы к большим искажениям. При увеличении на 2,3% О сдвинулось бы в направлении Н только на 2,5 мм, но так как расстояние OS также выросло бы на 2,5 мм, переместилось бы также О на 2,5 мм в направлении SO. Центральная точка ушного отверстия в кости стало бы тогда приблизительно на 6 мм ниже чем ушное отверстие в мягких тканях (и чуть-чуть сдвинуто вниз) в результате ничего не достигалось бы.

Таким образом сомнения в отношении надежности метода, принимая во внимание возможные смещения относительной величины контура черепа и контура мягких частей при изготовлении снимков, отпадают и можно констатировать, что метод имеет удовлетворительную надежность.

К счастью я имел возможность проверить мой метод на контрольных исследованиях, поскольку располагал фотографией преступника G, предоставленной мне отделом криминалистической техники уголовной полиции, и черепом этого человека.

Экспертиза проводилась соответствующим образом. Фотография 24-х летнего G., состоящая из трех частей, была изготовлена незадолго до смерти G. (система Бертильона, $1/7$ натуральной величины, фокусное расстояние объектива

20,0 см и удаление 1,47 м). На основании двух фотографий (вид сбоку и вид спереди) были приготовлены негативы совершенно одинаковой величины и их копии в 7-ми кратном увеличении: L, G, 7/7, S и L, G, 7/7, V. Затем был сфотографирован череп G объективом с фокусным расстоянием 20 см. и удалением 1,71 м — сбоку и спереди — при чем получилось уменьшение до 1/7. Перед этим нижняя челюсть была укреплена в желаемом положении, как это было сделано ранее с черепом X. С этих негативов были сделаны копии точно с 7-ми кратным увеличением. Измерения произведенные на фотографиях и измерения черепа подтвердили высокую точность этих операций. Так возникли фотографии ч. G, 7/7, S и ч. G, 7/7, V. Были изготовлены кальки всех фотографий, но только для частей черепа, которые безупречно сохранились на X черепе. Средние размеры мягких тканей были нанесены на соответствующие места черепа на кальке (ч. G, 7/7). Наконец последовало:

1. Сопоставление ч. G, 7/7, S — L, G, 7/7, S;
2. » ч. G, 7/7, V — L, G, 7/7, V.

Как указывалось ранее наиболее точного заключения следовало ожидать от сопоставления 1.

Сопоставление 1. ч. G, 7/7, S — L, G, 7/7, S.

Если ориентироваться по контурам расщепления рта и нижней челюсти (подбородок и угол нижней челюсти), то отношения на верхней точке лба и положение глаза в глазнице соответствуют друг другу. На всех определяющих точках линия мягких частей как раз внутри изменяемых широт. Ушные отверстия также находятся в естественном положении (расстояние около 5,3 мм), а следовательно, расстояние между ушным отверстием и суставной головкой нижней челюсти тоже естественное (рис. 8).

Сопоставление 2. ч. G, 7/7, V — L, G, 7/7, S.

Взаимоположение удовлетворительное во всех вариациях, поэтому я не даю дополнительного рисунка.

Результаты контроля оказались очень убедительными. В итоге на вопрос, сформулированный в пункте б) следует ответить так: лежащие в основе метода ошибки не оказывают существенного влияния на его надежность.

После всего этого несоответствия, обнаруженные при со-

поставлении черепа Х и прижизненных фотографий А., каждому покажутся критических размеров.

Что же касается решения вопроса о принадлежности Х. черепа голове А., то нужно сказать, что такое решение в положительном смысле вообще исключается, так как нельзя было реконструировать верхнюю часть лица (нос, верхнюю челюсть) и выяснить не будет ли в этой области несоответствия. А так как в данном случае в доступных областях были несоответствия на вопрос о принадлежности Х. черепа голове А. можно ответить отрицательно. В общем можно сказать следующее: результаты предлагаемого исследования говорят против принадлежности черепа Х., найденного в ..., голове бесследно исчезнувшего А. Надежность метода, который был применен, как показали контрольные исследования, представляется удовлетворительной».

Приведенное заключение Штадтмюллера — к его исследованиям мы еще вернемся — само по себе не разрешило тайны трупa Х. и тем более тайны исчезновения А. Однако, примененная им методика исследования получила известность, а вскоре случай позволил применить ее при расследовании еще одного тяжкого преступления.

Англия. Ланкастер — город в Шотландии. Общественность глубоко взволнована сообщением о зверском убийстве двух женщин, останки расчлененных трупов которых нашли под мостом через дорогу из Моффита в Эдинбург. Всего в результате тщательного осмотра прилегающей местности обнаружили 70 различных частей двух женских трупов: две головы, части туловища, части конечностей, искалеченные части женской груди и др. Части трупов были в свертке, в узлах, некоторые из них завернуты в куски газеты. Последние позволили сделать два важных заключения. На одном из обрывков газеты, была помещена фотография, изображающая событие, имевшее место 14 сентября 1935 года. Значит убийство произошло позднее этой даты. Тот факт, что части разных трупов оказались завернутыми в куски одного и того же номера газеты, свидетельствовали в пользу версии об убийстве обеих женщин одним и тем же лицом.

Труднейший «кроссворд» — составление из обнаруженных останков двух человеческих тел и их идентификацию (преступник, казалось, все сделал, чтобы трупы остались неопознанными: отрезал пальцы, удалил глаза, уши и зубы, снял кожу в местах, где имелись родимые пятна и т. д.) помогли

разрешить профессор судебной медицины Эдинбургского университета Глайстер и профессор патологической анатомии Бреш. На основании исследования останков они пришли к выводу, что расчленило трупы лицо, хорошо знакомое с анатомией и с секционной техникой. Это значительно сужало круг подозреваемых. Кроме того были высказаны и другие соображения, в частности, о росте и возрасте погибших и некоторых других приметах, которые могли помочь установить убитых женщин.

Вскоре в одной из газет появилось объявление о пропаже некой Мери Роджерсон, проживавшей в семье Рекстона в качестве прислуги. Объявление это было сделано родителями Мери. Поскольку приметы пропавшей без вести Роджерсон в основных чертах соответствовали приметам одной из убитых женщин, полиция заинтересовалась ее судьбой. Выяснилось, что Мэри пропала вместе со своей хозяйкой Изабеллой Рекстон, женой доктора Рекстона. Последний раз их видели в Ланкастере, где проживал Рекстон, 15 сентября. Подозрение в убийстве пало на Рекстона. В его доме произвели обыск. Его результаты еще более усилили подозрение. В ванной комнате, на перилах лестницы и на одежде Рекстона обнаружили пятна крови человека. В водостоке дома удалось обнаружить кусочки кожи человека и пучки женских волос. Нашли часть простыни, от которой был оторван кусок, использованный для упаковки частей расчлененного тела. Мать Мэри опознала шерстяную кофточку, принадлежавшую дочери (в нее были завернуты части трупа). Одной из характерных примет при этом послужила характерная штопка на локте. Нашлась свидетельница, которая опознала детские штанишки, подаренные ею Роджерсон. Преступник также использовал их для упаковки частей трупа. Эти и некоторые другие данные устанавливали личность погибшей Мэри Роджерсон достаточно убедительно. Не менее достоверно удалось установить и принадлежность второго трупа Изабелле Рекстон. При этом большую роль сыграли исследования, произведенные по методу, предложенному Штадтмюллером.

Однажды Изабелла Рекстон позировала фотографу в диадеме. Этот фотопортрет сохранился, сохранилась и диадема. Украшение использовали в качестве масштаба с помощью которого можно увеличить изображение головы женщины до ее естественных (натуральных) размеров. Черепу, который не принадлежал Мэри Роджерсон, придали по отношению к оптической оси фотоаппарата такое же положение,

как и положение головы Рекстон на ее портрете, и сфотографировали его. Затем негатив увеличили до натуральной величины. Изготовили диапозитивы: прижизненное изображение головы Изабеллы Рекстон в натуральную величину (позитив) и изображение черепа также в масштабе 1 : 1 (негатив). Совместив эти изображения изучали насколько они соответствуют друг другу. «Маска смерти» — так с легкой руки репортеров стали именовать совмещенное изображение головы человека и черепа — свидетельствовала, что череп точно «вписывается» в прижизненное изображение исчезнувшей женщины. Это позволило экспертам заключить, что обнаруженный череп может принадлежать жене доктора Рекстона (рис. 9—11).

Рекстон был арестован и обвинен в убийстве. Следствие установило, что Изабелла Рекстон убита им из ревности, а Мэри Роджерстон разделила участь своей хозяйки, поскольку оказалась невольной свидетельницей преступления и могла разоблачить убийцу. Рекстона признали виновным и по приговору суда повесили.

На континенте между тем события развивались не менее драматично, хотя на фоне сенсационного дела Рекстона и не получили столь широкой огласки. Заключение Штадтмюллера о принадлежности разным лицам предъявленных ему на исследование черепа с явными следами преступления и прижизненных фотографий господина А. совершенно неожиданно нашло свое полное подтверждение.

Безвестно пропавший и считавшийся убитым А. через шесть лет после своей «смерти» возвратился на родину живым и невредимым. Следствие установило убийство и подлог для получения страховой премии: А. убил некоего Х. труп которого пытался выдать за свой собственный. Неудачливого мистификатора и убийцу арестовали. Суд приговорил его к смертной казни, но он сумел в тюремной камере покончить жизнь самоубийством. Труп преступника передали в Анатомический институт в Иене и его голова была законсервирована.

У Штадтмюллера появилась еще одна возможность проверить надежность своего метода сопоставив прижизненное изображение головы А. с бесспорно принадлежащим ему черепом. Но для этого необходимо было мацерировать череп или воспользоваться его рентгеновским снимком. Мацерация исключалась — в институте не пожелали рас-

статься с этим препаратом — рентгеновский же снимок для целей автора был малопригоден. В конце концов настойчивость Штадтмюллера была вознаграждена — он получил разрешение произвести частичное препарирование одной стороны головы А. Результаты предпринятых исследований Штадтмюллер опубликовал в статье «О способе установления принадлежности черепов и о расследовании случая из практики. (Расследование убийства и подлога для получения страховой премии», которую поместил в том же журнале Судебная медицина (1937). Эксперименты, в целом убедили автора в перспективности его метода и в то же время позволили указать на возможные источники ошибок и дать некоторые практические рекомендации.

Прежде всего геттингенский профессор установил, что при сравнительном исследовании необходимо учитывать различия между оригиналом и фотографическим изображением, обусловленные перспективными искажениями. В частности, слуховое отверстие на снимке черепа в профиль будет находиться по сравнению с натурой несколько в стороне. Сдвиг будет зависеть от степени приближения объектива к объекту съемки. В результате многочисленных экспериментов — при этом автор использовал еще шесть черепов, казненных ранее лиц, и их прижизненные снимки — Штадтмюллер пришел к выводу, что при фотосъемке с расстояния не менее 2-х метров получаются вполне удовлетворительные результаты. Иная картина получается при использовании рентгеновских снимков. После ряда опытов экспериментатор заключил, что для судебно-медицинских целей применение рентгеновских снимков нецелесообразно.

Важным источником ошибок — предупреждал Штадтмюллер — может явиться имеющаяся почти всегда в легкой, а довольно часто и в сильной степени, асимметрия лица и в строении костей черепа. Далее необходимо учитывать трудности точного определения слухового прохода в мягких частях на снимке головы в профиль. Наконец, большие затруднения возникают на почве изменений, связанных с возрастом, в случаях когда снимок головы в профиль относится к значительно более раннему периоду жизни. На последнем обстоятельстве автор остановился особенно подробно.

В течение всей жизни происходит изменение различных частей черепа: нижней челюсти, носа и т. д., а также изменение мягких частей лица и головы, в частности, ушной раковины. Сильнее всего изменяется форма носа; с годами нос

заостряется, иногда горбится. По-видимому, это вызывается изменениями челюстей. Снимок А. в профиль был сделан, когда ему исполнилось 25 лет. Смерть наступила на 15 лет позднее. Автор брал несколько снимков разных объектов (черепов и живых лиц) и накладывал профили одних лиц на профили черепов, принадлежащих другим людям. В каждом случае он легко убеждался в несоответствии неправильно подобранных пар — несоответствие бросалось в глаза. Вывод: совпадение двух таких снимков, принадлежащих разным лицам, почти исключается. Во всяком случае некоторое совпадение в одном направлении будет безусловно сопровождаться резким несоответствием в другом.

Возвращаясь к сравнению черепа Х. с профилем головы А., исследование которых побудило автора признать их принадлежность разным лицам, Штадтмюллер указал, что хотя между ними и есть известное сходство (особенно при совмещении фотографии, выполненной анфас с соответствующим изображением черепа), все же несоответствие явно в связи с разницей размеров и на основании разного соотношения высоты к длине черепа и разницы в расстоянии от нижней точки подбородка до средней точки слухового прохода в кости черепа (рис. 12 и 13).

Итак, два предумышленных убийства, тщательно продуманных, совершенных расчетливо, с редкой жестокостью, хладнокровно и, конечно же, с полной уверенностью в безнаказанности... Две талантливейших экспертизы — подлинно научные исследования, полные поиска, энтузиазма, глубоких специальных знаний, филигранного технического исполнения — они позволили разоблачить преступников, сделать возможным справедливое возмездие... Две экспертизы, знаменующие собой рождение нового научного метода исследования, известного в настоящее время как метод идентификации неизвестного трупа путем фотосовмещения его черепа с бесспорной прижизненной фотографией исчезнувшего лица.

§ 2. Становление метода: модификации, некоторые недостатки и пути совершенствования

1. В настоящее время случаи экспертной идентификации трупа методом фотосовмещения бесспорного фотоизображения исчезнувшего лица с изображением предположительно принадлежащего ему черепа перестали быть редкостью. Большая заслуга в признании и довольно широком распро-

странении этого вида экспертизы принадлежит С. А. Бурову, М. М. Герасимову, В. С. Житкову, Ю. Г. Корухову, А. С. Кравчинской, Ю. М. Кубицкому⁴, Л. Н. Наместниковой, Е. А. Норейко, В. П. Петрову, В. И. Пашковой, Н. Н. Ронжиной, Л. В. Станиславскому, Х. М. Тахо-Годи, А. И. Журавлеву, П. П. Цветкову и другим ученым и практическим работникам наших судебно-медицинских и криминалистических учреждений.

На примерах первых экспертных исследований этого вида мы уже показали, что отождествления личности по черепу методом фотосовмещения заключается в сопоставлении путем наложения друг на друга фотоизображений черепа и головы исчезнувшего лица на бесспорно принадлежащей ему прижизненной фотографии. Этот метод, найденный эмпирическим путем, базируется на бесспорно научных теоретических основаниях.

Одно из положений марксистской диалектики гласит: «нет двух вещей тождественных между собой». «Само собой разумеется — писал по этому поводу Ф. Энгельс, — что тождество с собой уже с самого начала имеет своим дополнением отличие от всего другого»⁵. Голова человека — как и его череп — не представляют, разумеется, в этом отношении исключения. В частности, голова человека, выступая в качестве очень богатого и яркого формообразования (особенно в лицевой своей части), представляет собой пример весьма броской и наглядной индивидуальности.

Мягкие ткани внешнего покрова головы, образующие всю ее видимую поверхность, и лицо в том числе, формируются соответственно строению своей костной основы — черепа. Объективно установлено, что распределение и строение мягких тканей лица человека находится в корреляционной зависимости от своей костной основы⁶. Определенные закономер-

⁴ Доктор медицинских наук Ю. М. Кубицкий, возглавляя физико-технический отдел Института судебной медицины, первым в Советском Союзе применил метод фотосовмещения по делу об исчезновении редактора «Истринской правды» Чикина (1941 год).

⁵ Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, М., 1955, стр. 169.

⁶ В отличие от функциональной корреляционная зависимость предполагает, что значению одной величины соответствует определенное распределение вероятностей другой величины. Применительно к нашей проблеме сказанное означает, что значению тех или иных признаков черепа (и совокупности этих признаков) могут соответствовать несколько значений соответствующих признаков на голове (лице) человека. Исследо-

ности, существующие между рельефом костной основы головы и покрывающих ее мягких тканей, в каждом случае определяют отражение на мягких тканях головы соответствующий индивидуальный комплекс признаков, характеризующий каждый отдельно взятый череп живого человека. Таким образом, знание закономерностей формирования мягких тканей головы человека в зависимости от особенностей строения ее костной основы⁷ позволяет сопоставить представленный на исследование череп с прижизненным фотографическим изображением головы исчезнувшего лица и на основании результатов сравнительного анализа высказаться о взаимосоответствии этих объектов.

Теоретические предпосылки, выступающие в качестве научного основания метода, обуславливают основные требования, предъявляемые к технике выполнения экспертизы. Таковыми являются: а) фотографирование черепа в ракурсе, точно соответствующем положению головы исчезнувшего на его прижизненной фотографии; б) приведение изображений черепа и головы идентифицируемого лица к одному масштабу; в) лишь после неприменного выполнения первых двух условий наложение (фотосовмещение, «аппликация», «суперпозиция») изображений друг на друга и их сравнительное исследование.

2. Вряд ли следует доказывать подробно, что при сравнительном исследовании фотографических изображений, а также рисунков, карт, чертежей и др. графических построений, необходимо знать масштаб, в котором каждый из них выполнен. Если масштаб неизвестен исследователь лишен возможности учитывать цену, интересующих его линейных отрезков, не может судить о натуральной величине объектов, их деталей и отдельных фрагментов⁸. Сколь-либо объективные результаты исследований, предпринятых для выяс-

---

вания показывают, что указанные отклонения при исследовании одноименных (соответствующих) признаков на черепе и мягких тканях головы в основном проявляют себя в незначительных пределах.

⁷ Для выяснения указанной зависимости многое сделал М. М. Герасимов — доктор исторических наук, антрополог, археолог и скульптор.

⁸ Хороший пример, иллюстрирующий указанное положение, дает нам история космонавтики... В свое время в английских газетах — несколько раньше чем в прессе Советского Союза — были опубликованы фотоснимки лунного ландшафта, переданные с автоматической станции «Луна-9». После того как соответствующие фотографии опубликовали советские ученые стало очевидным, что информация, которую, видимо, из сообщений сенсационного характера поспешила опубликовать английская

нения тождества тех или иных объектов, оказывается невозможным. Значение операции по приведению сравниваемых изображений к одному и тому же масштабу также не требует пояснений. Подчеркнем лишь важность такого приема в случаях, когда приходится высказывать суждение о предметах, проекции которых на плоскости подобны и отличаются друг от друга только своими размерами. Отмечая это, мы имеем в виду, что проекции черепа и головы человека — любое фотоизображение можно рассматривать как результат центрального проектирования фотографируемого объекта на плоскость — в значительной своей части выступает практически именно в таком качестве, особенно в тех местах, которые соответствуют непосредственному прилеганию мягких тканей к костям черепа и где соответственно мягкие ткани имеют сравнительно небольшую толщину (проекция свода черепа и контуры мягких тканей, его облегающих).

О необходимости приведения фотоизображений черепа и головы идентифицируемого лица на его прижизненном снимке к одному и тому же масштабу, как неременном условии их последующего сравнительного исследования, пишут буквально все авторы, касавшиеся вопросов техники проведения таких исследований. Сошлемся на несколько источников. Они подобраны нами с расчетом показать, что мнение специалистов по этому вопросу было и остается неизменным, начиная с момента производства первых таких исследований до настоящего времени.

В сообщениях о первых случаях применения в Англии метода фотосовмещения изображений черепа и головы исчезнувшего лица на его прижизненной фотографии для целей идентификации личности указывается, что при наложении «маски смерти» фотографию черепа увеличивали до размеров **точно пропорциональных** прижизненной фотографии (M. Belli) ⁹.

обсерватория Джодрэлл Бэнк, мягко говоря, не соответствует действительности... Что же произошло? С разъяснением по этому вопросу выступил председатель Комиссии по исследованию и использованию космического пространства АН СССР академик А. А. Благонравов. Оказывается, приняв незашифрованные радиосигналы с нашей автоматической станции, англичане воспроизвели изображение, не зная ни вертикального ни горизонтального масштабов. Прием и обработка сигналов без учета указанных факторов и привели к конфузу о котором идет речь... См. Правда, 8 февраля, 1966.

⁹ См. Melvin M. Belli. Modern Trials. California, 1954, s. 2133. В этой книге известный в США адвокат Мелвин Бейли упоминает о при-

В другом источнике находим еще более определенное указание, согласно которому фотографии черепов в этих случаях совмещались с прижизненными фотографиями исчезнувших лиц, после того как изображения были приведены **до натуральной величины** (А. Свенсон, О. Вендель)¹⁰.

О безусловной необходимости приведения сравниваемых изображений черепа и головы идентифицируемого лица на его прижизненной фотографии к одному и тому же масштабу писали Ю. М. Кубицкий, С. А. Буров, В. П. Петров и другие авторы. В вышедшем несколько лет тому назад из печати «Пособии по основам научной фотографии в судебной медицине», в котором Х. М. Тахо-Годи как бы подводит итог, накопленному в этой области опыту, также подчеркивается, что при идентификации личности по черепу методом фотосовмещения сравниваемые объекты фотографируются **в одном и том же масштабе**¹¹.

Мы остановились на этих совершенно правильных положениях не случайно. Дело в том, что требование обязательного приведения сравниваемых изображений черепа и головы идентифицируемого лица на его прижизненной фотографии к одному и тому же масштабу в настоящее время на практике фактически не выполняется и происходит это прежде всего потому, что авторы, которые указанное требование провозглашают, сами же игнорируют его, сводят на нет, как только начинают давать практические рекомендации.

Обратимся в связи с этим к упоминавшейся книге Х. М. Тахо-Годи. По мнению этого автора, реализация тре-

менения метода фотосовмещения прижизненной фотографии и черепа для целей идентификации исчезнувшего лица в связи с тремя уголовными процессами. Два из них: дело доктора Рекстона, обвинявшегося в убийстве своей жены и ее горничной, а также дело Гарри Добкина, обвинявшегося в убийстве своей жены (так называемое «дело о погребке баптистской церкви»), у нас достаточно хорошо известны. Третье дело по фабуле сходно с двумя названными выше. Муж, убив свою жену, расчленил труп и расчлененные части трупа разбросал в лесу. Череп жертвы обнаружил охотники через шесть месяцев после убийства. Кости были полностью очищены от мягких тканей. Их обглодала лиса. Автор по каким-то соображениям не называет фамилии и имена участников этой трагедии, ограничиваясь указанием на то, что они были состоятельные люди и совершили преступление в состоянии крайнего ожесточения, свидетельствующем о его невменяемости.

¹⁰ См. А. Свенсон, О. Вендель. Раскрытие преступлений. М., 1957, стр. 447—448.

¹¹ См. Х. М. Тахо-Годи. Пособие по основам научной фотографии в судебной медицине. М., 1965, стр. 130.

бования о приведении сравниваемых изображений черепа и головы исчезнувшего лица на его прижизненной фотографии к одному и тому же масштабу будет обеспечена при условии выполнения следующих операций.

Прежде всего, указывает Х. М. Тахо-Годи, с представленной на исследование фотографии исчезнувшего лица необходимо сделать репродукцию размером 9×12 см, изготовить с нее контактным способом диапозитив, отметить на нем анатомо-топографические контуры и точки, после чего приложить диапозитив к матовому стеклу фотокамеры, направленной на череп, и, наблюдая на матовом стекле его изображение, «передвигать фотокамеру или отодвинуть от нее череп так, чтобы изображение на матовом стекле и на диапозитиве оказались в одном масштабе (?)». После этого, — продолжает автор, — надо придать черепу такое положение, какое имеет изображение головы на диапозитиве, убедиться в наличии (или отсутствии) достаточно выраженного совмещения изображений по основным анатомо-топографическим контурам и точкам, убрать диапозитив, заменить матовое стекло кассетой, заряженной фотопластинкой, обращенной эмульсионной стороной не к объективу, как обычно, а от него, и череп сфотографировать. Полученный таким образом обращенный (зеркальный) негатив с изображением черепа и негативное изображение головы идентифицируемого лица складываются эмульсионными сторонами друг к другу так, чтобы совпали совмещаемые анатомо-топографические контуры и точки, и путем проекции печатают с них на одном листе фотобумаги совмещенное позитивное изображение, которое наглядно демонстрирует результаты исследования.

Надо отметить, что Х. М. Тахо-Годи без каких-либо изменений изложил технику отождествления личности методом фотосовмещения по черепу и прижизненной фотографии исчезнувшего лица, применявшуюся Ю. М. Кубицким. Последний, кстати сказать, также считал, что при «корректировании черепа в пространстве» с целью совмещения его изображения с приложенным к матовому стеклу фотокамеры диапозитивным изображением головы исчезнувшего лица «продолжается дальнейшая более точная масштабная (?) коррекция»¹².

Однако где же манипуляции, призванные привести срав-

¹² Отождествление личности неопознаваемого трупа по черепу. Советская криминалистика на службе следствия, вып. 9, М., стр. 146.

ниваемые изображения к одному и тому же масштабу? В предлагаемых рекомендациях о них нет даже намека. От того же, что простое увеличение (уменьшение) одного из сравниваемых изображений до размеров другого называют «приведением к одному масштабу» результат фактически выполненных действий не станет иным.

Некоторые эксперты внесли в предложенную технику фотосовмещения отдельные изменения. Так, С. А. Буров вместо диапозитива применяет прозрачную пленку, на которой, с предварительно увеличенной (уменьшенной) до размеров 9×12 см фотографии головы идентифицируемого лица, отмечает контуры и отдельные анатомо-топографические ориентиры, подлежащие сравнению с соответствующими ориентирами на костях черепа. Применение прозрачной пленки, по мнению С. А. Букова, позволяет экспериментатору без каких-либо помех различать все детали строения черепа и тем самым выгодно отличается от проецирования черепа на прикладываемый к матовому стеклу фотокамеры диапозитив.

Учитывая, что большое количество деталей имеет на диапозитиве различную плотность и это мешает при совмещении различать ориентиры на костях черепа, Е. Н. Норе́йко переносит основные контуры и анатомо-топографические ориентиры с прижизненной фотографии исчезнувшего лица непосредственно на матовое стекло фотокамеры.

В. П. Петров и Б. П. Краверский также не изготавливают в указанных случаях диапозитива. Вместо матового стекла они вставляют в фотоаппарат негатив с изображением головы идентифицируемого лица, полученный с представленной на исследование фотографии. А. А. Гусев пишет о совмещении двух диапозитивов: одного с изображением головы исчезнувшего лица, другого с изображением черепа. К. Ш. Кронгауз упоминает о совмещении прижизненной фотографии идентифицируемого лица и фотографии черепа на экране с помощью проекционного фонаря.

Выше приведены все модификации метода, о которых сообщалось в нашей печати. Нетрудно заметить, что предложенные изменения касаются выполнения лишь отдельных технических приемов и только. В наиболее же важном, можно сказать, главном вопросе — вопросе, касающемся выполнения основных требований, вытекающих из теоретических предпосылок метода, все они, повторяя методику Ю. М. Кубицкого, неизменно сводятся к приведению сравниваемых изображений к **одному и тому же размеру** и совершенно игно-

рируют правило о приведении сравниваемых изображений к одному и тому же масштабу.

Но нельзя забывать, что увеличение (уменьшение) одного из сравниваемых изображений до размеров другого далеко не означает выполнения задачи по приведению изображений к одному и тому же масштабу. Увеличение (уменьшение) одного из сравниваемых изображений до размеров другого и приведение их к одному масштабу — разные вещи!

Привести к одному размеру в принципе возможно изображения любых объектов. При этом не имеет значения, какими величинами характеризуются их истинные размеры и известны ли они экспериментатору. Указанная возможность нередко используется в кино, где смещение пропорций снимаемых объектов и совмещение в одном кадре изображений объектов в заведомо разновеликих масштабах выступает в качестве специального технического приема, призванного создать у зрителей необходимые по замыслу режиссера иллюзии. Что же касается приведения изображений к одному и тому же масштабу, то такая операция возможна при условии, если известны натуральные размеры объектов в целом, отдельных их фрагментов или деталей.

Выполнение задачи по приведению изображений к одному и тому же масштабу означает, что любые равной длины линейные отрезки, взятые на каждом из сравниваемых изображений, непременно будут иметь одну и ту же цену. Именно это обстоятельство и создает предпосылки для объективного сравнительного исследования, обеспечивая сохранение истинного соотношения размеров сопоставляемых объектов, независимо от последующего увеличения (уменьшения) их изображений. В этом суть. Но как раз именно это положение на практике в подавляющем большинстве случаев производства экспертиз по идентификации личности по методу фотосовмещения не учитывается.

Нам могут возразить, сославшись на то, что при определенных условиях приведение изображений различных объектов до одинаковых размеров равнозначно приведению их к одному и тому же масштабу. Действительно, в случаях когда экспериментатор имеет дело с изображениями равновеликих объектов или с изображениями объектов, которые в прошлом составляли одно целое указанное положение правильно. Однако нельзя на этом основании утверждать, что изложенные выше действия экспертов, производящих отождествление личности методом фотосовмещения по черепу и

прижизненной фотографии исчезнувшего лица обеспечивают соблюдение правила о приведении сравниваемых изображений к одному масштабу.

Увеличение (уменьшение) изображения черепа до размеров изображения головы идентифицируемого лица можно было бы считать равнозначным их приведению к одному масштабу только при условии если **достоверно известно**, что череп принадлежит скелету человека, личность которого пытаются установить, располагая его прижизненной фотографией. Но в таких случаях нет необходимости назначить экспертизу. Если же экспертиза назначена, то эксперт, естественно, не может презумировать принадлежность черепа лицу, изображенному на представленной ему фотографии. Эксперт поступающий иначе дискредитирует саму идею метода фотосовмещения, легко может дать неправильное заключение, а это всегда чревато самыми тяжелыми последствиями.

Каким же образом следует поступать, чтобы привести сравниваемые изображения черепа и головы идентифицируемого лица к одному и тому же масштабу?

Мы уже отмечали, что для приведения изображений различных объектов к одному масштабу необходимо знать натуральные размеры каждого из этих объектов в целом или их отдельных фрагментов, деталей, линейных отрезков. В этом направлении и должны быть направлены усилия эксперта.

Размеры черепа по его фотографическому изображению контролировать в процессе фотосовмещения нетрудно — для этого достаточно сфотографировать череп по правилам масштабной фотографии. Значительно сложнее определить по фотографии натуральные размеры головы исчезнувшего, так как обычно приходится иметь дело с любительскими, случайными снимками. Исключения составляют фотографии, выполненные по правилам сигналетической (приметоописательной) фотосъемки, но рассчитывать на их получение возможно лишь в случаях, когда исчезнувшее лицо в прошлом отбывало наказание в местах лишения свободы¹³. Практика знает такие случаи.

В мае 1954 года путевой обходчик Никитовской дистанции пути Красно-лимановского участка Донецкой железной

¹³ При сигналетической (приметоописательной) фотографии съемка производится в 1/7 натуральной величины.

дороги Холудеев и его сожительница Коношенко убили неизвестного гражданина грузинской национальности. Потерпевшему были нанесены удары топором. Вскоре после этого преступники выехали в Сибирь. Через три с лишним года после убийства Коношенко донесла властям о совершенном преступлении. Костные останки убитого были извлечены с места их захоронения в сентябре 1957 года. Возникло предположение, что жертвой преступления, совершенного с целью ограбления, явился Жвितिашвили, ранее проживавший в Кутаиси и в 1943 году осужденный народным судом за спекуляцию к длительному сроку лишения свободы. Для отождествления личности по черепу методом фотосовмещения в Научно-исследовательский институт судебной медицины были направлены сигналетические снимки Жвितिашвили, полученные в исправительно-трудовой колонии, где он отбывал наказание. Фотосовмещение изображений черепа и прижизненных изображений головы Жвितिашвили на указанных фотоснимках (профиль, анфас) было произведено в одних и тех же ракурсах и масштабе. Отчетливо выраженное совпадение анатомо-топографических точек и контуров отождествляемого лица и черепа, позволило экспертам заключить, что череп принадлежит мужчине, изображенному на фотографии, т. е. Жвितिашвили (рис. 14—16). Заключение экспертов явилось основным доказательством, позволившим установить личность убитого.

В случаях, когда масштаб прижизненных снимков исчезнувшего лица неизвестен, необходимо для установления этого масштаба обратиться к физическим законам, лежащим в основе фотографического процесса. Использование этих законов дает возможность определить расстояние между сфотографированными объектами и их истинные размеры не только по фотоснимкам, изготовленным с использованием масштаба (масштабная фотосъемка), но и по случайным, любительским фотографиям. Такая задача может быть решена путем специальных нередко весьма сложных построений и расчетов, применяемых в фотограмметрии.

После того, как соотношение размеров изображения головы исчезнувшего лица и его размеров в натуре установлено и представляется возможность судить об истинной цене любых взятых на фотографии отрезков, привести сравнимые изображения к одному и тому же масштабу уже не сложно. Ориентирами при этом могут служить расстояния

между любыми неподвижными по отношению друг к другу точками, например расстояние между наружными углами глаз головы человека на его прижизненной фотографии и расстояние между латеральными (внешними) краями глазниц черепа.

Если на фотоснимке запечатлен хотя бы один предмет, имеющий определенную стандартную величину (университетский значок на лацкане пиджака, спичечный коробок в руке, бутылка на столе, за которым позирует снимавшийся, рисунок обоев, случайно попавших в кадр и т. д.) выяснение размеров любого другого объекта, находящегося в кадре, значительно упрощается. В таких случаях размеры сфотографированных объектов могут быть установлены не только фотографометристами, но и экспертами иных специальностей, если они, конечно, знакомы с необходимой методикой и имеют достаточные опыт и навыки. Практика знает, в частности, примеры, когда по случайным снимкам определяли натуральные размеры различных объектов эксперты-криминалисты.

Предлагаемый метод, разумеется, гораздо сложнее, чем простое увеличение (уменьшение) размеров одного из сравниваемых изображений до размеров другого. Идти, однако, необходимо именно этим путем, поскольку заключение эксперта должно претендовать не на внешнюю убедительность выводов, а на подлинно научную и вполне объективную доказанность факта.

Не исключено, что прежде чем появится возможность определить масштаб, присланный на исследование фотографии и изображение головы исчезнувшего лица можно будет привести до натуральной или иной определенной величины, следовательно придется проделать большую дополнительную работу: разыскать негатив, на котором сохранились важные не попавшие при позитивной печати в кадр детали, выйти на место, где производилось фотографирование с тем, чтобы обнаружить и измерить изображенные на снимке предметы, выяснить каким аппаратом сделан снимок, какая применялась оптика и собрать иные сведения об условиях фотографирования. В случаях, когда в распоряжении следствия имеется фотоснимок, на котором исчезнувший сфотографирован в группе лиц, у следователя появляется дополнительная возможность определить масштаб изображения, включив в сфотоснимки лиц из числа запечатленных на групповом портрете.

Как же следует поступить эксперту, если, несмотря на предпринятые усилия, не удалось определить масштаб, в котором выполнена фотография с изображением исчезнувшего лица? Следует ли сообщить следователю (суду) о невозможности произвести экспертизу или можно воспользоваться приведением сравниваемых изображений до одного размера без учета масштаба, в котором они выполнены?

Представляется, что прием, о котором идет речь, полностью списывать с вооружения экспертов, производящих отождествление личности методом фотосовмещения по черепу, было бы неверно. Этот прием может быть полезен, если привести сравниваемые изображения к одному масштабу не представилось возможности, и эксперт принял решение продолжить исследование по схеме «доказательство от противного». Допуская условно, что присланный на исследование череп принадлежит лицу, изображенному на фотографии (об этом, разумеется, следует указать в акте экспертизы), эксперт может довести изображение черепа и головы исчезнувшего лица до одного и того же размера. Если после этого какие-либо части черепа при совмещении не «впишутся» в изображение головы отождествляемого лица, следует вывод о ложности выдвинутого тезиса и утверждается, что череп не принадлежит скелету человека изображенного на фотографии.

Если отрицать тождество нельзя (изображение черепа «улеглось», «вписалось» в изображение головы)¹⁴ эксперты, по нашему мнению, должны отказаться от возможности дать заключение, так как вывод о том, что тождество «вероятно», «возможно» и т. п. был бы неправомерен, поскольку логическая структура избранной схемы исследования не дает для этого оснований. Исследование по схеме «доказательство от противного» обязывает экспертов подойти к составлению акта экспертизы особенно ответственно. Текст этого документа должен предельно точно отражать суть действий экспертов, не оставляя места для каких-либо сомнений и кри-

---

¹⁴ Уместно отметить, что применительно к положительным результатам идентификации личности покойного по черепу методом фотосовмещения и в процессуальных документах и в специальной литературе употребляются формулировки, носящие весьма условный характер («совмещение контуров», «вписывание», «слияние» и пр.). Контур прижизненного изображения головы человека и ее костной основы, при условии соблюдения одного и того же масштаба, не могут ни «совпасть», ни «слиться» поскольку между ними должно остаться пространство, соответствующее толщине мягких тканей.

вотолков. Ни в прямой, ни в косвенной форме употребляемые экспертами формулировки не должны создавать ложного впечатления о якобы имевшем место соблюдении одинаковых масштабных соотношений при сравнительном исследовании сравниваемых изображений. В качестве положительного примера сошлемся на акт экспертизы по делу об исчезновении Смирнова.

В областное Бюро судебно-медицинской экспертизы Калининского облздравотдела поступил найденный в лесу череп и прижизненная фотография исчезнувшего Смирнова. Эксперт не имел возможности установить в каком масштабе выполнена эта фотография. Соответственно не мог он привести изображения сравниваемых объектов к одному и тому же масштабу. Тем не менее исследование было произведено. В акте экспертизы, составленном экспертом, читаем следующее: «...изображение черепа увеличивалось до размеров, которые он должен был бы иметь в случае соответствия отождествляемой голове (подчеркнуто нами.— В. Ш.). Произведенное при этом сопоставление исследуемых объектов по верхней части, т. е. своду черепа, глазницам и основанию носа выявило полное несовпадение в нижней части, особенно в области подбородка»¹⁵. В приведенном случае эксперт совершенно обоснованно пришел к выводу о том, что исследуемый череп не может принадлежать человеку чей фотопортрет следственные органы представили на экспертизу (категорическое отрицательное заключение о тождестве).

3. Выше мы касались вопросов, связанных с требованием приведения сравниваемых изображений к одному и тому же масштабу. Не менее важно, однако, соблюдать и другое правило — правило о придании черепу строго определенного положения в пространстве. Череп, как об этом уже указывалось, необходимо сориентировать относительно оптической оси фотоаппарата таким образом, чтобы его положение точно соответствовало ракурсу головы исчезнувшего лица на его прижизненной снимке. Эта операция по времени должна предшествовать приведению изображений к одному масштабу и выступать в качестве совершенно самостоятельного этапа экспертизы. Выполнение этой операции должно обеспечить получение вполне надежных и объективных результатов.

Предъявленное требование может быть выполнено с по-

¹⁵ Акт экспертизы № 4 от 25 февраля 1964 года (эксперт Н. Н. Ронжина).

мощью геометрических построений. Например, в случае, если пропавшее без вести лицо изображено на прижизненной фотографии анфас, можно провести среднюю линию головы и линию, соединяющую наружные углы орбиты глаз. При наличии снимка в профиль удобно провести лицевой угол, одна сторона которого образуется касательной линией между наиболее выдающейся частью лба и местом соединения носа с верхней губой, другая — линией, соединяющей эту точку с наружным слуховым проходом. Соответствующую разметку на черепе целесообразно выполнить с помощью черных ниток. Они будут хорошо видны на матовом стекле фотоаппарата.

Если положение головы исчезнувшего лица в момент фотографирования не было строго анфас или строго в профиль, при совмещении указанных линий в плоскости матового стекла необходимы коррективы. Эти коррективы следует внести, ориентируясь на расположение стойких опознавательных пунктов головы (точка самого высокого выступа центральной выпуклости надбровных дуг, место сочленения носа с верхней губой, угол рта, наружный угол орбиты глаз, передний верхний угол скуловой кости, переднее нижнечелюстное окончание жевательного мускула, нижняя точка края подбородка) и соответствующих ориентиров скелетированного черепа. Учитывая ракурс головы, изображенного на фотографии человека, эксперт должен выдержать определенные расстояния между указанными ориентирами на костях черепа и сторонами матового стекла фотоаппарата, а также величину углов, образованных пересечением продолжения базальной линии и стороной матового стекла и пересечением плоскости этого стекла с сагиттальной плоскостью черепа. Соблюдение приведенных указаний обеспечивает нужную ориентацию черепа относительно оптической оси фотоаппарата без чего последующее совмещение изображений черепа и головы отождествляемого лица теряет какой-либо смысл¹⁶.

¹⁶ К сожалению на практике эти требования также соблюдаются не во всех случаях. Так, В. А. Кажев изготавливает серию негативных изображений черепа. Каждый из них отличается друг от друга степенью поворота и наклона черепа. Из этой произвольно сделанной серии В. А. Кажев выбирает негатив, на котором изображение черепа «как можно больше совпадает с положением головы на прижизненной фотографии». Выбранный негатив используется для фотосовмещения. Таким образом, объективный критерий ориентации черепа в пространстве подменяется ничем не контролируемым усмотрением экспериментатора. Подобные действия эксперта, по нашему мнению, совершенно недопустимы. См.

В доступной нам зарубежной специальной литературе мы обнаружили аналогичные рекомендации. В немецком журнале Судебная медицина О. Грюнер и Р. Рейнхард опубликовали интересную статью в которой, положительно оценивая возможности «фотографического способа установления личности по черепу», предлагают специально сконструированное ими и изготовленное приспособление, позволяющее придать исследуемому черепу положение в пространстве относительно оптической оси фотоаппарата точно соответствующее ракурсу головы исчезнувшего лица на его прижизненной фотографии¹⁷. Мы помещаем репродукцию фотоснимков из работы О. Грюнера и Р. Рейнхарда (рис. 17—23). Они дают достаточно наглядное представление о технике фотосовмещения, предложенной авторами.

4. Для того чтобы гарантировать объективность, научную обоснованность и достоверность результатов идентификации личности по черепу методом фотосовмещения соблюдение правила о приведении сравниваемых изображений к одному и тому же масштабу и фотографировании черепа в ракурсе точно соответствующем положению головы исчезнувшего человека на его прижизненной фотографии — условие необходимое, но недостаточное. В процессе любого вида экспертной портретной идентификации — отождествление личности умершего человека по черепу методом фотосовмещения является одним из видов портретной идентификации — необходимо соблюдать определенные требования. Предъявляемые к самим объектам таких исследований. В частности, необходимо четко дифференцировать названные объекты на идентифицируемые (отождествляемые) и идентифицирующие (отождествляющие), не допускать их смешения, а также соблюдать иные правила, выработанные теорией и практикой.

Важное значение имеет классификация названных объектов на идентифицируемые (отождествляемые) и идентифицирующие (отождествляющие). В качестве идентифицируемого объекта в процессе портретной идентификации высту-

В. А. Кажев. О технике фотосовмещения при отождествлении черепа с прижизненной фотографией. В кн. Сборник научно-практических работ судебных медиков и криминалистов, вып. 2, Петрозаводск, 1963, стр. 128—131.

¹⁷ O. Grüner und R. Reinhard. Ein photographisches Verfahren zur Schädelidentifizierung. Deutsche Zeitschrift für gerichtliche Medizin, Bd. 47, S. 247—256 (1959).

пает тот или иной конкретный субъект. Группа отождествляющих (идентифицирующих) объектов неоднородна. Они подразделяются на объекты исследуемого происхождения, в нашем случае отражающие признаки внешности субъекта (живого человека или трупа), личность которого следует установить, и объекты несомненно отражающие признаки внешности идентифицируемого лица. Такая классификация точно определяет место каждого из этих объектов в процессе экспертного исследования. Это позволяет избежать смешения объектов исследования и придает процессу идентификации необходимую логическую завершенность и четкость. И еще одно непеременимое условие: идентифицирующим (отождествляющим) объектам портретной криминалистической идентификации должна быть присуща бесспорная объективность и точность в передаче признаков внешности как идентифицируемого, так и проверяемого субъекта (живого человека или трупа). Фотографические снимки вполне соответствуют этому требованию, чего нельзя сказать об иконографическом материале (рисунки, графика, скульптура). Экспертные заключения о тождестве на основании исследования объектов этого вида, по нашему мнению, неправомерны^{17а}, но в последнее время встречаются на практике. Практика эта имеет свою предисторию, связанную с «атрибуцией» литературоведом И. Л. Андронниковым так называемого «вульффертовского» портрета...

Однажды, работая в музейном отделе Пушкинского дома Академии наук СССР в Ленинграде И. Л. Андронников случайно обнаружил любительскую фотографию, на которой был изображен молодой военный. Лицо этого военного казалось «ужасно знакомым»... Выяснилось, что фотография попала в Пушкинский дом из Лермонтовского музея кавалерийского училища, куда она поступила от владельца портрета — бывшего члена Московской судебной палаты В. К. Вуль-

^{17а} Сказанное, разумеется, не означает, что иконографический материал вообще не может выступать в качестве объекта криминалистических идентификационных исследований. Живописные портреты, графика, скульптура, отражая определенный уровень подготовки мастера, школу, особенности технических приемов и т. д., могут явиться объектом исследования, в результате которого может быть установлен автор художественного произведения. Нельзя исключить необходимость приглашения специалиста и для решения вопроса о соответствии тех или иных признаков внешности субъекта, изображенного, например, на живописном портрете признакам внешности, которыми обладает (обладало) конкретное физическое лицо и т. д.

ферта. После долгих поисков, увлекательно описанных И. Л. Андронниковым в рассказе «Портрет», оригинал портрета оказывается в распоряжении автора. Кто и когда рисовал портрет — неизвестно. Неизвестно кто изображен на портрете и как портрет попал в дом Вульффертов. Автор, однако, убежден, что им обнаружен доселе неизвестный портрет М. Ю. Лермонтова и настойчиво ищет доказательства этому... В итоге он объявляет, что принадлежность портрета установлена...

Основным доказательством атрибуции М. Ю. Лермонтова в персонаже «вульффертовского» портрета И. Л. Андронников считает мнение криминалиста проф. С. М. Потапова, предпринявшего сравнительное исследование этого портрета и одного из несомненных рисованных с натуры изображений поэта. Между тем ни характер указанного исследования, ни его результаты при объективном их рассмотрении не давали оснований для такого вывода. Сама идея применить в данном случае метод портретной идентификации была порочна. Исследователь предпринял попытку с негодными средствами, так как предоставленный в его распоряжение иконографический материал не давал оснований для каких-либо однозначных, носящих объективный характер выводов относительно атрибуции лица, изображенного на спорном портрете. Но дело не только в этом.

При сравнительном исследовании «вульффертовского» портрета и портрета М. Ю. Лермонтова кисти П. Е. Заболотского, написанного масляными красками с миниатюры неизвестного художника (1840 г.), проф. С. М. Потапов использовал метод фотоналожения. Применение этого приема предполагает соблюдение следующих условий: а) сравниваемые изображения должны быть выполнены в одном и том же ракурсе, б) сравниваемые изображения необходимо привести к одному масштабу. Ни одно из них не было соблюдено.

Нетрудно убедиться, что на бесспорном изображении М. Ю. Лермонтова кисти П. Е. Заболотского художник нарисовал лицо поэта несколько в ином ракурсе, чем голова неизвестного офицера на «вульффертовском» портрете: на последнем голова неизвестного значительно больше повернута вправо и несколько запрокинута назад.

Правило о проведении сравниваемых изображений к одному масштабу также было игнорировано. Исследователь уменьшил размеры «вульффертовского» портрета до размера изображения М. Ю. Лермонтова на портрете работы

П. Е. Заболотского. Однако хорошо известно, что уменьшение (увеличение) одного из сравниваемых изображений до размеров другого и приведение этих изображений к одному масштабу — далеко не одно и то же!¹⁸.

Еще раз подчеркнем, что экспертная портретная идентификация, если конечно, она претендует на результаты, обоснованность и достоверность которых можно объективно проверить, возможна лишь тогда, когда в распоряжение исследователя предоставлены материально-фиксированные изображения, полученные в условиях, исключающих субъективизм в передаче идентификационных признаков в иные неконтролируемые искажения этих признаков.

Иконографический материал, который И. Л. Андронников представил в распоряжение проф. С. М. Потапова, нельзя было использовать в качестве идентифицирующих объектов, поскольку они не отвечали указанным требованиям. Профессор С. М. Потапов счел возможным поступить иначе.¹⁹ Тем самым он признал, что присланные на исследование рисованные портреты передают особенности оригинала объективно, без каких-либо отступлений от натуры. Допустим, что это так, и вновь обратимся к результатам сравнительного исследования портретов.

При наложении (совмещении) диапозитивов, изготовленных указанным выше образом со сравниваемых изображений, «вульффертовский» портрет и бесспорное изображение М. Ю. Лермонтова «слились воедино»²⁰. Но портреты

¹⁸ Уменьшение (увеличение) одного из сравниваемых изображений до размеров другого равнозначно приведению этих изображений к одному масштабу в случаях, когда, например, на каждой из сравниваемых фотографий изображен один и тот же объект. В данном случае проф. С. М. Потапов до начала сравнительного исследования, конечно, не мог презумировать, что на «вульффертовском» портрете изображен М. Ю. Лермонтов.

¹⁹ До этого идентификация личности по живописным портретам в практике наших криминалистических учреждений не производилась.

²⁰ Терминология И. Андронникова. Отметим, кстати, одно характерное, на наш взгляд, обстоятельство. Проф. С. М. Потапов не счел нужным сравнить «вульффертовский» портрет с рисунком М. Ю. Лермонтова работы Ф. Будкина (1837 г.), хотя именно этот портрет должен был привлечь внимание объективного исследователя, так как названный художник изобразил голову поэта в ракурсе, более всего соответствующем положению головы неизвестного офицера на спорном портрете. Дело здесь, видимо, в том, что Ф. Будкин изобразил М. Ю. Лермонтова в манере, несколько отличной от художественного «почерка» П. Е. Заболотского, в результате некоторые детали лица поэта на этих портретах значительно отличаются друг от друга. При совмещении спорного «вульффертовского»

М. Ю. Лермонтова и голова неизвестного на «вульффертовском» выполнены художниками в разных ракурсах! При таких обстоятельствах следовало признать, что на спорном портрете изображен не М. Ю. Лермонтов, а другое лицо.

Тот факт, что геометрические пропорции головы человека, изображенного на «вульффертовском» портрете, не соответствуют одноименным показателям на портрете М. Ю. Лермонтова работы П. Е. Заболотского, равно как и на других бесспорных портретах поэта, убедительно показали исследования Н. С. Полевого²¹, С. А. Бурова и Л. И. Прокопенко. Особенно интересна работа, выполненная С. А. Буровым. Он повторил исследования С. М. Потапова и убедительно доказал, что «слияние» изображений, наблюдающееся при совмещении диапозитивов, изготовленных с портретов, которые сравнивал С. М. Потапов,— результат оптической иллюзии, «фото-фокус», не более. Изготовив обводы изображений с указанных диапозитивов, и совместив их, он наглядно это продемонстрировал (см. рис. 24).

Кто позировал неизвестному художнику — автору «вульффертовского» портрета? Ответить на этот вопрос лишь на основании изучения черт внешности изображенного на портрете гусара — невозможно. Слишком много на этом пути предположительного, гадательного. Нельзя, например, исключить того, что художник рисовал портрет (или заканчивал его), не имея перед собой натуры, и работая «на память», допустил существенные неточности в передаче внешности оригинала. А разве не мог художник нарисовать гусара, не имея в виду придать рисунку сходство с конкретным лицом? Некоторые детали амуниции гусара наталкивают на

портрета с рисунком Ф. Будкина «эффекта слияния» явно не произошло бы.

²¹ Н. С. Полевой. Новое исследование загадочного портрета. «Искусство», 1968, № 12, с. 55—64.

При сопоставлении живописных и рисованных портретов — утверждают С. А. Буров и Л. И. Прокопенко — говорить о тождестве изображенных на них лиц или отрицать таковое практически невозможно. Дело в том, что в нашем распоряжении нет методик, позволяющих объективно оценивать особенности портретов, отображающих различные эмоциональные факторы. Что же касается общепринятых сравнительных методик, то они не могут быть использованы потому, что видимые на портретах обычные анатомические детали строения головы и соотношения между ними, как правило, передаются в той или иной мере искаженно. См. С. А. Буров, Л. И. Прокопенко. О правомерности идентификации личности по рисованным изображениям. В кн. «Сибирские юридические записки», вып. 2, Омск — Иркутск, 1971, стр. 152—162.

мысль, что перед нами автопортрет, нарисованный с помощью зеркала (отсюда «зеркальное» положение ментика на «правом» плече) и т. д. и т. п. Эти и подобные предположения не менее основательны, чем вывод И. Л. Андронникова, «узнавшего» в персонаже портрета М. Ю. Лермонтова и в последующем сделавшим все, чтобы это «подтвердить»²².

Дискуссия о «вульффертовском» портрете лишний раз показала, что использовать различного рода «субъективные» портреты в качестве объектов портретной идентификации — объектов идентифицирующих — неправомерно.

5. Фотосовмещение, как один из методов портретной идентификации занимает среди них особое положение, являясь в определенной степени методом синтетическим. Он включает — но не поглощает — технические приемы, характерные для некоторых других рекомендуемых в последнее время методов портретной идентификации: приемы визуально-описательного метода, поскольку его применение на стадии сравнительного исследования предполагает словесное описание анатомических признаков («словесный портрет» — в его обычном понимании или в специальной модификации, если речь идет об идентификации личности по черепу и прижизненной фотографии исчезнувшего лица), а также приемы параметрического метода для которого характерно определение линейных и угловых величин между анатомическими точками. Небезразличны исследователю, применяющему метод фотосовмещения, и частота встречаемости того или иного признака, выделенного при сравнительном исследовании (математико-статистический метод) и т. д.

Настойчивые поиски путей и средств максимальной объективизации процесса и результатов экспертного портретного исследования привели к разработке аналитическо-киберне-

---

²² В отличие от И. Л. Андронникова, куда более объективный и всесторонний поиск предпринял И. П. Шинкаренко, убедительно доказавший, что мундир офицера на спорном портрете не имеет никакого, отношения к Гродненскому гусарскому полку по состоянию на 1838 г. (время службы М. Ю. Лермонтова в этом полку). Он же сумел выяснить целый ряд обстоятельств относительно родословной семьи Вульффертов, где хранился портрет, и позволяющих считать, что на портрете один из членов этого старинного рода.

Совокупная оценка результатов исследований, предпринятых Н. С. Полевым и И. Шинкаренко, не оставляет сомнений в том, что «атрибуция» спорного портрета, о которой объявил в печати И. Андронников, была ошибочной.

тического метода идентификации личности и метода графических идентификационных алгоритмов (АГИ). Оба названных метода основаны на использовании информации, характеризующей пространственную и линейную структуру лица человека, с учетом закономерностей получения фотоизображений, проявляющих себя как результат центрального проектирования объекта на плоскость²³. В частности АГИ представляет собою систему графических построений, осуществляемую в пределах прямоугольных осей координат. С помощью системы таких построений совокупность идентификационных признаков (анатомических точек²⁴) фотографического изображения лица человека становится сопоставимой с такого же рода графической характеристикой, выделенной на другой из представленных на исследование фотографий. При этом не имеет значения в каком ракурсе (одном или разных) выполнены фотографии и нет необходимости приводить изображения к одному масштабу.

Появление новых методов портретной идентификации — эта тенденция, видимо, будет проявлять себя и дальше — привело к острому обсуждению вопроса о их «конкуренции»²⁵. Нельзя не отметить, что дискуссия относительно «конкуренции» методов портретной идентификации в определенной степени носит субъективный характер, обусловленный чувством ложно понимаемого авторского достоинства. Необходимо подчеркнуть со всей определенностью следую-

---

²³ О сущности АГИ подробнее см. Р. Э. Эльбур. Использование аппарата проективной геометрии в процессе идентификации личности по фотоснимкам. В кн. Вопросы кибернетики и право, М., 1967, стр. 267—297.

Подробнее о аналитическо-кибернетическом методе — он еще находится в стадии доработки — см. Н. С. Полевой. Аналитический метод идентификации личности по фотоизображениям. В кн. Правовая кибернетика, М., 1970, стр. 228—241.

²⁴ Учитываются следующие анатомические точки: точки, которые фиксируют наружные и внутренние углы глаз; центр переносицы; основание носа; углы рта. В случае применения аналитическо-кибернетического метода рекомендуется дополнительно учитывать точки на козелке и точки, фиксирующие окончание мочек ушей (их прилегание).

²⁵ Появление все новых методов портретной идентификации вполне закономерно и обусловлено прежде всего развитием теории и практики криминалистической идентификации в целом, которые все в большей степени стремятся учитывать не только качественные, но и количественные характеристики объектов своего исследования. Диалектика этого процесса приводит к открытию новых качественных сторон этих объектов. Это расширяет «фронт работ» исследователей, приводит к пополнению и обновлению арсенала технических средств, приемов и методов исследования.

щее обстоятельство. Какое-либо противопоставление методов портретной идентификации методологически порочно. Каждый из них «работая» в определенных условиях имеет свои преимущества, но и свои слабые стороны. Нет и не может быть универсальных специальных методов исследования в одинаковой степени пригодных для всех случаев. Задача состоит в том, чтобы хорошо знать возможности использования каждого такого метода, применять их в зависимости от конкретных условий и не требовать от каждого из них больше чем он может дать.

АГИ, например, в отличие от ряда других методов портретной идентификации, позволяет работать непосредственно с разноразмерными и разномасштабными фотографиями — это бесспорно его существенное достоинство. Результаты применения АГИ наглядны, объективны (особенно если отвлекаться от возможности инструментальных ошибок, которые, кстати сказать, можно заранее рассчитать и учесть). Подкупают также простота и доступность его применения. Однако АГИ позволяет констатировать лишь отсутствие тождества (при явно выраженном несоответствии графических характеристик каждого из исследуемых изображений). Установление же соответствия графических характеристик о которых идет речь оснований для вывода о тождестве не дает. И это понятно. Замена «лица необщего выражения» сравнительно несложной топологической системой, отражающей минимум особенностей структуры объекта исследования, лишает эксперта возможности индивидуализировать этот объект, выделить его из множества ему подобных. Не случайно эксперименты показали, что упоминавшиеся выше проекции анатомических точек, взятые в проекции на плоскости, в своем взаиморасположении могут у разных лиц соответствовать друг другу²⁶.

---

²⁶ В печати можно встретить утверждения иного характера. Например, в одном из выступлений на научно-практической конференции, посвященной вопросам борьбы с убийствами, указывалось, что в случае если сравниваемые системы анатомических точек находятся в проективном соответствии, есть основание дать заключение о принадлежности обеих систем точек двум отображениям одного и того же лица. См. Н. С. Полевой. Проблемы и новые методы идентификации личности по чертам внешности при расследовании убийств. В кн. Вопросы борьбы с убийствами, М., 1969. стр. 248. В последнее время автор пересмотрел свою позицию и придерживается взгляда, согласно которому констатация соответствия графических характеристик двух фотографических изображений позволяет дать заключение лишь о вероятной принадлежности этих изображений

В работах Р. Э. Эльбура и Н. С. Полевого рекомендуется использовать метод графических идентификационных алгоритмов для идентификации личности по черепу и прижизненной фотографии исчезнувшего лица. С этим согласиться нельзя. По нашему мнению, это как раз тот случай, когда от метода пытаются получить больше его возможностей. Наличие прижизненной фотографии исчезнувшего человека и предположительно принадлежавшего ему черепа дает основание для идентификации личности методом фотосовмещения. Последний в отличие от метода АГИ позволяет провести сравнительный анализ проекционных соотношений на плоскости всех анатомо-топографических ориентиров головы исчезнувшего человека, видимых на его прижизненной фотографии, и соответственно краниометрических ориентиров и других признаков, характеризующих обнаруженный череп. Эти бесспорные достоинства метода фотосовмещения и необходимо использовать в указанных ситуациях.

6. Ретроспективно оценивая процесс становления метода идентификации личности по черепу и прижизненной фотографии исчезнувшего лица нетрудно обнаружить и периоды легковесного подхода к решению ряда вопросов, и серьезные ошибки, и заблуждения. Достаточно вспомнить, что длительное время практика производства таких экспертиз игнорировала правило о приведении изображений черепа и прижизненной фотографии к одному и тому же масштабу. Требование придавать черепу ракурс точно соответствующий положению головы на прижизненной фотографии подменялось рекомендациями делать серию произвольно выполненных снимков и из нее подбирать негатив с наиболее «удачным» поворотом и наклоном черепа. Встречались попытки упрощенного подхода к применению метода, сводящиеся к оценке лишь обводов черепа и головы исчезнувшего человека на его прижизненной фотографии, без анализа совпадений и различий анатомо-топографических и краниометрических признаков в их совокупности. Использовались данные о соотношении толщин мягких тканей головы человека и их костной основы («стандарты» проф. М. М. Герасимова), тогда как следовало учитывать соотношения проекций этих

одному и тому же лицу. См. Н. С. Полевой, Г. Б. Хасин. О характере заключения эксперта-криминалиста при применении графических идентификационных алгоритмов и его математическом обосновании. В ин. Правовая кибернетика, М., 1970, стр. 244.

величин на плоскости, подчиняющихся иным закономерностям и т. д.

В настоящее время также далеко не все трудности позади. В частности, нет еще удовлетворительного решения вопроса о технике придания черепу положения в пространстве (относительно оптической оси фотоаппарата) точно соответствующего положению головы исчезнувшего на его прижизненной фотографии. Ждут еще своей разработки надежные и приемлемые на практике приемы, позволяющие определить истинные линейные размеры между теми или иными топографическими точками на прижизненном изображении исчезнувшего лица, нужны обстоятельные исследования, связанные с выяснением вопроса, в какой степени влияет растяжение эмульсионного слоя фотоснимков (например, при глянцева-нии) на изменение размеров фотографического изображения и соответственно разработка рекомендаций, которые позволят учитывать эти изменения и т. д.

Имеется целый ряд субъективных факторов и объективных причин в той или иной степени затрудняющих процесс идентификации личности методом фотосовмещения по черепу и прижизненной фотографии. К первым из них следует отнести квалификацию и опыт эксперта, «фактор внушения» и некоторые другие. Ко вторым — причины биологического характера (возрастные и иные изменения признаков внешности) и причины технические или фотографические, т. е. непосредственно связанные с техникой и технологией фотографического процесса.

Замечено, что фотографирование черепа в процессе экспертного исследования связано с определенными искажениями на негативе вертикальных пропорций объекта съемки. Порой эти искажения предопределяли неверный исход исследования. С тем чтобы уменьшить влияние таких искажений предложено фотографировать череп со значительным уменьшением на центр пластинки 18×24 см, а затем увеличивать изображение до нужного масштаба путем проекционной печати²⁷. Указанная рекомендация, хотя и позволяет уменьшить искажения, возникающие при фотографировании черепа на всю площадь пластинки, однако, задачи полностью не разрешает, поскольку не направлена на непосредственное

²⁷ См. В. С. Житков. Вариант методики фотосовмещения лица и черепа. В кн. Вопросы борьбы с преступностью, вып. 8, М., 1968, стр. 111.

устранение влияния факторов, обуславливающих искажения, влияющие на результат исследования.

Учитывая, что в качестве указанных факторов прежде всего выступают различия координат, характеризующие центр проектирования — напомним, что закономерности получения фотоизображений проявляют себя как результат центрального проектирования объекта на плоскость — при фотографировании черепа необходимо, чтобы его изображение на плоскости пленки (пластинки) точно соответствовало условиям, при которых происходило фотографирование исчезнувшего лица. Для этого следует выполнить две основных операции: а) определить главную точку фотографии с прижизненным изображением исчезнувшего лица и б) при фотографировании черепа разместить его относительно оптической оси фотоаппарата таким образом, чтобы главная точка съемки в кадровом окне аппарата (или на матовом стекле камеры) точно соответствовала главной точке исследуемого прижизненного снимка. Выполнить эту операцию не так сложно, если пользоваться специальным приспособлением — визирным отметчиком главной точки²⁸.

Как известно, лицо каждого человека в той или иной степени асимметрично: и общие пропорции и отдельные признаки внешности, расположенные на правой стороне лица отличаются — порой существенно — от соответствующих пропорций и признаков, находящихся на его левой стороне. С учетом этого обстоятельства следователю и эксперту необходимо знать не является ли прижизненная фотография исчезнувшего лица, которой они располагают, «перевертышем» — т. е. фотоснимком, отпечатанным с перевернутого негатива, в результате чего на отпечатке правая сторона лица оказывается на левой и наоборот («зеркальное» изображение). Если указанное обстоятельство не выяснить, результаты процесса идентификации также могут оказаться ошибочными.

Наиболее надежный способ распознать «перевертыш» — сравнить позитивное изображение с негативом. Негатив кроме того позволит выяснить, была ли применена ретушь и в какой степени она исказила черты внешности сфотографиро-

---

²⁸ Подробнее о нахождении главной точки фотоснимка см. Л. Н. Лихачев. Проективный метод идентификации объектов и его возможности. В кн. Графические алгоритмы и возможности их использования в процессе идентификационных криминалистических экспертиз, Рига, 1965, стр. 22—33.

ванного, а также установить и исправить иные искажения (нерезкость изображения, допущенную при печати; искажение пропорций при проекционной печати, допущенную в результате не строго параллельного положения плоскости фотобумаги по отношению к плоскости негатива; искажения, возникшие в связи с растягиванием эмульсионного слоя фотобумаги при ее глянцеваии).

Приведенные соображения позволяют, в частности, сделать следующий вывод: при подготовке объектов для экспертизы методом фотосовмещения черепа и прижизненной фотографии исчезнувшего лица следователь должен считать для себя правилом — сделать все возможное, чтобы выяснить не сохранились ли негативы, с которых отпечатаны прижизненные фотоснимки, получить эти негативы и направить их эксперту вместе с обнаруженным черепом и прижизненными фотоснимками.

§ 3. Некоторые процессуальные вопросы, связанные с экспертным отождествлением трупа по черепу методом фотосовмещения

1. Экспертиза в советском уголовном процессе всегда производится в рамках судебного доказывания и подчинена его целям и задачам. Права и обязанности эксперта строго регламентированы законом.

Для обнаружения и объяснения интересующих следствие и суд фактов эксперт широко пользуется самостоятельными научными приемами и методами исследования. В то же время в общей цепи причинно-следственных связей, исследуемых следствием и судом, эксперт исследует не все, а лишь определенные группы причинно-следственных связей. Последние в этой цепи всегда составляют только отдельные отрезки, ограниченные рамками специальных познаний эксперта. Оценка же установленных экспертом фактических данных в совокупности с фактическими данными, почерпнутыми из других источников судебных доказательств, относится к исключительной компетенции суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание. Если эксперт вопреки требованию закона основывает свои выводы не на данных науки, техники, искусства или ремесла, а на общелогических рассуждениях, не требующих специальных познаний, или с целью обоснования своих выводов анализирует собранные по делу доказательства, заключение эксперта в качестве ис-

точника судебных доказательств не может быть допущено.

Сказанное в равной степени относится ко всем видам экспертиз. Приходится, однако, отметить, что при отождествлении личности методом фотосовмещения по черепу, приведенные положения соблюдаются далеко не во всех случаях. Вызывает определенное беспокойство и то, что отдельные авторы, если не прямо, то косвенно пытаются найти этому оправдание.

При расследовании дела об убийстве Савелия Иоффе производилось фотосовмещение его прижизненной фотографии и черепа, обнаруженного в парке на территории одного из парижских санаториев. На основании совпадения основных анатомо-топографических контуров и точек эксперт Л. В. Станиславский дал заключение о вполне вероятной принадлежности черепа Иоффе. Эксперт разъяснил следователю, что о категорической форме заключения речь могла бы идти, если совпадающие признаки дополнить какой-либо приметой.

Через некоторое время следователь сумел обнаружить в больнице историю болезни, в которой имелась сделанная врачом запись об экстрагировании у Иоффе шестого зуба на нижней челюсти справа. Поскольку такой же зуб отсутствовал у найденного в парке черепа эксперт счел возможным дать дополнительное, на этот раз категорическое заключение о принадлежности черепа Иоффе. Эксперта не смутило, что по имевшейся в его распоряжении фотографии сделать какой-либо вывод о наличии (или отсутствии) у исчезнувшего указанного зуба было невозможно. Ясно, что заключение эксперта о тождестве в этом случае было основано не на приложении им своих специальных познаний в области судебной медицины и криминалистики (по делу была назначена и производилась медико-криминалистическая экспертиза), а на анализе собранных по делу доказательств.

Ссылки на дело об убийстве Савелия Иоффе можно встретить в работах целого ряда наших криминалистов (А. А. Гусев, Я. М. Яковлев, В. Я. Колдин и др.). Упомянутую экспертизу Л. В. Станиславского все они, как правило, приводят в качестве положительного примера. Исключение в этом отношении составляет Д. П. Рассейкин. Последний считает, что у Л. В. Станиславского не было оснований для категорического заключения о тождестве, так как отсутствие зуба не является резко выраженной приметой, характеризующей только одно определенное лицо. Шестой зуб на нижней челюсти справа,—указывает Д. П. Рассейкин,—мог быть удален

и у любого другого человека. Поэтому отсутствие зуба у Иоффе и отсутствие одноименного зуба у найденного в парке черепа ни само по себе, ни в совокупности с другими признаками, дававшими основание лишь для вероятного заключения, не давали оснований для утверждения о принадлежности черепа конкретному лицу.

Мы полностью разделяем взгляд, высказанный Д. П. Рассейкиным, но считаем сделанное им замечание недостаточным. По нашему мнению, допущенной ошибке следует дать более острую и принципиальную оценку. Дело не только и не столько в том, что у эксперта не было оснований для констатации тождества. Эксперт Л. В. Станиславский принял на себя несвойственную эксперту функцию оценки собранных по делу доказательств. Такие действия эксперта и следователя (назначив дополнительную экспертизу следователь по существу переложил на эксперта свои обязанности) являются грубым нарушением процессуального закона.

В книге «Очерки судебно-медицинской остеологии» (1963) можно прочитать об идентификации личности по черепу методом фотосовмещения, производившейся по делу об убийстве гр-на Н. Краткие обстоятельства этого дела следующие.

В августе 1957 года в Анапе при раскопке земли на территории усадьбы гр-ки К. был обнаружен скелет человека. Все найденные кости направили на экспертизу. В постановлении о назначении экспертизы указывалось, что на квартире у К. проживал гр-н Н., который вместе с мужем хозяйки дома занимался кражами. При дележе краденного мужчины часто ссорились. Весной 1952 года после очередной ссоры Н. бесследно исчез.

Сопоставление одноименных и сочленяющихся костей и анализ их анатомо-морфологических признаков и размеров позволили прийти к выводу, что все представленные на экспертизу кости принадлежат скелету одного человека. Половые признаки черепа, а также особенности костей таза и конечностей свидетельствовали о принадлежности черепа мужчине. Макроскопическое изучение швов свода черепа и зубов, рентгенологические исследования костей таза и конечностей позволили высказаться о возрасте покойного (25—30 лет). С помощью специальных расчетных формул установили рост этого человека (163—166 см). При фотосовмещении изображение черепа «вписалось» в изображение головы Н. на его прижизненной фотографии.

В итоге предпринятых исследований эксперт дал следую-

щее заключение: «Положительные результаты фотосовмещения в совокупности с прочими показателями (выделено нами.— В. Ш.) позволили прийти к выводу, что представленные на экспертизу кости относятся к телу гр-на Н.».

Какие же «прочие показатели» позволили эксперту дать категорическое заключение о тождестве в этом случае?

Выявленные экспертом данные о половой принадлежности, возрасте и росте покойного, являясь общими, родовыми признаками, оснований для такого заключения не давали. Никакими же иными судебно-медицинскими показателями эксперт не располагал. Невольно напрашивается вывод, что эксперт «учел» весьма красноречивые обстоятельства дела, о которых он знал из постановления о назначении экспертизы. Лишний раз в этом убеждает содержащееся в книге указание на одну любопытную деталь. Оказывается данные о возрасте и росте гр-на Н. эксперту сообщили ...после того как акт экспертизы был уже направлен следователю. Непонятно лишь одно — почему такая экспертиза фигурирует в качестве примера, призванного показать работу эксперта с положительной стороны.

Автор названной книги бесспорно права, указывая, что судебно-медицинский эксперт, независимо от того, является ли объектом экспертного исследования весь труп или часть его, полный скелет или только череп и отдельные кости, во всех случаях должен приложить максимум усилий для определения пола, возраста и роста человека, к которому относятся исследуемые объекты. Разрешение этих вопросов, направленных в комплексе на отождествление лица, которому принадлежали исследуемые останки, имеет большое доказательственное значение. Следует, однако, иметь в виду, что как указанные, так и любые другие родовые признаки могут быть положены в основу лишь отрицательного заключения о тождестве. Если же они соответствуют сведениям об идентифицируемом лице, но никаких совпадающих индивидуально определенных признаков при сравнительном исследовании не установлено, оснований для дачи категорического заключения о тождестве у эксперта нет. Принадлежность останков трупа в таких случаях устанавливается следователем и судом на основании изучения и оценки всей совокупности доказательств, собранных в процессе расследования и судебного разбирательства дела.

При идентификации останков трупа большое значение приобретают различные врожденные или приобретенные при

жизни особенности костей черепа (аномалии, патологические изменения, следы врачебного вмешательства и т. д.). Наличие прижизненных рентгенограмм, историй болезни, амбулаторных записей и другой медицинской документации значительно расширяет возможности эксперта. Изучение такого рода документов позволяет делать более обоснованные, категорические выводы. Но перечисленные особенности черепа могут быть использованы в процессе экспертного отождествления личности методом фотосовмещения лишь при определенных условиях.

Прежде всего речь может идти только о таких особенностях костей черепа, которые имели свое достаточно хорошо выраженное отражение на мягких тканях, облежавших череп живой головы. Кроме того, важно место расположения этих признаков. После ориентации черепа в пространстве в соответствии с ракурсом головы исчезнувшего лица на его прижизненном снимке и осуществления фотосовмещения, область их локализации должна быть доступна для сравнительного исследования. В качестве дополнительных признаков, повышающих обоснованность заключения эксперта о тождестве, в процессе идентификации личности по черепу путем фотосовмещения могут выступать и особенности зубного ряда, если, конечно, они запечатлены на прижизненном снимке идентифицируемого лица (Ю. М. Кубицкий, А. С. Кравчинская).

В ночь на 13 июня 1963 года исчез П., проживавший в Москве. Вблизи Алушты 6 июля из моря извлекли сильно разложившийся труп неизвестного мужчины. Очищенный от мягких тканей череп трупа и несколько прижизненных фотографий П. поступили в Научно-исследовательский институт судебной медицины. Перед экспертами был поставлен вопрос: не принадлежит ли череп лицу, изображенному на фотографиях. Фотосовмещение черепа и прижизненного изображения головы П. анфас показало соответствие их анатомо-топографических точек и контуров. Для установления личности погибшего этого было недостаточно. На одной из представленных экспертам фотографий П. улыбался, в результате были видны его зубы. Эксперты использовали это обстоятельство и произвели сравнительное исследование зубов, запечатленных на снимке, с одноименными зубами черепа. При этом выявилось достаточно хорошо выраженное совпадение по размерам, расположению и отстоянию зубов друг от друга (рис. 25—29). Эксперты пришли к выводу,

что представленный на экспертизу череп принадлежит телу П. 29.

Те или иные особенности черепа, в том числе и особенности, характеризующие состояние его зубного аппарата, разумеется, во всех случаях могут явиться объектом самостоятельных экспертных исследований, осуществляемых независимо от процесса идентификации личности методом фотосовмещения. Например, хирург на основании изучения оставшихся на костях черепа следов перенесенных покойным при жизни хирургических операций, может высказаться о характере его заболевания и предпринимавшихся мерах лечения. Врач-стоматолог, учитывая наличие и расположение на зубах черепа кариозных поражений, материал, из которого изготовлены пломбы и другие следы врачебного вмешательства в полости рта, может дать заключение о их соответствии записям в представленной ему истории болезни и т. п. Предпринятые в этом направлении усилия нередко завершаются категорическим заключением о принадлежности черепа конкретному лицу. Так, труп Гитлера — этого величайшего в истории человечества преступника — удалось идентифицировать благодаря обнаруженным советскими войсками рентгеновским снимкам зубов «фюрера» и изготовленным для него зубным коронкам (Л. А. Безыменский). Подобные примеры из следственной практики приводят В. П. Петров, А. Свенсон и О. Вендель, М. Бейли (M. Belli) и другие авторы.

Эксперты, производящие отождествление личности по черепу методом фотосовмещения, результаты подобных исследований учитывать не должны. Фотосовмещение черепа и головы исчезнувшего лица на его прижизненной фотографии выступает в качестве совершенно самостоятельного метода исследования. И эксперт, применяющий этот метод исследования, может строить свое заключение на основании только тех фактических данных, которые им выявлены и проверены непосредственно в процессе осуществления этого приема. Результаты других исследований, хотя бы и направленных для достижения той же цели (отождествления личности), а также фактические данные, почерпнутые из других источников судебных доказательств, на выводы эксперта не должны оказывать своего влияния.

Недостаточно четкую позицию занимает по затронутому

---

29 Акт экспертизы № 87/22 фт. от 18 ноября 1963 года (эксперты В. И. Пашкова и А. С. Кравчинская).

вопросу Г. Н. Мудьюгин. Правильно, на наш взгляд, отстаивая точку зрения, согласно которой даже полное соответствие анатомо-топографических точек мягких тканей головы и краниометрических показателей черепа не дает оснований для заключения о безусловном тождестве, а позволяет только считать его вероятным, Г. Н. Мудьюгин пишет следующее: «Лишь в сочетании с другими особенностями черепа, например, отсутствием зуба, наличием протеза и тому подобное или возможности демонстрации тождества зубов на фотоснимке методом скольжения (совмещения) — положительное заключение может носить категорический характер»³⁰.

Говоря во второй части этой цитаты о демонстрации тождества зубов методом скольжения (совмещения), автор, разумеется, имеет в виду случай, когда в распоряжении эксперта имеется прижизненная фотография идентифицируемого лица, на котором запечатлены те или иные индивидуально определенные особенности его зубного аппарата. В такой ситуации все ясно. Если в процессе фотосовмещения изображений черепа и головы исчезнувшего на его прижизненной фотографии эксперт установит тождество зубов, этого, конечно, будет достаточно, чтобы сделать вывод о тождестве сравниваемых объектов в целом. Такой вывод эксперта не только будет логически правилен, но и правомерен в процессуальном отношении, поскольку он непосредственно вытекает из результатов предпринятых экспертом исследований и основан на фактических данных, полученных в результате этих исследований.

Та же цитата в своей первой части дает основание для совершенно иных суждений. Из содержания ее следует, что Г. Н. Мудьюгин считает возможным в процессе экспертной идентификации личности методом фотосовмещения учитывать в качестве идентифицирующих признаков и такие особенности черепа, совпадение которых экспертом не может быть проверено (отсутствие зуба в то время, когда по прижизненной фотографии исчезнувшего нельзя судить о состоянии его зубного ряда, следы травмы в затылочной области черепа тогда, как идентифицируемое лицо на фотографии изображено анфас и т. д.). Но такая рекомендация по изложенным выше основаниям совершенно неприемлема. По нашему мнению, автору следовало четко оговорить, что во всех случаях отожд-

---

³⁰ Г. Н. Мудьюгин. Расследование убийств по делам, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего. Канд. дисс., М., 1962, стр. 236.

дествления личности методом фотосовмещения по черепу и прижизненной фотографии в качестве идентификационных признаков могут выступать лишь такие особенности черепа, о наличии (отсутствии) которых у идентифицируемого лица эксперт имеет возможность судить по его прижизненной фотографии. Кроме того, не следовало ставить знак равенства между общими, родовыми признаками (факт отсутствия зуба) и признаками индивидуальными, наличие которых дает основание эксперту дать заключение о тождестве.

Если в распоряжение эксперта представлено несколько прижизненных фотографий исчезнувшего лица, выполненных в различных ракурсах (анфас, профиль, 3/4 поворота головы вправо и влево), и в каждом положении при фотосовмещении наблюдается полное соответствие одноименных анатомо-топографических контуров и точек на исследуемом черепе и изображении отождествляемого лица, уверенность эксперта о принадлежности черепа именно этому лицу, естественно, возрастает. Практика знает случаи, когда при указанных показателях эксперты давали категорическое заключение о тождестве. Характерно в этом отношении дело Закиева по обвинению в изнасиловании и убийстве Розы Сабировой (Татарская АССР).

1 ноября 1964 года обвиняемый Закиев показал место захоронения им трупа девушки, которую он изнасиловал днем 12 июля 1963 года, а затем убил ее. Это место расположено в овраге в 7-ми километрах от города Н. Челны. Обнаруженные костные останки изъяли. Имелись основания предполагать, что они принадлежали Розе Сабировой, 1944 года рождения. Скелет и прижизненные фотографии Сабировой направили на экспертизу в Научно-исследовательский институт судебной медицины. Приведем с некоторыми сокращениями заключение экспертов.

«Для отождествления личности по черепу и прижизненной фотографии методом фотосовмещения были использованы представленный на экспертизу череп человека и три фотографии, на которых изображена Сабирова Роза (анфас, правый профиль, поворот головы 3/4).

Признаки словесного портрета, отмеченные на прижизненной фотографии Сабировой, совпадают с особенностями строения лицевой части черепа, представленного на экспертизу, по форме, характеру строения лба, носа и подбородка (форма лица анфас — овальная, суживающаяся книзу; лоб — узкий, средней высоты, скошен кзади; нос — по высоте и вы-

ступанию средний, спинка узкая, прямая, основание горизонтальное; подбородок — небольших размеров по выступанию средний, нижний край его округлый).

При сопоставлении представленных на экспертизу черепа и трех прижизненных фотографий Сабировой методом фотосовмещения выявилось полное совпадение одноименных анатомо-топографических контуров и точек черепа и отождествляемой головы, причем череп во всех случаях фотографировался в том же масштабе и ракурсе, что и отождествляемая голова^{30а}.

Вывод: положительные результаты фотосовмещения с учетом совпадения пола, возраста и признаков словесного портрета дают основание считать, что исследованный череп принадлежит отождествляемому лицу, т. е. Сабировой Розе³¹ (см. рис. 30—38).

Из приведенного акта экспертизы видно, что в процессе сравнительного исследования объектов, поступивших на экспертизу, удалось констатировать соответствие лишь общих, родовых признаков (пол; возраст; формы, в самых общих чертах характеризующие лицо девушки и черепа). Признаков, которые бы бесспорно индивидуализировали названные объекты и одновременно дали бы эксперту основание для положительного суждения о тождестве в категорической форме, установлено не было... Однако, нельзя не отметить, что подобный подход — нам он представляется единственно правильным — к оценке результатов идентификации личности по черепу методом фотосовмещения разделяют не все. В печати высказывалось мнение, что выявленное в процессе фотосовмещения соответствие анатомо-топографических контуров и точек на прижизненном фотопортрете исчезнувшего лица и одноименных краниометрических ориентиров на черепе само по себе означает принадлежность черепа и портрета одному и тому же лицу, поскольку «чужой» череп совместить указанным образом с изображением головы живого человека невозможно.

^{30а} Ошибочное утверждение. Эксперт не располагал данными, позволяющими определить масштаб, в которых были выполнены прижизненные фотографии, соответственно к одному масштабу изображения черепа и головы на прижизненных фотоснимках Сабировой не приводились. Фактически изображение черепа увеличивалось до размеров, которые он должен был бы иметь в случае соответствия отождествляемой голове.

³¹ Акт экспертизы № 17/4 фт от 21—30 декабря 1964 года (эксперт В. И. Пашкова).

2. Здесь мы вплотную подходим к сакраментальному вопросу, который обычно формулируется так: «может или не может изображение одного и того же черепа совместиться с фотоснимками разных лиц?» Прежде чем мы попытаемся положительно на этот вопрос ответить, внесем полную ясность в наши намерения.

Обосновывая возможность чрезвычайно близкого совпадения (соответствия) анатомо-топографических и краниометрических ориентиров на прижизненном изображении головы того или иного человека и на заведомо не принадлежащем ему черепе, мы ни в коей мере не пытаемся опровергнуть хорошо известное положение о всеобщности индивидуального, о тождестве каждого предмета самому себе и одновременном отличии каждого из них от всех других, в том числе и однородных с ним объектов. Разумеется, у каждого черепа головы человека, как объекта сугубо индивидуального, в своей индивидуальности исключительного, неповторимого может быть лишь один «хозяин» — столь же индивидуальный и в своей индивидуальности неповторимый субъект. Речь, однако, идет о другом. Обсуждается вопрос о **практической возможности** идентифицировать человека по черепу, используя метод фотосовмещения, и прежде всего те случаи, когда в распоряжении исследователя нет «претендующего» на конкретный череп фотоснимка с прижизненным изображением лица, на котором имелись бы те или иные броские, явно выраженные индивидуальные приметы и особенности, соответствующие отображения которых можно обнаружить и на черепе. Итак, остановимся на спорном в литературе вопросе о возможности на основании результатов фотосовмещения прижизненного изображения головы исчезнувшего лица и представленного на исследование черепа дать категорическое заключение о принадлежности этого черепа указанному человеку.

На сформулированный выше вопрос положительно отвечают М. М. Герасимов и С. А. Буров. Они утверждают, что при наличии доброкачественных фотографий с изображением головы исчезнувшего лица и точного совпадения при совмещении контуров и основных анатомо-топографических точек сравниваемых объектов (изображение голова — череп) у эксперта есть основание для категорического заключения о принадлежности черепа отождествляемому лицу. Свою позицию авторы обосновывают на результатах произведенных ими исследований.

Так, С. А. Буров, занимаясь теоретическим обоснованием

метода фотосовмещения, использовал возможности жесткой телерентгенографии на живых лицах с предварительным нанесением контрастным веществом ориентиров на мягкие ткани головы и на большом материале подтвердил наличие определенных закономерностей между строением этих тканей и костей черепа. При этом он выделил ряд признаков (величина продольного и поперечного диаметров черепа, размер глазниц, грушевидного отверстия и др.), изменение которых влечет за собой и изменение расстояния между соответствующими ориентирами на мягких тканях головы. Для оценки возможности встречи черепов с одинаковым комплексом размеров, учитываемых при краниометрии, экспериментатор применил положение теоремы о совмещении независимых событий и высчитал, что величина такой вероятности для каждого отдельно взятого черепа колеблется в пределах $1 \cdot 10^{-12}$ — $1 \cdot 10^{-26}$. На основании этих математических выкладок, говорящих за то, что черепов с одинаковыми комплексами признаков, имеющих свое отражение на мягких тканях головы, практически не существует, С. А. Буров сделал вывод, согласно которому совпадение пропорций изучаемых изображений черепа и фотографии того или иного лица может иметь место лишь при условии принадлежности черепа этому человеку³².

Большинство авторов (Ю. М. Кубицкий, В. П. Петров, Б. В. Краверский, Э. А. Финн, П. П. Цветков и др.) считают, что только при отрицательном результате фотосовмещения, т. е. только в случаях, когда изображение черепа не «укладывается» в габариты головы, изображенной на фотоснимке, эксперт может категорически отрицать тождество. При результате положительном вывод о тождестве может носить лишь предположительный характер. Мнение этой группы авторов также не лишено оснований. Например, Ю. М. Кубицкий указывал, что в его практике имел место случай, когда два женских черепа оказались достаточно хорошо взаимозаменяемыми при фотосовмещении с фотографиями двух различных женских лиц. Аналогичный результат встретился в практике Калининского областного Бюро судебной медици-

³² См. С. А. Буров. Фотосовмещение как самостоятельный метод отождествления личности неизвестного трупа по черепу и прижизненной фотографии. В кн. Сборник научных работ Саратовского отделения ВНОСМиК, вып. 3, Саратов, 1961, стр. 105—116.

ны³³. Но до последнего времени соответствующие материалы не публиковались³⁴. Это обстоятельство позволило В. П. Петрову заметить, что практическая возможность точного совмещения черепа с фотоснимком головы постороннего человека пока еще никем убедительно не доказана³⁵. Большой практический интерес для решения вопроса о возможности совмещения одного и того же черепа с фотоснимками нескольких людей имеет экспертиза по делу об убийстве Дахова. Останемся на этой экспертизе подробнее. По нашему мнению этот материал восполняет пробел, о котором не без оснований упомянул В. П. Петров.

В конце июня 1954 года на территории Грицевского района Хмельницкой области местные жители обнаружили в яме от выкорчеванного пня труп неизвестного мужчины. Судебно-медицинский эксперт установил, что смерть наступила примерно пять месяцев тому назад в результате огнестрельного ранения головы с повреждением костей черепа и мозга. Следователь установил, что из ближайшего колхоза в ноябре 1953 года исчез тракторист Скоропад, а в апреле 1954 года также бесследно исчез Дахов. Возник вопрос принадлежит ли труп Скоропаду или Дахову. Череп неизвестного с прижизненными фотографиями двух «претендентов» направили в Научно-исследовательский институт судебной медицины.

В процессе проведения фотосовмещения оказалось, что общие контуры головы Скоропада и Дахова, а также взаимоотношение отдельных частей головы и расположение отдельных опознавательных анатомо-топографических точек близко совпадают друг с другом. Фотоналожение изображений головы Скоропада и черепа, представленного на экспертизу, показало достаточно полное совпадение соответствующ-

---

³³ Акт экспертизы № 635 от 25 ноября 1957 года (эксперты А. И. Журавлев и А. В. Капустин).

³⁴ Эксперименты, поставленные во ВНИИ криминалистики прокуратуры СССР показали, что вполне возможно совпадение сигналетических фотоснимков (и по положению анфас и профиль) с соответствующими контурными обводами черепов, которые заведомо не могли принадлежать лицам, изображенным на фотоснимках. Результаты этих экспериментов были опубликованы Э. А. Финном. Техника проведения этих экспериментов, связанная с рядом недопустимых упрощений, справедливо была подвергнута критике (см. П. П. Цветков, В. П. Петров. Идентификация личности по фотоснимкам. Л., 1966, стр. 29—31).

³⁵ См. П. П. Цветков, В. П. Петров. Идентификация личности по фотоснимкам. Л., 1966, стр. 31.

щих опознавательных анатомо-топографических точек. Фото-наложение изображения головы Дахова на фотоизображение черепа хотя и давало близкое совпадение общих опознавательных анатомо-топографических точек, но в то же время указывало по мнению экспертов на несовпадение отдельных частных признаков в области височных костей, глазниц и грушевидного отверстия. Таким образом экспертиза, исключив возможность принадлежности черепа Дахову, указала, что «фото-наложение позволяет допускать» принадлежность черепа Скоропаду³⁶.

В декабре 1955 года в Научно-исследовательском институте судебной медицины череп исследовался еще раз. Отвечая на вопросы о количестве огнестрельных ранений, дистанции выстрелов и направлении раневых каналов, эксперты отметили «маловероятность того, что присланный на экспертизу череп может принадлежать Дахову»³⁷. В мае 1956 года следователь направил в Научно-исследовательский институт судебной медицины еще одну прижизненную фотографию Дахова (анфас) и поставил вопрос о производстве дополнительных исследований. В связи с этим было произведено еще одно фотосовмещение. В акте экспертизы читаем следующее:

«Произведенным фотосовмещением установлено, что изображение черепа и изображение лица Дахова на присланной фотографии совпадают: в области свода черепа, глазниц и нижней челюсти, но при этом недостаточно хорошо совпадают: линия губ с зубами, грушевидное отверстие с носом, а также конфигурация скуловых и частично височных костей с соответствующими им частями лица. В то же время фотоизображение лица Скоропада совпадает с фотоизображением того же черепа достаточно хорошо во всех подробностях.

Заключение

Экспертиза не может с полной уверенностью исключить принадлежность исследованного черепа трупу Дахова. В то же время экспертиза склоняется к такому мнению, поскольку произведенное фотосовмещение показало недостаточно хо-

---

³⁶ Акт экспертизы № 97/фт от 13 ноября 1954 года (эксперты Ю. М. Кубицкий, В. И. Пашкова и Ю. Г. Корухов).

³⁷ Акт экспертизы № 52 от 8 декабря 1955 г. (эксперты В. И. Прозоровский, Б. Д. Левченко, А. И. Полянский, В. И. Алисневич, Г. А. Сыцянок и А. С. Гаркави).

рошее совпадение отдельных частей черепа с отдельными частями лица Дахова на присланной фотографии»³⁸.

В процессе расследования дела, вопреки мнению экспертов было установлено, что обнаруженный труп принадлежит Дахову. Убийство Дахова совершил у себя дома во время ссоры бухгалтер ветеринарной лечебницы Полищук. Труп он вывез в лес на лошади. Полищук подробно рассказал о совершенном им преступлении и в присутствии понятых показал место, где он в лесу спрятал труп Дахова. Признание Полищука объективно подтвердилось и рядом других установленных по делу доказательств. Приговором народного суда Полищук был осужден к лишению свободы на срок пять лет. Приговор суда он не обжаловал³⁹ (рис. 39—44).

Почему же результаты приведенных выше теоретических исследований противоречат тому, что происходит на практике? Такое несоответствие мы прежде всего объясняем тем, что игнорируется правило о приведении сравниваемых изображений к одному и тому же масштабу (о чем подробно говорилось выше). Есть, разумеется, и другие причины.

При анализе анатомической структуры деталей лица человека большое значение имеет оценка размеров, формы и других особенностей внешнего строения носа (сочленение носа с верхней губой и др.). Формируются эти особенности носа в соответствии с его основой, которая состоит в верхней части из костей, и, начиная с середины до своего окончания, из группы хрящей. На скелетированном черепе хрящи, как правило, отсутствуют, открывая отверстие, ведущее в полость носа (грушевидное отверстие). Следовательно, эксперт, производящий идентификацию личности по черепу методом фотосовмещения с прижизненной фотографией исчезнувшего лица, лишен возможности судить о совпадении контуров носа, так как при одной и той же костной основе носа форма его хрящевого раздела может быть бесконечно разнообразной в зависимости от размеров и своеобразия развития той или иной двухсторонней пары хрящей (М. Дюваль, Л. М. Писаревский).

Исследования, произведенные С. А. Буровым, показали,

---

³⁸ Акт экспертизы № 55/фт от 1 июня 1956 г. (эксперты Ю. М. Кубицкий и Ю. Г. Корухов).

³⁹ Архив народного суда Грицевского района Хмельницкой области за 1957 год (дело № 1—59).

что «проекция отдельных ориентиров, расположенных на мягких тканях головы, не имеет строго определенного своего местоположения на костях черепа и может колебаться в известных, относительно небольших пределах»^{39а}. В области щек и подбородка соотношение рельефа костной основы, толщины и формы покрывающих ее тканей варьирует весьма значительно в зависимости от самых разнообразных внутренних и внешних факторов (В. И. Прозоровский, Ю. М. Кубицкий). По данным С. А. Булова эти не поддающиеся точному учету отклонения отдельных ориентиров мягких тканей относительно своей костной основы не имеют существенного значения, и ими можно пренебречь.

Не следует, однако, забывать, что применяя упоминавшийся математический анализ, С. А. Булов учитывал принятые при краниометрии измерения, характеризующие все основные размеры, проекции и соотношения отдельных частей черепа и его краниометрических точек. При идентификации личности по черепу методом фотосовмещения эксперт располагает значительно меньшим объемом информации, которую можно использовать при сравнительном исследовании. В частности, эксперт, обычно, лишен возможности объективно учитывать характер совмещения проекции свода черепа и соответствующего контура головы на прижизненной фотографии исчезнувшего лица, поскольку эта часть головы недоступна наблюдению (волосы, головной убор).

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что категорический вывод о тождестве при экспертной идентификации личности погибшего по его черепу и прижизненной фотографии исчезнувшего лица возможен, если в результате фотосовмещения, произведенного с точным соблюдением выработанных на этот счет правил, окажется, что: а) видимые на совмещенной фотографии анатомо-топографические контуры и ориентиры отождествляемой головы и краниометрические показатели исследуемого черепа полностью соответствуют друг другу; б) резко выраженные индивидуальные признаки головы отождествляемого лица, видимые на его прижизненной фотографии, соответствуют определенным взаимоотношениям особенностям исследуемого черепа.

Если в результате фотосовмещения и сравнительного ис-

^{39а} С. А. Булов. Отождествление личности по черепу и прижизненной фотографии. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. медицинских наук, Харьков, 1961, стр. 6.

следования эксперт констатирует наличие условий указанных нами в пункте «а» и отсутствие условий сформулированных в пункте «б» он должен в своем заключении указать, что результаты исследования не дают оснований для вывода о тождестве. Такая формулировка, на наш взгляд, будет наиболее точно отражать суть полученных результатов, означая: тождество не исключено, как не исключено и противное, но установление этого выходит за рамки возможностей экспертизы.

Если, при тех же условиях, устанавливается несоответствие анатомо-топографических ориентиров отождествляемой головы и краниометрических показателей исследуемого черепа, эксперт дает категорическое отрицательное заключение, исключающее возможность принадлежности указанного черепа человеку, чья прижизненная фотография была представлена на экспертизу.

Отождествление личности по черепу методом фотосовмещения в настоящее время производится и судебными медиками и криминалистами. В отдельных случаях назначаются комплексные медико-криминалистические экспертизы с привлечением как тех, так и других специалистов. Вопрос о том, к какому виду экспертизы следует отнести указанные исследования, приобретает таким образом не только теоретическое, но и важное практическое значение.

Авторы из числа судебных медиков по этому вопросу обычно прямо не высказываются. В то же время общая направленность их работ не оставляет сомнений—идентификацию личности по черепу методом фотосовмещения они единодушно относят к исключительной компетенции судебного медика. Такой же взгляд был высказан криминалистом Д. П. Рассейкиным. К сожалению, никаких аргументов в обоснование этой точки зрения он не привел.

С. А. Буров в одной из своих статей указывает, что «экспертиза идентификации личности неизвестного трупа по черепу и прижизненной фотографии должна являться комплексной (разрядка наша — В. Ш.) и включать в себя, кроме фотосовмещения, также определение возраста, пола, описание внешности обладателя черепа по признакам словесного портрета»⁴⁰. На первый взгляд может создаться впечатление

⁴⁰ С. А. Буров. Фотосовмещение как самостоятельный метод отождествления личности неизвестного трупа по черепу и прижизненной фотографии. Сборник научных работ Саратовского отделения ВАОСМ, вып. 3, Саратов, 1961, стр. 115.

чатление, что автор относит названные исследования к компетенции комплексной экспертизы, т. е. такой экспертизы, которая призвана разрешать вопросы, требующие совокупного приложения знаний и методов исследования, находящихся в пределах компетенции различного вида экспертиз (в данном случае судебно-медицинской и криминалистической, поскольку методика сравнительного исследования по признакам «словесного портрета» разработана и применяется криминалистами). Однако, если обратиться к кандидатской диссертации С. А. Булова, где по этому вопросу он излагает свои взгляды значительно шире, нетрудно убедиться, что в указанном выше случае автор имел в виду не комплексную экспертизу, а определенный комплекс исследований, который необходимо осуществить при производстве экспертизы. Диссертант употребляет термины «комплексная экспертиза» и «комплексная методика экспертизы» в одном и том же значении, хотя это далеко не равнозначные понятия. При этом автор стремится подчеркнуть обязанность судебного медика всесторонне изучить представленный на экспертизу череп, в частности определить пол, возраст и по специально разработанной им схеме произвести описание внешности человека, которому принадлежал череп. Схема эта предусматривает определение расовой принадлежности покойного на основании изучения антропологических признаков, а также выявление других особенностей в строении черепа, которые имели отражение на мягких тканях головы (выраженная асимметрия, последствия травм и хирургических операций, костные опухоли и др.). В то же время в диссертации нет никаких указаний на то, что при отождествлении личности по черепу методом фотосовмещения, возникает необходимость применить знания, находящиеся в пределах компетенции эксперта криминалиста. Таким образом, С. А. Булов, как и другие судебно-медицинские эксперты, отводит указанным исследованиям место в рамках судебно-медицинской экспертизы.

А. А. Гусев относит отождествление личности по черепу методом фотосовмещения к кругу вопросов, разрешаемых криминалистической экспертизой, однако никаких доводов в защиту своей позиции не приводит. Следует отметить, что А. А. Гусев полностью солидарен с С. А. Буловым и В. И. Пашковой, которые указывают на необходимость в каждом случае по обнаруженному черепу выяснять такие сведения как пол, возраст и расовую принадлежность потерпевшего. Он подчеркивает, что эти дополнительные признаки следователь должен

установить с помощью специалистов других отраслей знаний. Автор не указывает, о каких именно специалистах идет речь, но понятно, что имеются в виду лица, сведущие в области остеологии, антропологии и судебной медицины.

Наиболее правильную позицию по вопросу о том, к какому виду экспертизы относится отождествление личности по черепу методом фотосовмещения, по нашему мнению занимает Г. Н. Мудьюгин. «Промежуточное место между криминалистической и судебно-медицинской экспертизами, — указывает он, — занимает комплексная экспертиза, объединяющая методы обеих этих экспертиз и требующая для своего проведения специальных познаний в той или другой областях. В применении к задаче установления личности убитого такая экспертиза производится методом фотосовмещения или «аппликации», «наложения...»⁴¹. Но и этот автор свою точку зрения не аргументирует.

В чем же заключается двойственная природа исследований, производимых при отождествлении личности путем фотосовмещения по черепу? Почему возникает необходимость в назначении и производстве комплексной медико-криминалистической экспертизы?

Совершенно ясно, что отождествление личности по черепу методом фотосовмещения может быть поручено такому специалисту, который обладает обширными познаниями в области медицины. Знания эксперта в этом случае бесспорно должны охватывать сведения анатомического характера, в частности относительно пропорциональных взаимоотношений, существующих между мягкими тканями и костной основой головы живого человека. Эксперт, кроме того, должен суметь выявить и оценить различные морфологические, антропологические, краниометрические и стоматологические признаки сравниваемых объектов, что также возможно лишь при солидной медицинской подготовке.

Казалось бы, что с учетом сказанного решение вопроса о взаимосоответствии обнаруженного черепа и головы исчезнувшего лица, изображенной на его прижизненной фотографии, должны быть отнесены к компетенции судебно-медицинского эксперта. Но не следует забывать, что сравнение черепа и прижизненной фотографии головы того или иного субъекта существенно отличается от обычной судебно-медицинской экс-

---

⁴¹ Г. Н. Мудьюгин. Расследование убийств по делам, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего. Канд. дисс., М., 1962., стр. 235.

пертизы, поскольку целью и основным содержанием этого исследования является индивидуальная идентификация, а это уже сфера криминалистической экспертизы. Эта вторая криминалистическая сторона двуединого процесса отождествления личности по черепу методом фотосовмещения не всегда выступает столь отчетливо, как его судебно-медицинская сторона. В случаях, когда на прижизненной фотографии лица нет ярко выраженных индивидуально-определенных признаков, относящихся к строению зубного ряда, асимметрии в строении отдельных частей лица, последствий травм и др. и эксперт, производящий фотосовмещение, лишен возможности констатировать тождество, криминалистический (идентификационный) характер исследования как бы ступает на второй план. Когда же совпадение основных анатомо-топографических точек и контуров дополняется совпадением каких-либо индивидуально-определенных признаков, которые могут быть продемонстрированы методом скольжения, криминалистическая (идентификационная) сторона исследования выступает значительно отчетливее. Но во всех случаях сущность процесса отождествления личности по черепу методом фотосовмещения остается неизменной и требует приложения совокупных знаний как из области медицины, так и криминалистики.

Таким образом, отождествление личности по черепу методом фотосовмещения изображений черепа и головы исчезнувшего лица на его прижизненной фотографии относится к компетенции комплексной медико-криминалистической экспертизы. Проведение такой экспертизы целесообразнее всего поручать судебным медикам и специалистам, имеющим физико-техническую и криминалистическую подготовку из числа сотрудников физико-технических отделов бюро судебно-медицинской экспертизы. Производство же таких экспертиз в криминалистических экспертных учреждениях без участия судебных медиков неправомерно.

ГЛАВА ВТОРАЯ

АНТРОПОЛОГИЯ НА СЛУЖБЕ КРИМИНАЛИСТИКИ

(Метод скульптурного портрета)

Среди наук, активно помогающих раскрытию преступлений, видное место принадлежит антропологии. Один из основных разделов этой науки о биологической природе человека — морфология — изучает строение и формы тела человека.

Поскольку морфологическая характеристика каждого субъекта индивидуальна, данные морфологии с давних времен находили практическое применение для опознания преступников-рецидивистов⁴². Не могли не заинтересовать криминалистов и попытки антропологов воссоздать внешний облик некогда жившего человека на основании изучения сохранившихся костей скелета, в частности черепа, а также опыт отожде-

---

⁴² Издавна прибегали к измерениям тела человека для проверки незнакомых людей некоторые племена Вьетнама. Для сохранения примет людей, появлявшихся в их селениях, местные жители клали пришельцам бамбуковые палочки между указательным и средним пальцами левой руки и отмечали нарезками расстояния от оснований пальцев до ногтей и производили некоторые другие измерения. По таким приметам они узнавали в первый ли раз появился в селении незнакомец. А если он бывал здесь раньше, то в качестве кого — друга или недруга.

В Европе антропологические измерения для последующего опознания преступников были впервые проведены среди заключенных одной из тюрем в 1860 году. Отцом антропометрической регистрации преступников считается француз Альфонс Бертильон (1853—1914). Он изучил материалы антропологической статистики и убедился, что практически нельзя встретить двух людей, у которых размеры всех частей тела были бы совершенно одинаковыми и разработал совокупность методических приемов измерения и описания тела человека, пригодных для задач уголовной регистрации. Некоторые положения «бертильонажа» не утратили своего практического значения и до настоящего времени.

ствления костей черепа в случаях, когда принадлежность костных останков неизвестна или их атрибуция вызывает сомнение.

Одна из первых таких попыток связана с исследованием черепа Шиллера, умершего в 1805 году.

В 1879 году крупный ученый-анатом Велькер решил убедиться в том, что череп, опознанный в 1826 году Швабе и Гете, действительно принадлежит праху Шиллера⁴³. Сравнивая гипсовую копию черепа с посмертной гипсовой маской, Велькер обнаружил, что контуры профиля головы-маски и черепа не совпадают. На этом основании Велькер заявил, что череп, найденный в 1826 году, не может быть шиллеровским. Началась дискуссия, которая длилась многие годы. В 1961 году советский антрополог М. М. Герасимов убедительно доказал, что мнение Велькера ошибочно, поскольку он не учел ряд технических промахов допущенных лицом, снимавшим посмертную маску и искажившим контуры свода черепа. Тогда же М. М. Герасимов воссоздал по черепу посмертный портрет-маску поэта-гуманиста, которая и в настоящее время экспонируется в музее Шиллера в городе Веймаре.

В 1894 году антрополог Гис, произведя сличение портрета Себастьяна Баха с предположительно принадлежащим композитору черепом, установил его истинность. Известны и другие подобные исследования.

Трудно сказать, у кого впервые появилась мысль о возможности воссоздания облика человека по его черепу. Очевидно, однако, что сама идея возникла в связи с потребностью представить внешний вид нашего далекого предка — ископаемого человека. Еще в XVIII веке французский врач Жорж Кювье обосновал предположение о том, что органы каждого животного существа находятся в определенной зависимости (взаимосвязи) друг с другом. Накопленный опыт в изучении органов

---

⁴³ С умершего поэта профессор Ягельман написал портрет, а скульптор Келлер снял маску, с которой сделал две реплики — гипсовую и терриотовую, которые передал в Веймарскую национальную библиотеку. Похоронили Шиллера в маленьком склепе на кладбище Веймара. Склеп не был аннотирован. К 1826 году в нем было погребено 75 человек. С учеперед бургомистром Швабе, взявшимся при поддержке Гете обнаружить прах Шиллера. Череп Шиллера удалось опознать по зубам, имевшим характерные признаки. В 1829 году прах Шиллера торжественно был перенесен в мавзолей Карла Августа — курфюрста Саксонии. До этого с черепа Шиллера была сделана гипсовая копия.

человека и животных позволил палеонтологам восстанавливать (реконструировать) внешний облик вымерших животных по их костям, обнаруживаемым при раскопках. Антропологи поступали также. По костям — в том числе по костям черепка — был восстановлен облик синантропа, неандертальца, кроманьонца и других наших дальних предков. Процесс эволюции от обезьяны к человеку стал для нас не умозрачительным, не философски отвлеченным, а образным, наглядно зримым. Исследования антропологов в этой области получили политическое значение. Разбивая реакционную легенду о разделении человечества на «высшие» и «низшие» расы, они стали важным аргументом в жестокой борьбе с антинаучными концепциями расизма.

Многих анатомов и антропологов, выяснявших характер корреляций между краниологической основой (черепом) и мягкими тканями лица, интересовал вопрос насколько близко сходство воссозданной скульптурной маски с действительным обликом конкретного, некогда жившего «владельца» черепа. Подавляющее большинство ученых сходились на том, что по черепу возможно в лучшем случае воспроизвести только расовый тип, добиться же портретной, т. е. индивидуализированной реконструкции, невозможно. Характерно, что сами авторы реконструкций утверждали, что ими созданы только отвлеченные этнические типы, не более. Только Кольман и Ганс Вирхов не исключали возможности портретной реконструкции. По их мнению лишь скудность наших сведений о соотношении мягких тканей лица и черепа мешает в каждом конкретном случае дать портретную реконструкцию.

В царской России над проблемой реконструкции облика человека по его черепу никто систематически не работал. После революции первые реконструкции ископаемого человека по черепу выполнил в 1927 году М. М. Герасимов⁴⁴. «Начиная свою работу над реконструкциями, я и не предполагал для себя возможности решения портретного восстановления лица по черепу. Моя задача, — вспоминал в последующем М. М. Герасимов, — была ограничена решением этнического портрета ископаемого человека. И только позднее, проводя контрольные опыты, я убедился, что путем максимального уточнения

⁴⁴ Известный антрополог и талантливый скульптор проф. М. М. Герасимов — иркутянин. Первые его реконструкции ископаемого человека — питекантропа и неандертальца — экспонированы в Иркутском областном краеведческом музее.

методики и объективного построения лица по черепу можно подойти к проблеме портретной реконструкции»⁴⁵.

Нет необходимости подробно излагать разработанную М. М. Герасимовым методику создания портретной реконструкции на краниометрической основе. Она исчерпывающе полно освещена в специальных работах автора метода скульптурного портрета. Целесообразно, однако, показать, из каких основных работ складывается процесс реконструкции. Сам автор метода называл четыре этапа создания портретной реконструкции:

1. Анализ черепа: а) антропологическое исследование с акцентом на описательные признаки, б) определение пола, в) определение возраста и т. д.

2. Графическое разрешение конструкции. Эта работа носит прежде всего контрольный характер. Графические схемы позволяют объективно оценить проделанную работу.

3. Скульптурное воспроизведение схемы головы. Сущность этой работы в том, что на подлинном черепе, используя специально приготовленную скульптурную массу, восстанавли-

---

⁴⁵ М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу, М., 1949, стр. 5.

В своих работах М. М. Герасимов не всегда был последователен и точен в формулировках, касающихся понятия «портретная реконструкция». Так, в названной работе он писал: «Портретной реконструкцией я называю такую, по которой возможно опознание — идентификация определенного лица по маске, воспроизведенной на его черепе». «В отличие от художественного портрета, реконструкция по черепу является не субъективным, а строго объективным изображением». «Череп является единственной основой для создания документально портретной реконструкции».

Одanko, в той же книге имеются высказывания автора, имеющие несколько иной смысл: «Маска ни в коей мере не является собственно портретом некогда жившего человека, это всего навсего максимальное приближение к внешнему его виду». «Говоря о портретности я не имею в виду абсолютную идентификацию полученной реконструкции с лицом некогда жившего человека, а такую степень приближения к подлиннику, по которой с очевидностью мог бы быть опознан неизвестный». «Реконструкция по черепу... должна занять какое-то промежуточное звено между художественным образом и фотографией». «Реконструкция по черепу должна дать обобщенный облик, имеющий, однако, все черты портретности, достаточной для опознания неизвестного».

Наконец, в более поздней работе автора читаем: «Говорить о тождестве реконструкции с подлинным лицом — сущая нелепость, и мы никогда не говорили о тождестве... Портретная реконструкция — это задача построения лица по черепу с очень многими неизвестными, и наша цель — решить ее с наибольшим приближением, т. е. с минимальной ошибкой» (См. М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу, М., 1955, стр. 18—19).

ваются основные мускулы, затем наносятся пребри толстот, обеспечивающие в дальнейшем объективное построение схемы головы⁴⁶.

4. Завершение работы над бюстом с учетом исторических данных (костюм, прическа)⁴⁷.

При расследовании преступлений метод скульптурного портрета для воспроизведения внешнего облика человека по черепу впервые использовали незадолго до Великой Отечественной войны. К этому времени успехи М. М. Герасимова, воссоздавшего в скульптуре на основании костных останков изображения ряда исторических деятелей разных эпох и народов, были хорошо известны и широко — но не всегда достаточно обоснованно — пропагандировались в периодической печати. Последнее обстоятельство в определенной степени способствовало несколько некритическому отношению к возможностям метода. Дело Бояринцева, обвинявшегося в убийстве своей жены Валентины Косовой, достаточно в этом отношении показательно.

24 апреля 1940 года в Волгограде исчезла молодая женщина — Валя Косова. Она вышла из дома на прогулку вместе с мужем Бояринцевым и домой не вернулась. Поведение Бояринцева родственникам и знакомым показалось подозрительным. Подозрения еще более усилились, когда в авгу-

⁴⁶ В случаях, когда скульптурный портрет неизвестного лица создается по заданию органов следствия или суда, совершенно недопустимо использовать в качестве краниометрической основы подлинный череп, который, как правило, выступает в качестве важнейшего вещественного доказательства.

В указанных случаях с подлинного черепа — вещественного доказательства следует изготовить копию (например, из гипса) и использовать ее для создания скульптурного портрета. Однако, и эта работа — отливка гипсовой копии — поскольку она сопряжена с риском безвозвратной утраты признаков и следов, имеющих важное криминалистическое значение, возможна лишь после того, как череп будет тщательно исследован судебным медиком, остеологом, травматологом и другими специалистами с учетом конкретных обстоятельств дела.

⁴⁷ Созданный на черепе скульптурный портрет не может рассматриваться в качестве вещественного доказательства. Соответственно он не может предъявляться для опознания в процессуальном режиме. Наряду с другими субъективными портретами скульптурная реконструкция (или фотография, выполненная с этой реконструкции) может использоваться лишь в оперативных целях. С учетом этого обстоятельства мы не исключаем возможности «дорисовки» скульптурного портрета за счет воссоздания прически, некоторых аксессуаров (например, очки) и других бесспорных особенностей, характеризовавших внешность «владельца» черепа.

сте недалеко от Волгограда на Сырнинском острове обнаружили череп и другие останки молодой женщины, которые по некоторым косвенным данным возможно принадлежали исчезнувшей жене Бояринцева. Обнаруженный череп следовательно направил в Институт материальной культуры АН СССР с просьбой воспроизвести по черепу внешний облик потерпевшей. Реконструкцию произвел М. М. Герасимов. Вот как он сам рассказывал об этой своей работе.

«3 апреля 1941 г. была получена посылка с черепом. Для вскрытия посылки была создана комиссия в составе научных сотрудников Института истории материальной культуры С. С. Черникова, П. А. Круглова и Б. Б. Пиотровского. Комиссия вскрыла посылку и передала мне для работы череп. Полученный череп, к сожалению, лишен был нижней челюсти, что крайне затрудняло процесс реконструкции и вносило много гадательного в решение овала лица, характера рта и подбородка. Сохранность черепа хорошая, отсутствуют только передние резцы. Пол несомненно женский. Возраст, судя по швам черепа, зубам и некоторым юнальным чертам строения лицевого скелета и основания черепа, от 20—23 лет. Лицо средней высоты, довольно широкое, правильной овальной формы. Лоб высокий с выраженными лобными буграми. Глаза небольшие. Нос тупой, широкий, небольшой, с волнистой спинкой, несколько вздернут. Рот небольшой, правильного рисунка с хорошо выраженным фильтрумом. При восстановлении отсутствующая челюсть была заменена другой, подобранной по прикусу зубов, но несколько более массивной, чем следовало бы (более подходящей челюсти найти не удалось, несмотря на то, что в связи с этим было просмотрено хранилище отдела Антропологии музея этнографии Академии наук и исследовано более 350 челюстей). Вследствие этого не вполне ясны были характер углов челюсти и общее выступание подбородка. По восстановлении маски лица и фототографической фиксации ее комиссией был вскрыт конверт с фотографией, присланной следователем (имеется в виду мое. — В. Ш.). Со слов членов комиссии была воспроизведена прическа и только после окончания всей головы и ее фототографирования я впервые имел возможность ознакомиться с присланной фотографией. Никаких добавлений, поправок было, так что данное лицо было воспроизведено только на основании черепа и при сравнении его с фотографией Косовой

обнаружило несомненно сходные черты как в общем характере, так и в строении отдельных деталей. Овал лица, его профилировка очень близки к фотографии; несомненно, что восстановленное лицо выглядит значительно старше, но это естественно, так как фотография снята за несколько лет до смерти. При сравнении можно видеть, что нос, лоб, характер щек и верхней губы совершенно идентичны. Некоторое огрубление черт воспроизведенного лица по отношению к фотографии следует отнести за счет возрастной разницы, и самое главное, за счет того, что пострадавшая была беременной, что могло в какой-то мере сказаться на лице, хотя бы в утрате юношеской припухлости. Кроме того, предлагаемую реконструкцию головы следует рассматривать только как маску, лишенную какого-либо выражения, так как выполняя работу для следственных органов, я, естественно, не считал возможным передавать в лице какие-либо эмоции, могущие внести определенное искажение действительного облика. Описание черепа и восстановленное лицо документируют то, что сам череп мог принадлежать только Валентине Косовой.

Мое заключение и фотографии, снятые с восстановленной головы, были высланы по требованию прокуратуры в Волгоград. Состоялся суд, на котором как неопровержимое доказательство фигурировали эти материалы. Преступник был уличен и осужден.

Следователь в своем письме сообщил мне, что сделанная мною реконструкция особенно близка к последним фотографиям Валентины Косовой.

Как автор метода и произведенной работы я горд тем, что мои многолетние упорные искания в области портретной реконструкции не только завершились некоторым успехом, но и нашли себе применение в столь ответственной области государственной системы, как следствие и судопроизводство⁴⁸.

Информация о движении дела Бояринцева, которую приводит М. М. Герасимов, соответствует действительности... Да, Бояринцев был предан суду по обвинению в умышленном убийстве своей жены... Состоялся суд... Основным и «неопровержимым» доказательством факта убийства Косовой и обнаружения именно ее трупа, на суде явилось заключение М. М. Герасимова, который, восстановив в скульптуре при-

⁴⁸ М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу, М., 1949, стр. 56—57.

жизненный облик неизвестной женщины по ее черепу, произвел сравнение реконструкции с прижизненным изображением исчезнувшей жены Бояринцева и пришел к выводу, что череп, найденный на острове Сырнинском мог принадлежать только Валентине Косовой⁴⁹. Верно и то, что Бояринцева признали виновным в убийстве и приговорили к лишению свободы на длительный срок...

Но позднее дело приняло совсем иной оборот. При тщательном анализе фактических обстоятельств дела Судебная коллегия Верховного Суда СССР установила, что труп, обнаруженный в апреле 1940 года на острове Сырнинском не мог принадлежать Валентине Косовой. Произошла грубая судебная ошибка — Бояринцев был осужден неосновательно за преступление, которое он фактически не совершал. Приговор Волгоградского областного суда в отношении Бояринцева был отменен и дело производством прекращено⁵⁰.

---

⁴⁹ С позиций уголовно-процессуального закона действия М. М. Герасимова, выступившего по делу Бояринцева в качестве эксперта-антрополога и одновременно в роли лица, сравнивающего им же самим созданную реконструкцию и бесспорное прижизненное изображение исчезнувшей женщины, следует признать как совершенно недопустимые, поскольку эксперт фактически оценил свою собственную работу.

Использование в рамках судебной экспертизы знаний крупного специалиста-антрополога, разумеется, было правомерным. Учитывая определенные характеристики неизвестного черепа он, конечно же, мог высказаться относительно внешнего облика неизвестной женщины, погибшей на острове Сырнинском. С учетом особенностей данного случая для следствия такое заключение антрополога было крайне необходимо.

Факт создания скульптурного портрета неизвестной, как наглядная иллюстрация к заключению эксперта-антрополога, бесспорно также можно лишь приветствовать. Для успешного выполнения задач оперативно-розыскной работы фотоснимки с такой портретной реконструкции могли оказаться существенным подспорьем. Совершенно очевидно, однако, что созданная реконструкция (скульптурный портрет) ни в коем случае не могла выступать в качестве идентифицирующего объекта в процессе экспертной портретной идентификации.

⁵⁰ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 18 октября 1941 г. № 2013/35—41 по делу Бояринцева Алексея Алексеевича.

Обстоятельства дела Бояринцева и ранее приводились в нашей юридической печати см. М. М. Гродзинский. Оценка доказательств в кассационной и надзорной практике Верховного Суда СССР. Сб. Ученые труды Всесоюзного института юридических наук за 1945 г. Однако в «Бюллетени Верховного Суда СССР» определение, по делу Бояринцева не публиковалось. Это дало основание некоторым авторам поставить под сомнение факт рассмотрения этого дела в Верховном Суде СССР. Учитывая это обстоятельство, мы приводим в приложении полный текст определения

Ни в первой (1949 год) ни в последующих своих работах (1955, 1965 гг.), посвященных вопросам восстановления головы по черепу, М. М. Герасимов, к сожалению, не упоминает о финале дела Бояринцева, хотя трудно предположить, что он ему не был известен.

В литературе можно встретить высказывания, что портретное сходство восстановленной в скульптуре головы неизвестной женщины и прижизненного фотографического изображения Валентины Косовой результат определенной недобросовестности лица, производившего реконструкцию⁵¹. Мы далеки от такой мысли. Указанное предположение не имеет абсолютно никаких оснований, тем более, что процесс реконструкции был подконтролен специально созданной комиссией авторитетных и объективных ученых, хранивших прижизненный портрет Валентины Косовой до окончания работ по реконструкции в опечатанном конверте. Причины здесь явно иного свойства.

Накопленный опыт позволяет утверждать, что черепа людей, имеющие довольно близкие антропологические характеристики — далеко не редкость. Практически возможны ситуации, когда два черепа оказываются хорошо «взаимозаменяемыми», или один череп с одинаковым основанием может быть отнесен каждому из двух «конкурентов» (вспомним дело об убийстве Дахова...). Кроме того, данные научных изысканий свидетельствуют об отсутствии достаточно объективного фундамента, позволяющего воспроизвести на костной основе прижизненное изображение его владельца со всеми индивидуальными особенностями, которые в совокупности и характеризуют достоверную «портретность». Характерен в этом отношении эксперимент, предпринятый профессором Иенского университета Эггелингом (1913 год).

Изучая закономерности в соотношениях рельефа костной основы (черепа) и толщинами покрывающих ее тканей, Эггелинг провел специальные исследования трупов и определил «эталонные» толщин мягких тканей, составляющих покров

Верховного Суда СССР по делу Бояринцева, имея в виду, что для криминалистов оно представляет большой интерес.

Надзорное производство по делу Бояринцева и в настоящее время хранится в архиве Верховного Суда СССР.

⁵¹ См. О возможности применения в следственной практике метода восстановления лица по черепу (по материалам Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики). В кн. Советская криминалистика на службе следствия, вып. 4, М., 1953, стр. 148.

лица человека. Эти «эталоны» ученый использовал для создания на основе черепа типовых расовых портретов некогда живших людей. Предпринял Эггелинг и попытку определить возможно ли воспроизвести по черепу скульптуры, передающие индивидуальные портретные характеристики. Для этого он обратился к помощи двух скульпторов, сообщил им все необходимые данные о толщине мягких покровов и предложил на одной и той же костной основе воспроизвести скульптурные изображения человека, которому принадлежал череп. Результаты оказались обескураживающими. Созданные художниками-скульпторами портреты оказались предельно разноречивы. Трудно было поверить, что основой для этих портретов послужил один и тот же череп⁵².

Применяя для воссоздания внешнего облика человека по его черепу метод скульптурного портрета можно в лучшем случае достигнуть общего сходства прежде всего тех параметров головы человека, которые могут быть отнесены к категории родовых признаков. О портретной же достоверности говорить не приходится, так как далеко не все элементы лица поддаются точной реконструкции на основе данных черепа. Многие из них, в частности, детали формы губ, ноздрей, ушной раковины и др. неизбежно будут восстанавливаться с большой долей гипотетичности (Я. Я. Рогинский). Обусловлено это тем, что многие особенности мягких тканей лица не коррелируют с костями черепа: величина рта, толщина или высота губ, особенности кончика носа и ноздрей, выраженность подкожного жирового слоя, размер ушей, их оттопыренность и прижатость, пучеглазие, косоглазие, особенности бровей, усов, бороды (Д. Г. Рохлин). Толщины мягких тканей, покрывающих череп, в различные периоды жизни человека могут значительно варьировать — особенно в области щек и подбородка — в зависимости от самых разнообразных внутренних и внешних факторов. При восстановлении головы путем лепки по черепу не могут быть точно восстановлены и те части лица, которые базируются на хрящевой основе (В. И. Прозоровский, Ю. М. Кубицкий).

Представляют определенный интерес высказывания на этот счет и иностранных авторов. «Скульптор, — указывает английский криминалист Г. Морлэнд, — может построить на

---

⁵² H. Eggeling. Die Leistungsfähigkeit phisionomischer Rekonstructionsversuche auf Grundlage des Schädels. «Archiv für Anthropologie», Bd, XII, H. 1, 1913.

черепе с помощью воска, пластилина и т. п. материала такой образ, который можно было бы узнать. Некоторые детали, раса, толщина губ и форма ушей. Но даже и в таких деталях совместный опыт ученого и скульптора (и «инстинкт» этого опыта) может дать довольно точную реконструкцию» (Н. Morland. «Review of criminology». London, 1950). Более скромную оценку возможностей метода скульптурного портрета дает Р. Гредвул — судебный медик из США. «Череп, — утверждает он, — составляет основу для моделирования мягких частей лица из глины или другого пластического материала. Каждый может для этого использовать цифровые данные относительно толщины мягких тканей, отметить эти точки кусочками глины соответствующей высоты и затем продолжать восстановление. Но для того, чтобы воспроизвести губы, нос, уши и глаза, требуется уже художник, так как эти черты лица не зависят непосредственно от подстилающих их костей» (R. Gradwohl. «Legal Medicine», USA, 1954).

Вполне определенная принципиальная оценка метода реконструкции лица по черепу дана в упоминавшемся нами выше определении Судебной коллегии Верховного Суда СССР по делу Бояринцева: «...Восстановление лица по черепу конечно может быть расценено только как искусство, как художественная работа, а не как «техническая экспертиза...». Эта позиция высшего судебного органа страны, полностью соответствующая приведенным нами положениям, не утратила своего значения и в настоящее время.

Ряд авторов (В. И. Прозоровский, Ю. М. Кубицкий, А. С. Кравчинская) пришли к выводу, что с учетом недостатков метода скульптурного портрета следует полностью отказаться от его использования в судебно-следственной практике. Мы не разделяем столь категорического и однозначного решения вопроса, хотя и солидарны с А. С. Кравчинской, утверждающей, что в нашей печати методу скульптурного портрета придается явно преувеличенное значение.

Полагаем, что вопреки мнению некоторых авторов⁵³ портреты, изготовленные по методу скульптурного портрета по черепу, не могут выступать ни в качестве объектов опознания, проводимого в соответствии с требованиями ст. ст. 164—165

⁵³ См. И. М. Лузгин. Воспроизведение (реконструкция) обстановки в связи с расследованием преступления. В кн. Вопросы борьбы с умышленными убийствами, М., 1969, стр. 65—66. П. П. Цветков. Предъявление для опознания в советском уголовном процессе, Л., 1962, стр. 77.

УПК РСФСР, ни в качестве идентифицирующего объекта криминалистической экспертизы (портретная идентификация).

В случаях, когда в процессе расследования преступления необходимо установить по костным останкам трупа его принадлежность, череп, как костная основа мягких тканей головы искомого субъекта, в процессуальном отношении является вещественным доказательством со всеми вытекающими отсюда последствиями и правомерно выступает как идентифицирующий объект в процессе экспертной идентификации личности методом фотосовмещения по черепу и прижизненной фотографии исчезнувшего лица. Что же касается скульптурного портрета, созданного на основе этого вещественного доказательства, то здесь субъективный момент, привнесенный лицом, производившим реконструкцию, столь значителен и первоначальные признаки объекта-вещественного доказательства изменены столь существенно, что об оперировании изготовленной скульптурой как идентифицирующим объектом не может быть и речи.

Значение скульптурного портрета, созданного на основе черепа, значительно скромнее. Если, например, такой скульптурный портрет выполнен в процессе антропологической экспертизы, он является хорошей иллюстрацией к заключению эксперта, наглядно демонстрируя выводы эксперта-антрополога относительно того, какими признаками может быть охарактеризован внешний облик владельца черепа. Вполне возможно использование фотоснимков скульптурного портрета для оперативно-розыскных целей. Пренебрегать такой возможностью использования скульптурных портретов, выполненных на черепе, не следует. Практика знает случаи, когда реконструкции внешнего облика человека по его черепу в процессе расследования преступлений оказывали криминалистам большую помощь.

При расследовании уголовного дела, которое возбудили в связи с обнаружением останков трупа неизвестной женщины судебные медики по заданию следователя реставрировали разрушенный череп. Его пришлось собрать и склеить из 122-х различных фрагментов, обнаруженных при тщательном осмотре ложа трупа и прилегающей местности. Поскольку никаких сведений о принадлежности трупа не было, реставрированный череп использовали для изготовления скульптурного портрета⁵⁴. Когда скульптура поступила следователю

⁵⁴ Изготовление скульптурного портрета по черепу было поручено доктору медицинских наук В. П. Петрову.

ее «доработали»: надели бутафорский парик, наклеили брови и т. д. после чего сфотографировали. Полученную фотополграфским способом изготовили специальный плакат, использовали возможности печати и телевидения). Все это дало положительные результаты — в прокуратуру поступило сообщение о том, что фотография неизвестной женщины напоминает Татьяну Потапову, которая якобы куда то уехала и больше года не дает о себе никаких известий. Следствие сосредоточило свои усилия на розыске Потаповой и когда установили ее последнее местожительство, сравнительно легко разоблачили преступника, совершившего убийство⁵⁵.

В одном из омских колхозов из-под избы извлекли скелет человека. Эксперты установили, что человек, кости которого представили им для исследования, страдал хромотой. Череп неизвестного следователь направил М. М. Герасимову для пластической реконструкции по методу скульптурного портрета. Работа по реконструкции затягивалась, поэтому М. М. Герасимов направил следователю свое заключение о внешнем облике неизвестного, каким он рисовался ему, как антропологу. Заключение оказалось достаточно убедительным. Во всяком случае оно устраняло ошибочное предположение следователя, считавшего, что убит бухгалтер совхоза. По описанию антрополога у убитого был низкий лоб, нос с небольшой горбинкой, нижняя часть лица массивна, рот относительно большой, со средней толщиной губ и т. д. Позднее, когда установили кто убит и достали его фотопортрет, убедились, что лицо, описанное М. М. Герасимовым, напоминало облик потерпевшего.

Еще один случай из практики зарубежных криминалистов. В глубокой яме, разрытой грифами, обнаружили скелет женщины. На черепе имелись следы ударов по голове, нанесенных с большой силой. Полицейский инспектор Вильсон, увлекавшийся антропологией, решил восстановить внешний облик убитой. Несмотря на то, что о корреляции мягких тканей головы человека и ее костной основы Вильсон имел только самое общее представление, он создал на основе черепа скульптурный портрет погибшей. Поскольку возле трупа нашли скальп убитой полицейский знал цвет волос неизвестной

⁵⁵ О расследовании дела об убийстве Татьяны Потаповой доложил на Всесоюзной конференции лучших следователей (ноябрь 1973 года) прокурор-криминалист Кировоградской области Я. Г. Ципарский.

женщины (они были черные). В глазные впадины черепа он для контраста вставил голубые «глаза». Скальп был восстановлен на свое место, причем реставратор сохранил форму прически. Из нескольких волос скальпа он сделал брови и ресницы. Предполагая, что неизвестная — ирландка и при жизни увлекалась спортом (об этом Вильсон узнал, изучив скелет), полицейский сделал на скульптуре щеки с красным румянцем. На уцелевшем кусочке кожи от подбородка имелась бородавка, которая также была укреплена на своем месте. Скульптуру сфотографировали и снимки разослали в ближайшие окрестности. Вскоре в одной из больниц по фотографии узнали служившую там официантку Лилиан. Ее сестра Мабель, увидев скульптуру, также узнала в ней свою родственницу. Через некоторое время полиция установила любовника Лилиан — Кроуфорда и изобличила его в убийстве⁵⁶.

В заключение еще одно замечание.

Работники прокурорско-следственных и судебных органов, принимая решение о воссоздании внешнего облика неизвестного лица методом скульптурного портрета, должны помнить об отрицательных последствиях, к которым могут привести манипуляции с черепом, неизбежные в каждом таком случае. Как правило, после того как череп побывал в руках специалистов, занимающихся восстановлением внешнего облика человека, безвозвратно утрачивается возможность исследования черепа судебно-медицинскими экспертами для решения многих, нередко чрезвычайно важных для следствия вопросов (давность и причина смерти, условия и сроки захоронения, определение характера повреждений и повреждающих орудий и т. д.)⁵⁷.

56 См. Э. А. Фин. Немые свидетели изобличают, М., 1965, стр. 58—62.

57 Подробнее об этом см. А. С. Кравчинская. К вопросу об установлении личности по костным останкам. В кн. Вопросы борьбы с убий-

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

Дело Бояринцева Алексея Алексеевича. Определение
Судебной коллегии по уголовным делам от 18 октября.
1941 года № 2013/35—41.

Волгоградским областным судом 15 августа 1941 года Бояринцев признан виновным в умышленном убийстве своей жены гр-ки Валентины Косовой. Согласно приговору обстоятельства дела заключаются в следующем.

Бояринцев работал на заводе в Волгограде. В 1936 году он познакомился с сотрудницей завода Чумаковой Галиной, которую вечером 31 декабря изнасиловал и с этого времени принуждал к половому сожителству. Через некоторое время Чумакова заявила Бояринцеву, что она забеременела. Это заявление изменило его отношение к Чумаковой и летом 1937 года Бояринцев порвал с ней связь.

В этом же году Бояринцев познакомился с другой сотрудницей завода Валентиной Косовой. Это знакомство привело к близким отношениям. В 1938—1939 годах Бояринцев, находясь на учебе в Ростове, пытался изнасиловать студентку медицинского института Бутову, однако свое намерение не выполнил по независящим от него обстоятельствам.

Находясь в Ростове, Бояринцев восстанавливает письменную связь с Чумаковой, не бросая связи с Косовой, и по возвращению в Волгоград в 1939 году, он встречается и с Чумаковой и с Косовой.

Во второй половине 1939 года Бояринцев узнает от Косовой, что она забеременела; также как в свое время с Чумаковой он предлагает Косовой пойти в поликлинику и прове-

рить продолжительность беременности, намекая ей об аборте. Узнав об этом разговоре с Косовой квартирохозяйка последней Осадченко, являющаяся подругой Косовой, категорически запрещает ей прерывать беременность, в результате чего Косова аборта не сделала. Узнав о таком решении, Бояринцев резко меняет свое отношение к Косовой, избегая встречи с ней. Их взаимоотношения стали предметом суждений знакомых и родственников Бояринцева. В апреле 1940 года, когда Косова была уже на 8-м месяце беременности, Бояринцев, уступив настойчивым требованиям своих родственников, изъявил согласие на брак. 17 апреля состоялась свадьба и Косова перешла на жительство к Бояринцеву. В выходной день 24 апреля 1940 года Бояринцев, совместно со своей женой Косовой вышел из дома и больше Косова в дом Бояринцева не вернулась. Бояринцев объяснил, что он с Косовой в этот день поехал в центр города, посидели в сквере на площади «Павших борцов» и разошлись: он пошел в парикмахерскую, она якобы ушла в магазин и больше он ее не видел.

Суд объяснения Бояринцева признал голословными и противоречащими материалам дела. Суд указывает, что Косова вышла с мужем одетая в поношенную одежду, что в городе их никто не видел гуляющими, и часов в 6—7 вечера Бояринцев один был в парикмахерской, где брился и стригся, причем в это время, как показал на предварительном следствии парикмахер Филиппов, Бояринцев был возбужден и от него пахло водкой.

Суд далее отмечает, что вернувшись домой, Бояринцев справился приходила ли его жена и получив отрицательный ответ никаких мер к розыску ее не принял, а спокойно лег спать и утром как обычно ушел на работу. В обеденный перерыв 25 апреля он зашел в отдел, в котором работала сотрудница Морозова и не проявляя никакого беспокойства в связи с исчезновением жены, снял у Морозовой кольцо с руки и положил к себе в карман. На замечание Морозовой, не увидит ли его жена кольцо и не получится ли неприятность, уверенно ответил: «Ничего не будет». Только вечером 25 апреля, когда узнала об исчезновении Косовой ее сестра Варвара, Бояринцев принял участие в розысках жены.

27 апреля Бояринцев был арестован и находился под стражей до 27 июля, после чего его освободили и он продолжал проживать в Волгограде.

1 августа 1940 года недалеко от Волгограда на Сырнинском острове, в местечке «Генералова Поляна» обнаружили

останки труп неизвестной женщины. Здесь же нашли загрязненный и окровавленный женский трикотажный купальник и белую женскую комбинацию. Вблизи трупа лежал череп с металлической коронкой на верхнем резце правой стороны челюсти.

Технической экспертизой Института материальной культуры Академии Наук СССР было произведено восстановление лица по черепу, обнаруженному при трупе и установлено впоследствии путем сличения с фотокарточкой и опознанием снимка восстановленного лица, что череп принадлежит Валентине Косовой.

В приговоре указывается, что наличие металлической коронки на верхнем резце правой стороны верхней челюсти Косовой подтвердили как на предварительном, так и на судебном следствии свидетели Морозова, Рожкова и другие лица. Обнаруженный трикотажный купальник свидетельницей Осадченко опознан как принадлежащий Косовой. Исследованием костей трупа и судебно-медицинской экспертизой установлено, что погибшая женщина перенесла большую беременность и роды и была в возрасте 21—23 лет. На основании этих данных судебно-медицинская экспертиза пришла к выводу, что труп женщины, обнаруженный 1 августа 1940 года мог быть при жизни Косовой.

Анализируя все изложенные материалы предварительного и судебного следствия, а также акты судебно-медицинской экспертизы Волгоградский областной суд признал установленным, что Косова была убита ее мужем Бояринцевым и это преступление им было совершено в целях освобождения себя от обязанностей мужа в отношении к Косовой и отца к будущему ребенку.

На основании материалов дела устанавливается следующее:

1. Чумакова Г. действительно длительное время находилась в связи с Бояринцевым, однако никому никогда ни о каком изнасиловании не говорила и по собственным признаниям беременной от Бояринцева не была. Студентка Бутова на суде не присутствовала, характер ее отношений с Бояринцевым никем не расследовался. Оба эти эпизода из жизни Бояринцева взяты судом только для характеристики его личности, однако без их действительной проверки и анализа.

2. Утверждения приговора, что Бояринцев изменил свои отношения к Косовой тогда, когда узнал, что она отказывается сделать себе аборт, основывается только на голословных

показаниях квартирохозяйки Косовой Осадченко и не подкреплено никакими объективными данными.

По собственным показаниям Бояринцева он в период беременности Косовой на самом деле с ней реже встречался, но без особой причины и отношения их оставались дружелюбными, кроме того, он в течение этого времени уезжал в Москву.

Родственники Бояринцева действительно проявили инициативу в оформлении его брака с Косовой, но в деле нет абсолютно никаких указаний на то, что сам Бояринцев этому противодействовал или на брак с Косовой шел неохотно. Свидетели утверждают, что на свадьбе он был очень веселым и радостным. Косова после свадьбы высказывала полное удовлетворение от новых условий жизни, отношения к ней мужа и его родных.

3. Бояринцев принимал меры к розыску жены. Из показаний не только его, но и его родственников и Варвары Косовой видно, что они объехали ряд больниц и моргов. Заявлением Бояринцева в органы милиции от 26 апреля 1940 года начинается следственный материал.

4. Труп, обнаруженный 1 августа 1940 года и явившийся по заключению суда трупом Косовой, был найден на значительном расстоянии от Волгограда. Никем не произведен расчет времени, необходимого для поездки на этот остров, и возможность доступа к этому острову в апреле месяце (из материалов дела видно, что его сильно заливало водой). Не приводя точных данных о расстоянии острова от города, суд просто ограничивается указанием, что он находится «недалеко» от города.

Из показаний свидетелей видно, что Бояринцев с женой вышли из дома примерно в 2 часа дня. Шли они под руку по направлению к трамвайной остановке. Эти показания соответствуют и объяснениям обвиняемого. Сам суд считает установленным, что в 6 часов вечера Бояринцев был в парикмахерской. Следовательно на поездку на остров, находящийся за пределами города, убийство и возвращение назад в распоряжении Бояринцева было не более 3—4 часов. Труп женщины был обнаружен без каких-либо признаков верхней одежды; около трупа (или на нем) как указывалось выше были купальный костюм и белая комбинация. Из материалов дела видно, что 24 апреля был холодный туманный день и ни о каком купании в этот день не могло быть и речи.

5. Особое значение для настоящего дела имеют заключе-

ния судебно-медицинской экспертизы. Производивший вскрытие трупа судебно-медицинский эксперт Казьмин в своем заключении отметил, что найденный труп женского пола, возраст 18—22 года, женщина не рожавшая. Беременности нет. Труп пролежал на месте обнаружения с момента смерти 1—2 недели. Свой вывод он подтвердил на допросе 31 марта 1941 года. Он указал, что в момент обнаружения трупа не было беременности и нет данных о наличии беременности в недавнем прошлом, однако не исключена возможность, что беременность имела место месяца 1,5—3 тому назад.

Однако этот же эксперт 16 апреля 1941 года дал заключение, что физические данные, найденные при исследовании матки, изъятый из трупа, говорят о том, что матка была в послеродовом периоде.

Следственные органы признали необходимым создать специальную комиссию в составе ряда специалистов. Они пришли к выводу, что ввиду заживания слизистой матки вопрос о возможности беременности ни в смысле отрицания, ни в смысле утверждения не может быть разрешен. Ознакомленные с медицинскими документами специалисты акушеры пришли к выводу, что судя по строению матки она может принадлежать женщине, умершей в состоянии беременности на 8 месяце и более. На суде присутствовало несколько экспертов, в том числе и Казьмин. На поставленные перед ними вопросы судом, защитой и обвиняемым было дано следующее заключение: «Покойная перенесла большую беременность и роды и к моменту смерти организм ее находился в состоянии возврата от послеродового состояния к обычному состоянию женского организма. Труп женского пола, возраст 21—23 лет; с момента смерти до обнаружения трупа прошло около трех недель».

Как видно из изложенного содержание всех медицинских документов, имеющих в деле, очень противоречиво, но несмотря на эти противоречия, с бесспорностью устанавливаются следующие факты: матка, изъятая из найденного трупа, не находилась в состоянии беременности, а смерть произошла не более, чем за 3 недели до обнаружения трупа.

Косова исчезла 24 апреля. Труп обнаружен 1 августа 1940 года. Если исходить из последнего варианта экспертизы, одновременно считая, что найденный труп был трупом Косовой (как это и сделал суд), то нужно предположить, что Косова побила не 24 апреля, а где-то скрывалась в течение 2—3 месяцев, родила ребенка, а затем кем-то была убита

или умерла естественной смертью, так как причину смерти никто из экспертов в отношении найденного трупа установить не мог. Поскольку Бояринцев обвинялся в убийстве жены именно 24 апреля, вся версия (независимо от ее правдоподобности) полностью исключает его вину.

6. На верхней челюсти была найдена коронка. Из допрошенных по делу свидетелей, одни отвергали, другие подтверждали наличие у Косовой коронки. Суд поверил тем свидетелям, которые показали, что видели у Косовой коронку на зубе, хотя это как раз были лица, реже всего с ней встречавшиеся, но зато оставил без внимания следующие существенные моменты: из протокола осмотра трупа видно, что коронка была очень сношенной, эксперты — зубные врачи дали заключение, что давность коронки — пятилетняя, причем она была «стерта до обнаружения жевательной поверхности». Но этого обстоятельства никто из свидетелей не отмечал — все говорили о золотом зубе. В том же акте одновременно отмечается и отсутствие ряда зубов на верхней и нижней челюстях, между тем, такое существенное обстоятельство не объяснено никем из экспертов.

7. Технологическая экспертиза дала заключение, что обнаруженный при трупе купальник, по своему материалу идентичен с обрезками той майки, из которой, по словам свидетеля Осадченко, Косова сшила себе купальник; однако несомненно, что идентичность трикотажного материала еще не является сама по себе уликой, что касается разногласия в цвете найденного купальника, по сравнению с первоначальной окраской, отмеченной в акте, то экспертиза этот факт объяснила разными объективными причинами.

Подробно останавливаясь на купальном костюме, суд совершенно обошел вопрос о найденной при трупе комбинации, между тем, все без исключения свидетели — женщины хорошо знакомые Косовой, которым была предъявлена комбинация, категорически отрицали принадлежность этой комбинации покойной Косовой.

8. Восстановление лица по черепу конечно может быть расценено только как искусство, как художественная работа, а не как «техническая экспертиза» (по выражению суда). Оно не является бесспорным доказательством, хотя в деле и оговорено, что профессор Герасимов пользовался присланными фотографиями только для «доделок», но значение всей проделанной восстановительной работы вообще снижается, если учесть, что в Институт материальной культуры был по-

слан череп без нижней челюсти, в то время как он был обнаружен с обеими челюстями, что отмечено во всех имеющихся актах (в процессе расследования—нижняя челюсть где-то потерялась, но судебно-следственные органы об этом факте умолчали).

9. Следственные органы, а за ними и суд увлеклись одним вариантом и упустили из вида все другие возможности. Между тем в отношении найденного трупа имеются факты, которые обязывали принять срочные розыскные меры. Так например, свидетельница Вальковская, первая обнаружившая труп — показала, что примерно за 3 недели до этого, к ней как-то в дом вбежал молодой человек с окровавленными руками, просил у нее воды и пригрозил, чтобы она никому о его приходе не рассказывала. Время прихода этого молодого человека совпадает с тем временем, когда по мнению экспертов умерла женщина, найденная в августе.

На очной ставке с Бояринцевым Вальковская не опознала в нем того человека, который к ней вбежал с окровавленными руками.

На основании всего изложенного необходимо сделать следующий вывод: что случилось с Валентиной Косовой материалами дела не установлено и в деле нет достаточных данных для признания, что обнаруженный 1 августа 1940 года труп является трупом Валентины Косовой.

На основании изложенного, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР определила:

Приговор Волгоградского областного суда в отношении Бояринцева отменить, а дело о нем в уголовном порядке дальнейшим производством прекратить.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абдурасулов Д. М., Никишин К. Е. Топография нормального черепа, Ташкент, 1966.
- Банковский О. Ю. Возможности экспертных исследований по установлению личности неопознанных трупов. В кн. Вопросы совершенствования следственной работы, М., 1971, № 3.
- Башкатов В. Техничко-криминалистическая экспертиза фотоснимков, «Социалистическая законность», 1971, № 5.
- Брайчевская Е. Ю., Зюскин Н. М. О возможности идентификации личности по чертам внешности. В кн. Вопросы судебной экспертизы, Л., 1960.
- Буров С. А. Наш опыт фотосовмещения. В кн. Советская криминалистика на службе следствия, вып. 9, М., 1957.
- Буров С. А. Фотосовмещение как самостоятельный метод отождествления личности неизвестного трупа по черепу и прижизненной фотографии. В кн. Сборник научных работ ВНОСМиК (Саратовское отделение), Саратов, 1961.
- Буров С. А. Отождествление личности по черепу и прижизненной фотографии. Автореферат кандидатской диссертации, Харьков, 1961.
- Васильев М. А. К вопросу об использовании математического анализа в судебно-медицинской экспертизе. В кн. Вопросы судебной травматологии, Киев, 1969.
- Герасимов М. М. Основы восстановления лица по черепу, М., 1949.
- Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу, М., 1955.
- Герасимов М. М. Портреты исторических лиц. В кн. Наука и человечество — 1965, изд-во «Знание», М., 1965.
- Горбачев Б. Техника комбинированных съемок, М., 1961.
- Гродзинский М. М. Оценка доказательств в кассационной

и надзорной практике Верховного Суда СССР. В кн. Ученые труды Всесоюзного института юридических наук, вып. 8, М., 1946.

Гродзинский М. М. Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе, М., 1949.

Гусев А. А. Установление личности по признакам внешности. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1955.

Гущин А. И., Яковлев Я. М. Идентификация личности убитой по черепу и фотоснимку. В кн. Вопросы криминалистики и судебной экспертизы, вып. 5, Душанбе, 1966.

Дулов А. В. Вопросы теории судебной экспертизы, Минск, 1959.

Житков В. С. Вариант методики фотосовмещения лица и черепа. В кн. Вопросы борьбы с преступностью, вып. 8, М., 1968.

Завизист Н. В. Стандартизация изготовления фотоснимков для документов — важное условие эффективности портретно-криминалистической экспертизы. В кн. Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 9, Киев, 1972.

Зинин А. М. Портретная идентификация по ретушированным фотоизображениям. В кн. Экспертная практика, вып. 3, М., 1969.

Значение медико-криминалистической экспертизы для идентификации жертвы убийства по черепу (по материалам прокуратуры г. Риги). В кн. Следственная практика, вып. 13, М., 1953.

Зюскин Н. М. Определение размеров предметов по случайному фотоснимку. В кн. Материалы научной конференции, посвященной проблемам криминалистики, М., 1958.

Зюскин Н. М., Брайчевская Е. Ю. Искажение размеров лица на фотоснимках. В кн. Вопросы криминалистики и судебной экспертизы, вып. 2, Минск, 1971.

Кажев В. А. О технике фотосовмещения при отождествлении черепа с прижизненной фотографией. В кн. Сборник научно-практических работ судебных медиков и криминалистов, вып. 2, Петрозаводск, 1962.

Кирсанов З. И. Сравнительное исследование размерных отношений лица на фотоснимках с различным положением головы фотографируемого. В кн. Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 2, Киев, 1965.

Кирсанов З. И. Влияние усадки фотобумаги на относительные размеры изображения. В кн. Вопросы судебной экспертизы. Баку, 1967.

Кисин М. В. Восстановление лица по черепу. В кн. Сборник методических ориентировок по вопросам криминалистики, М., 1957.

Кноблах Э. Медицинская криминалистика, Прага, 1959.

Колесниченко А. Н. О применении метода восстановления лица по черепу в целях опознания личности убитого. В кн. Сборник научных работ по судебной медицине и криминалистике, Харьков, 1956.

Колмаков В. П. Сущность и задачи идентификации личности в советской криминалистике. В кн. Ученые записки Харьковского юридического института, вып. 6, Харьков, 1955.

Колмаков В. П. Расследование убийств, М., 1958.

Краверский Б. В., Петров В. П. Применение метода фотосовмещения при установлении личности трупа (оперативно-методическая ориентировка), Л., 1956.

Кравчинская А. С. О значении некоторых дополнительных признаков при отождествлении личности методом фотосовмещения по черепу. В кн. Сборник научно-практических работ судебных медиков и криминалистов, вып. 1, Петрозаводск, 1962.

Кравчинская А. С. К вопросу об установлении личности по костным останкам. В кн. Вопросы борьбы с убийствами, М., 1969.

Крылов И. Ф. Как наука помогает раскрывать преступления, Л., 1959.

Крылов И. Ф. Пути развития тактики экспертизы. В кн. Сборник научных трудов, вып. 3, Вильнюс, 1968.

Кубицкий Ю. М. Отождествление личности неопознаваемого трупа по черепу. В кн. Советская криминалистика на службе следствия, вып. 9, М., 1957.

Кубицкий Ю. М. Судебно-медицинское исследование неопознанных трупов и костных останков для задач отождествления личности, М., 1959.

Кубицкий Ю. М. Редкий случай судебно-медицинского отождествления личности трупа, «Судебно-медицинская экспертиза», 1962, № 4.

Лузгин И. М. Воспроизведение (реконструкция) обстановки в связи с расследованием преступлений. В кн. Вопросы борьбы с убийствами, М., 1969.

Любарский М. Г., Мухин Н. Г. Некоторые пограничные вопросы криминалистики и судебной медицины. В кн. Сборник работ по теории и практике судебной медицины. Труды ГИДУВа, вып. 29.

Миронов А. И. Осмотр места происшествия по делам об убийствах, М., 1958.

Мудьюгин Г. Н. Расследование убийств, по делам, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего. Кандидатская диссертация, М., 1962.

Наместникова Л. Н. Реставрация прижизненного облика неизвестной личности на трупе в целях опознания, Харьков, 1948.

Наместникова Л. Н. К вопросу об установлении личности по черепу. В кн. Сборник научных работ (к 150-летию Харьковского государственного медицинского института), Харьков, 1955.

Норейко Е. А. О механическом фотосовмещении, как самостоятельном методе отождествления личности неизвестного трупа и прижизненной фотографии. В кн. Сборник научно-практических работ судебных медиков и криминалистов, вып. 1, Петрозаводск, 1962.

О возможности применения в следственной практике метода восстановления лица по черепу (по материалам Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики).

Пашкова В. И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963.

Петров В. П. Установление личности трупа и некоторые общие вопросы судебной экспертизы. В кн. Вопросы судебной экспертизы. Материалы научной конференции, Л., 1960.

Петров В. П. Судебно-медицинская экспертиза в связи с установлением личности трупа. В кн. Труды ГИДУВа, Л., 1962.

Петров В. П. Судебно-медицинская экспертиза при установлении личности умершего человека. Автореферат докторской диссертации, Л., 1968.

Подольский С. М. Чей труп обнаружен в Грицевском лесу? В кн. Следственная практика, вып. 34, М., 1958.

Полевой Н. С. Проблемы и новые методы идентификации личности по чертам внешности при расследовании убийств. В кн. Вопросы борьбы с убийствами, М., 1969.

Полевой Н. С., Хасин Г. Б. О характере заключения эксперта-криминалиста при применении графических идентификационных алгоритмов и его математическом обосновании. В кн. Правовая кибернетика, М., 1970.

Полевой Н. С. Аналитический метод идентификации лич-

ности по фотоизображениям. В кн. Правовая кибернетика, М., 1970.

Постика И. В. Процессуальные и научно-технические основы применения судебно-фотографических методов исследования вещественных доказательств. В кн. Криминалистика и судебная экспертиза, вып. 5, Киев, 1968.

Прозоровский В. И., Кубицкий Ю. М. К вопросу судебно-медицинского отождествления личности по черепу. В кн. Тезисы докладов к одиннадцатой расширенной конференции Ленинградского отделения ВНОСМиК и научной сессии Института судебной медицины, Л., 1961.

Пяткевич М. М. Метод фотосовмещения и отождествления личности по черепу. В кн. Использование научных методов и технических средств в борьбе с преступностью, Минск, 1965.

Пяткевич М. М., Гришков Е. Г. Корреляция комплексов измерений на фотографиях черепа и лица как возможный критерий определения принадлежности черепа. В кн. Сборник научных трудов Витебского государственного медицинского института, вып. 13, книга 1, Витебск, 1969.

Рассейкин Д. П. Расследование преступлений против жизни, Саратов, 1965.

Розенблит С. Я. Криминалистика капиталистических стран. В кн. Советская криминалистика на службе следствия, вып. 8, М., 1956.

Рохлин Д. Г. Болезни древних людей, М., 1965.

Рудницкий В. Д., Зорин Б. Н., Михайловский Я. А., Ткачев О. В. Убийство с расчленением трупа. В кн. Следственная практика, вып. 49, М., 1961.

Самойлов Г. А. Отождествление личности человека с помощью графических идентификационных алгоритмов. В кн. Использование научных методов и технических средств в борьбе с преступностью, Минск, 1965.

Снетков В. А. Некоторые перспективы развития методики экспертной портретной идентификации. В кн. Экспертная практика, вып. 3, М., 1969.

Снетков В. А. О процессуальной природе субъективных портретов. В кн. Применение научных методов при расследовании преступлений и изучении преступности (материалы Всесоюзной научной конференции), часть I, выпуск 1, М., 1973.

Соколов В. А. Математический анализ и криминалистическая идентификация объектов. В кн. Графические алгорит-

мы и возможности их использования в процессе идентификационных криминалистических экспертиз, Рига, 1965.

Солнцева Л. Ф. Идентификация личности по чертам внешности. В кн. Теория и практика криминалистической экспертизы, вып. 1, М., 1965.

Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. 1, М., 1968.

Тахо-Годи Х. М. Пособие по основам научной фотографии в судебной медицине, М., 1965.

Терзиев Н. В. Криминалистическое отождествление личности по признакам внешности, М., 1956.

Финн Э. Установление личности убитого по его скелету и отдельным костям, «Социалистическая законность», 1965, № 10.

Финн Э. А. Немые свидетели изобличают, М., 1965.

Цветков П. П. Предъявление для опознания в советском уголовном процессе, Л., 1962.

Цветков П. П., Петров В. П. Идентификация личности по фотоснимкам, Л., 1966.

Шиканов В. И. Производство экспертиз по идентификации личности методом фотосовмещения нуждается в дальнейшем совершенствовании. В кн. Сборник научно-практических работ судебных медиков и криминалистов, вып. 3, Петрозаводск, 1966.

Шиканов В. И. Некоторые процессуальные вопросы производства экспертиз по идентификации личности методом фотосовмещения. В кн. Сборник научно-практических работ судебных медиков и криминалистов, вып. 3, Петрозаводск, 1966.

Шиканов В. И. Возможно ли точное совмещение черепа с фотоснимком головы постороннего человека? В кн. Шестая республиканская научно-практическая конференция патологоанатомов и судебно-медицинских экспертов Карельской АССР (тезисы докладов), Петрозаводск, 1969.

Шиканов В. И. Установление принадлежности неопознанного трупа с помощью общественности при расследовании убийств. В кн. Ленинские идеи об участии трудящихся в укреплении социалистической законности и правопорядка, Чита, 1970.

Шиканов В. И. Случай близкого совпадения анатомо-топографических и краниометрических ориентиров при идентификации личности по черепу методом фотосовмещения. Проблемы борьбы с преступностью, Иркутск, 1970.

Шиканов В. И. Портретная идентификация при расследовании убийств (некоторые теоретические положения и практические рекомендации). В кн. Проблемы борьбы с убийством, Читта—Иркутск, 1973.

Шляхов А. Р. Итоги Берлинского симпозиума криминалистов социалистических стран, М., 1963

Шляхов А. Р. Идентификация личности по чертам внешности, изображенным на фотоснимках. В кн. Теория и практика криминалистической экспертизы, сб. № 9—10, М., 1962.

Эльбур Р. Э. Использование аппарата проективной геометрии в процессе идентификации личности по фотоснимкам. В кн. Вопросы кибернетики и право, М., 1967.

Юранс В. Некоторые вопросы теории идентификации объектов с использованием аппарата проективной геометрии. В кн. Вопросы кибернетики и право, М., 1967.

Яковлев Я. М. Расследование убийств, Душанбе, 1960.

M. Belli. Modern Trials. California, 1954.

O. Gr ün e r, R. R e i n h a r d. Ein photographisches Verfahren zur Schädelidentifizierung. Deutsche Zeitschrift für gerichtliche Medizin, Bd. 47. S. 247—256, 1959.

H. E g g e l i n g. Die Leistungsfähigkeit phisionomischer Rekonstruktionsversuche auf Grundlage des Schädels. «Archiv für Anthropologie», Bd. XII, H. 1, 1913.

Fr. S t a d t m ü l l e r. Identitätsprüfung eines Schädels bei vorliegendem Erkennungsdienst — Photogramm des vielleicht als ehemaliger. Träger in Frage Kommenden Individuum. Deutsche Zeitschrift für gerichtliche Medizin, Bd. 20. S. 33—52, 1932.

Fr. S t a d t m ü l l e r. Über das Verfahren der Zugehörigkeitsprüfung bei Schädeln im allgemeinen und die Aufklärung des Falles A. (Mord und Versicherungs betryg. Deutsche Zeitschrift für gerichtliche Medizin, Bd. 27. S. 335—357, 1937.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава первая	
Идентификация трупа методом фотосовмещения его черепа и прижизненной фотографии исчезнувшего лица	
§ 1. У истоков метода	11
§ 2. Становление метода: модификация, некоторые недостатки и пути совершенствования	30
§ 3. Некоторые процессуальные вопросы, связанные с экспертным отождествлением трупа по черепу методом фотосовмещения . . .	55
Глава вторая	
Антропология на службе криминалистики (Метод скульптурного портрета)	75
Приложение	
Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верхов- ного Суда СССР по делу Бояринцева	89
Приложение 2	
Библиография	97
Приложение 3	
Фототаблицы	105

Сдано в набор 10/XII-73 г. Подписано к печати 9/I-74 г.
Формат бумаги 60×84¹/₁₆. Печ. л. 6,5 +12 вклеек. НЕ 01044.
Тираж 1000. Заказ 3898.

Иркутская областная типография № 1 Областного управления
издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Иркутск, ул. К. Маркса, 11. Ф. 2

В К Л Е Й К И

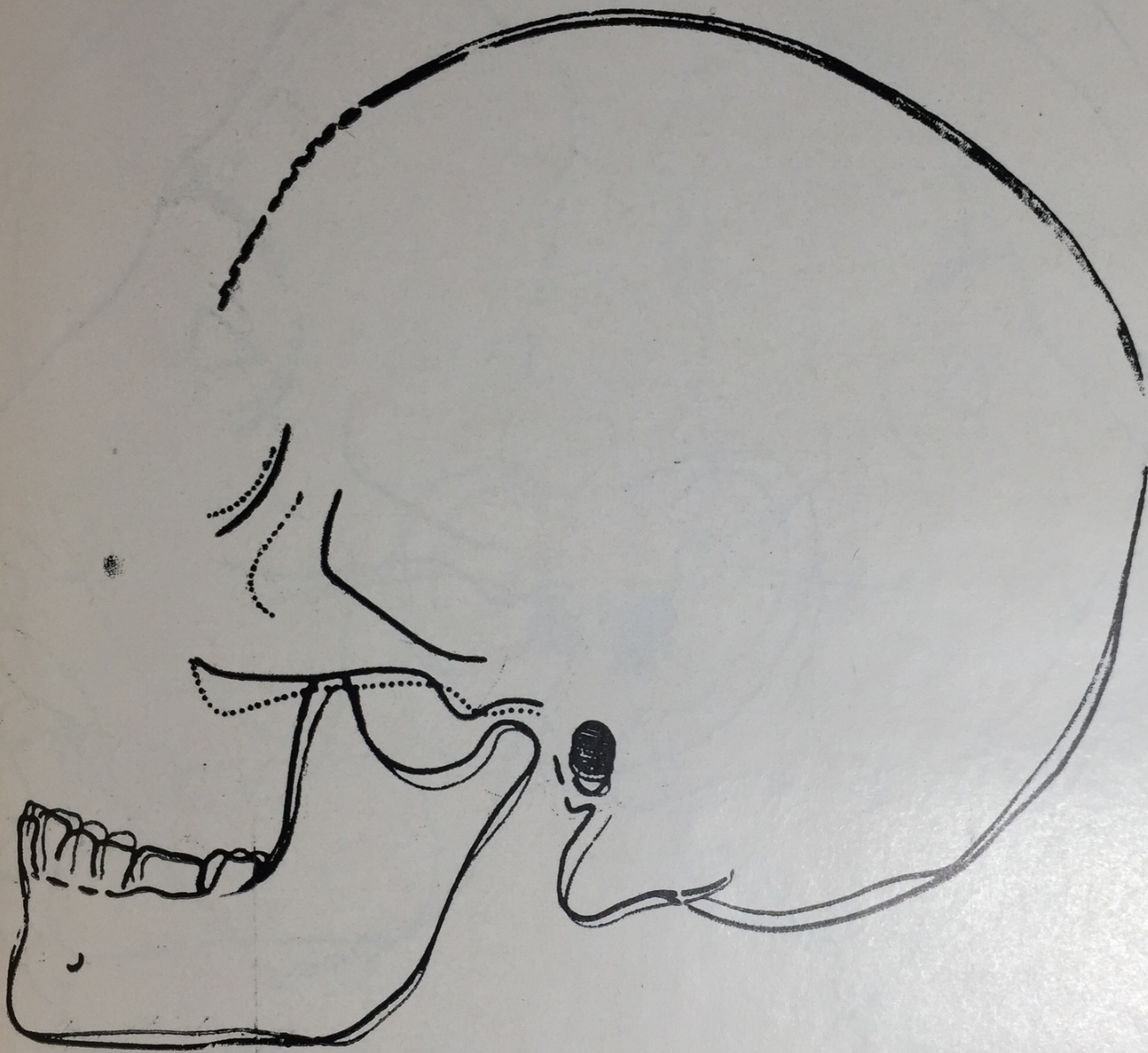

Рис. 1. Совмещение контуров ч. X, 7/7, левая сторона (толстая линия) и ч. X, 7/7, правая сторона (зеркальное изображение, нежная линия). Уменьшено. Объяснение в тексте

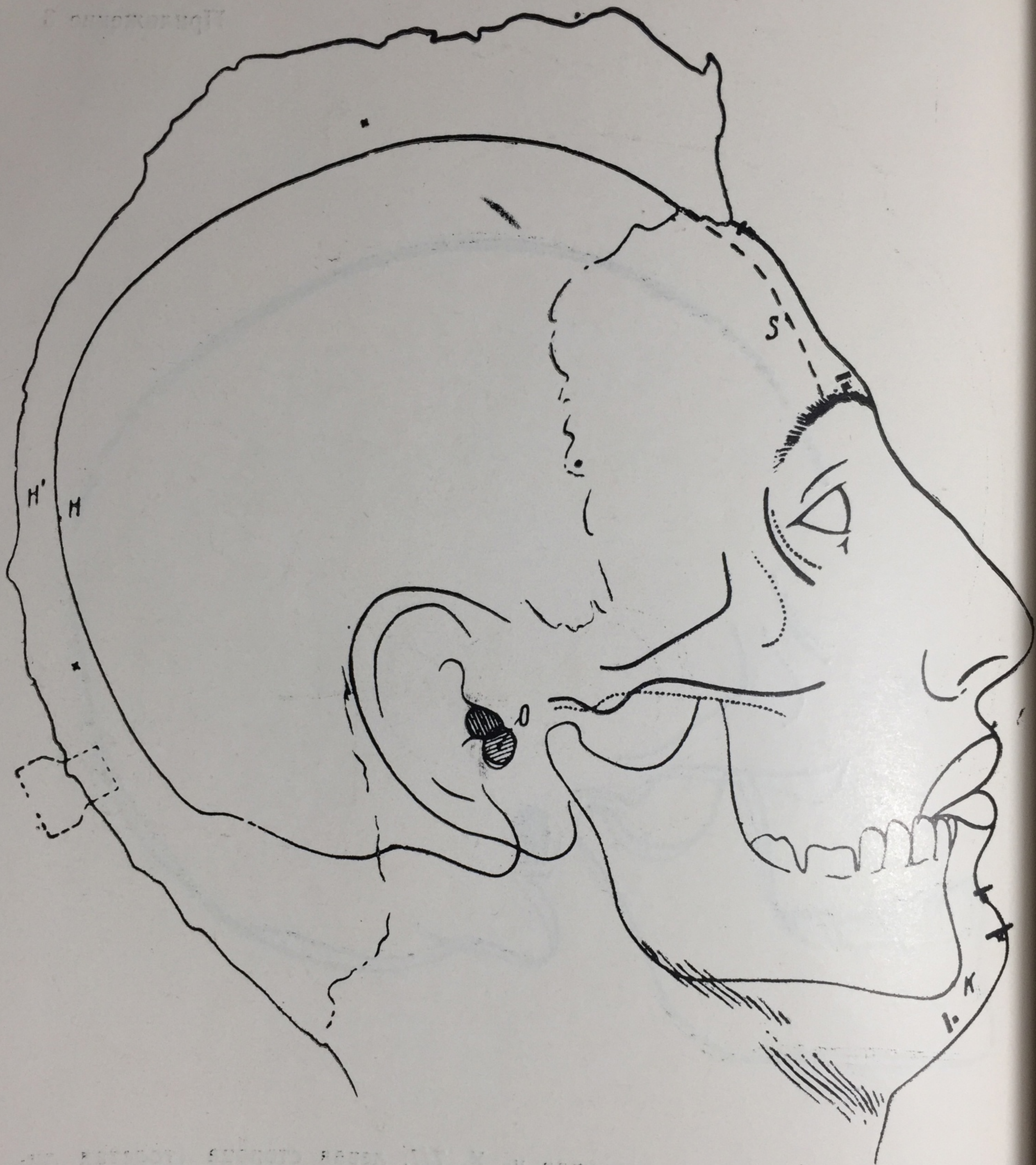

Рис. 2. Совмещение фотографий ч. X, 7/7, правая сторона и L. A, 7/7. Уменьшено. Челюсть в «спокойном» положении. Ориентация на нижнюю челюсть. Слуховое отверстие в кости заштриховано горизонтально, внешнее слуховое отверстие — вертикально. Объяснение в тексте

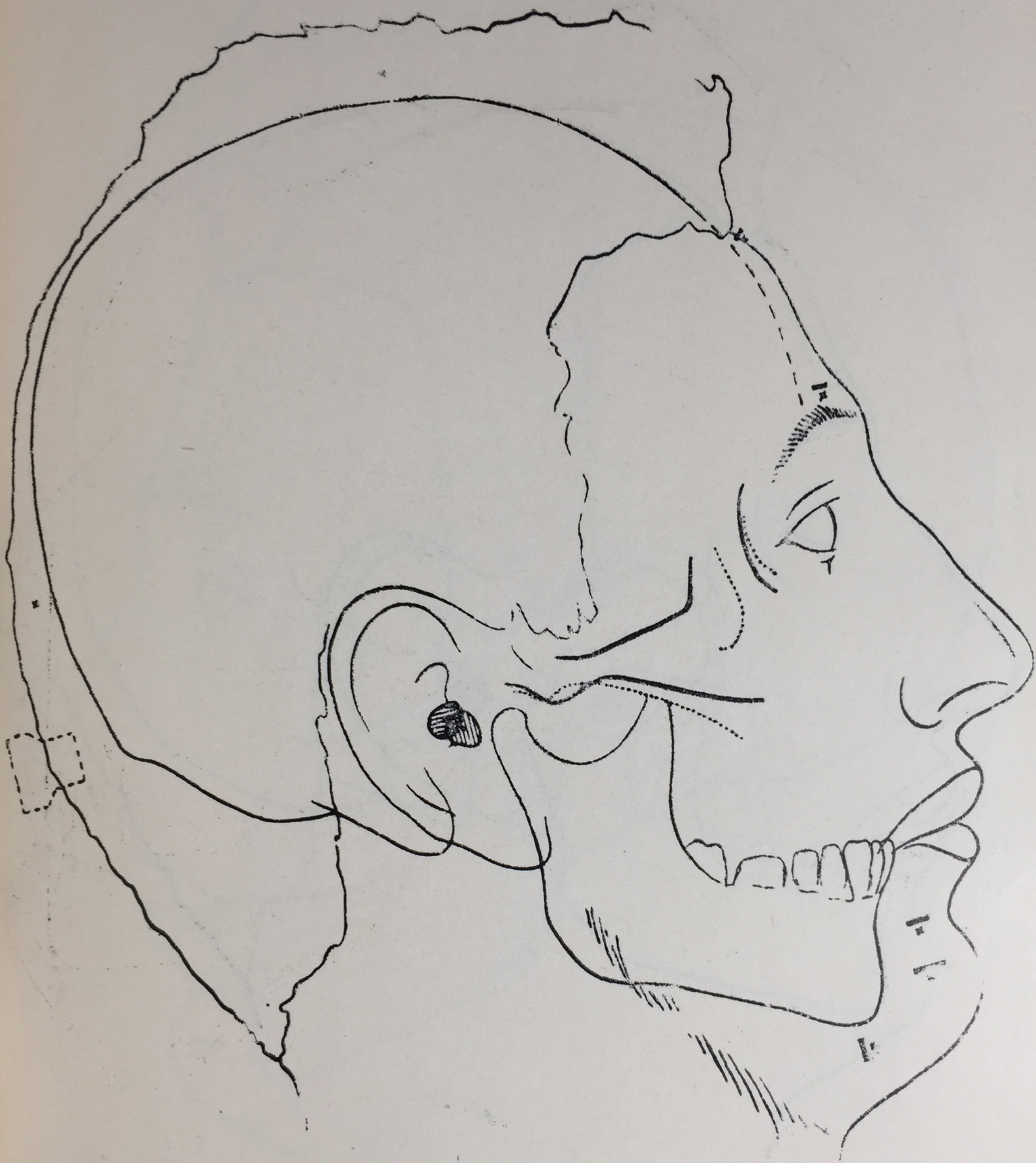

Рис. 3. Совмещение фотографий ч. Х, 7/7, правая сторона и Л. А, 7/7.
Ориентация по ушным отверстиям. Уменьшено. Заштриховано как на
рис. 2. Объяснение в тексте

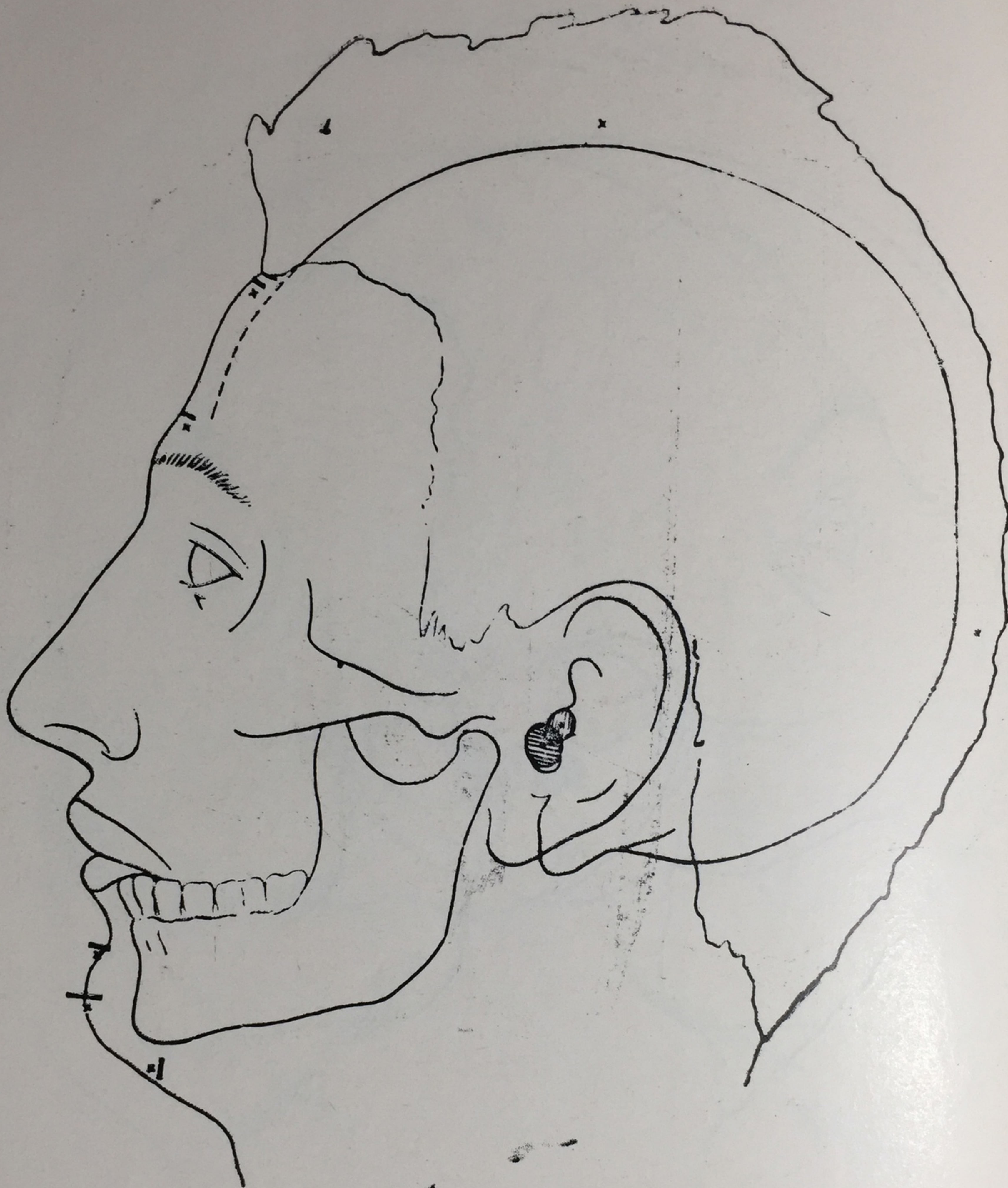

Рис. 4. Совмещение фотографий ч. X, 7/7, левая сторона и L. A, 7/7, зеркальное изображение. Челюсть в «спокойном» положении. Ориентация на нижнюю челюсть. Уменьшено. Заштриховано как на рис. 2. Объяснение в тексте

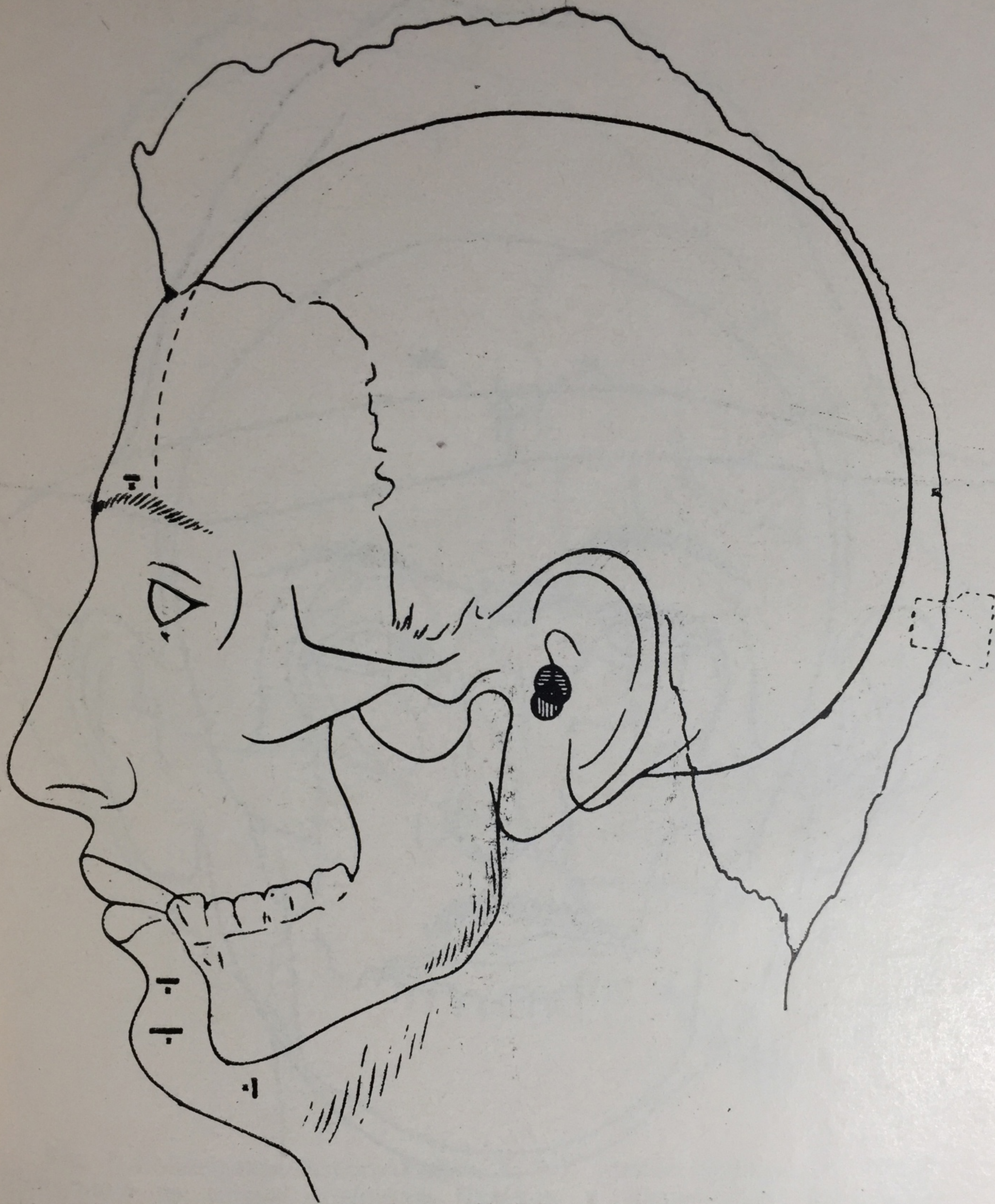

Рис. 5. Совмещение фотографий ч. X, 7/7, левая сторона и L. A, 7/7, зеркальное изображение. Ориентация по ушным отверстиям. Минимальное «расщепление» рта. Уменьшено. Заштриховано как на рис. 2. Объяснение в тексте

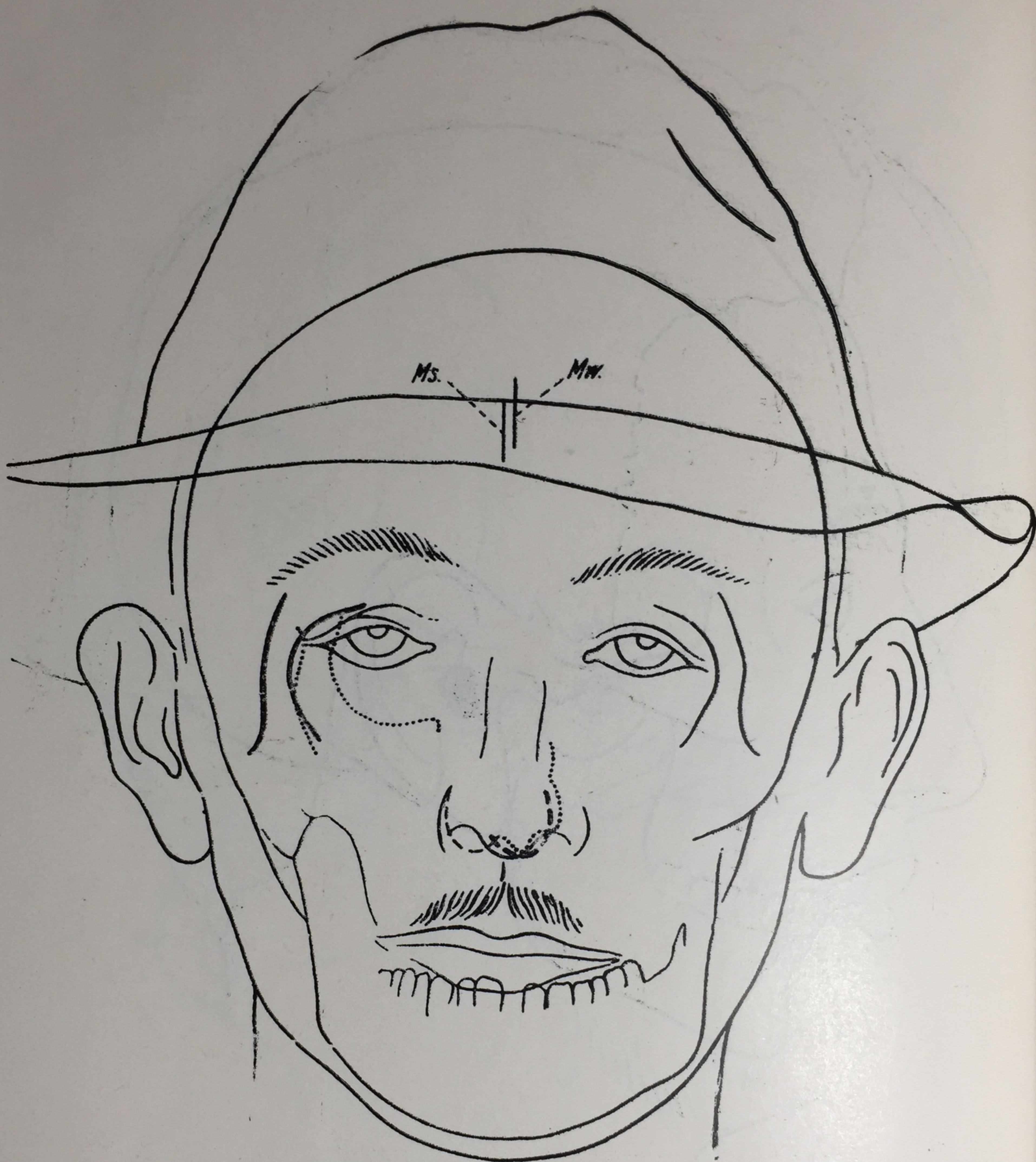

Рис. 6. Совмещение фотографий ч. X, 7/7, вид спереди и Л. А, 7/7, вид спереди, в шляпе. Ms — средняя линия контура черепа, Mw — средняя линия контура мягких тканей. Уменьшено. Объяснение в тексте

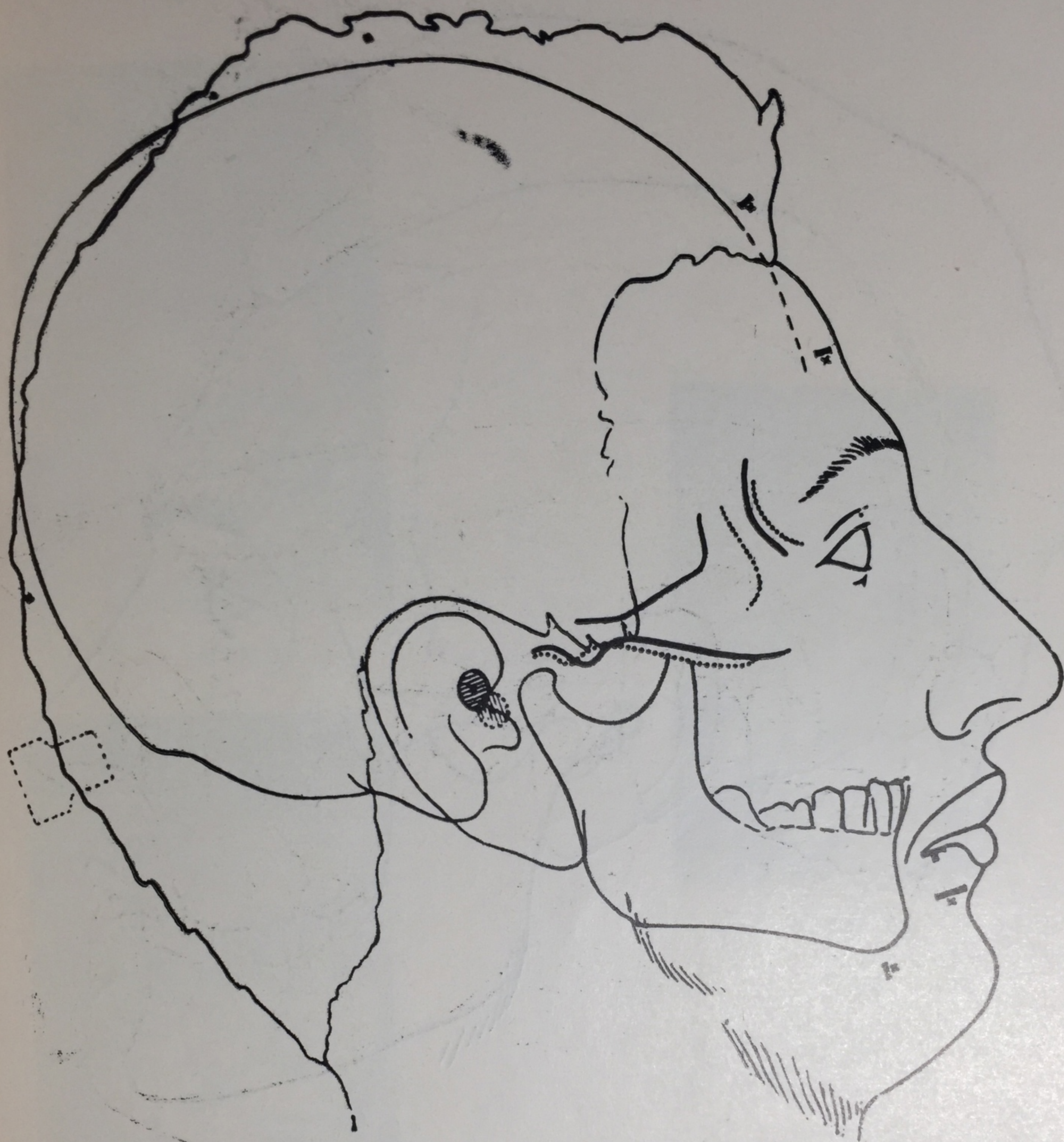

Рис. 7. Совмещение фотографий ч. Х, 7/7, правая сторона и Л. А, 7/7. Ориентация, на ушные отверстия. Челюсть в «спокойном» положении. Уменьшено. Заштриховано как на рис. 2. Объяснение в тексте.

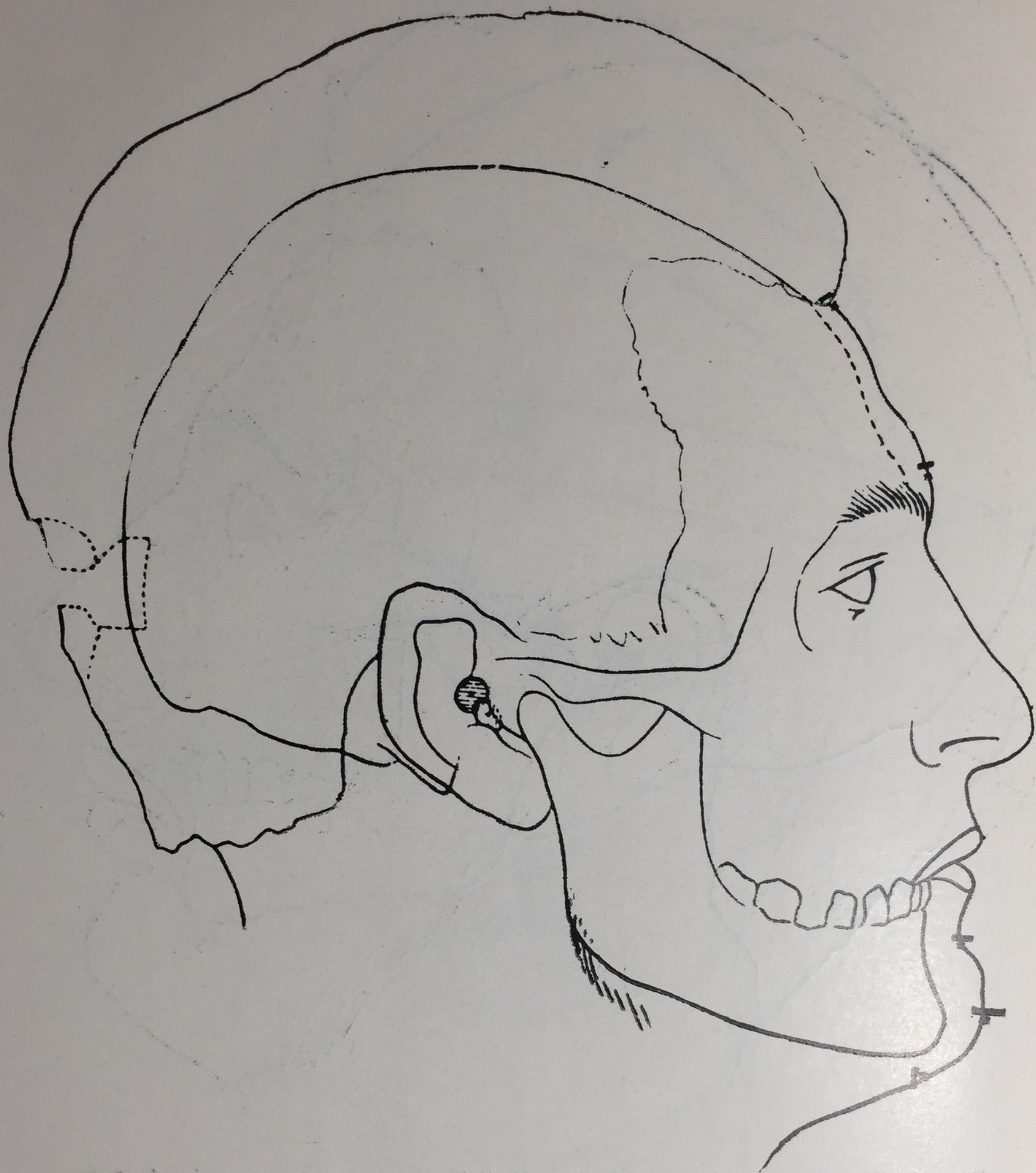

Рис. 8. Совмещение фотографий ч. Г, 7/7, правая сторона и Л. Г. 7/7. Уменьшено. Заштриховано как на рис. 2. Все соотношения удовлетворительны

Рис. 9

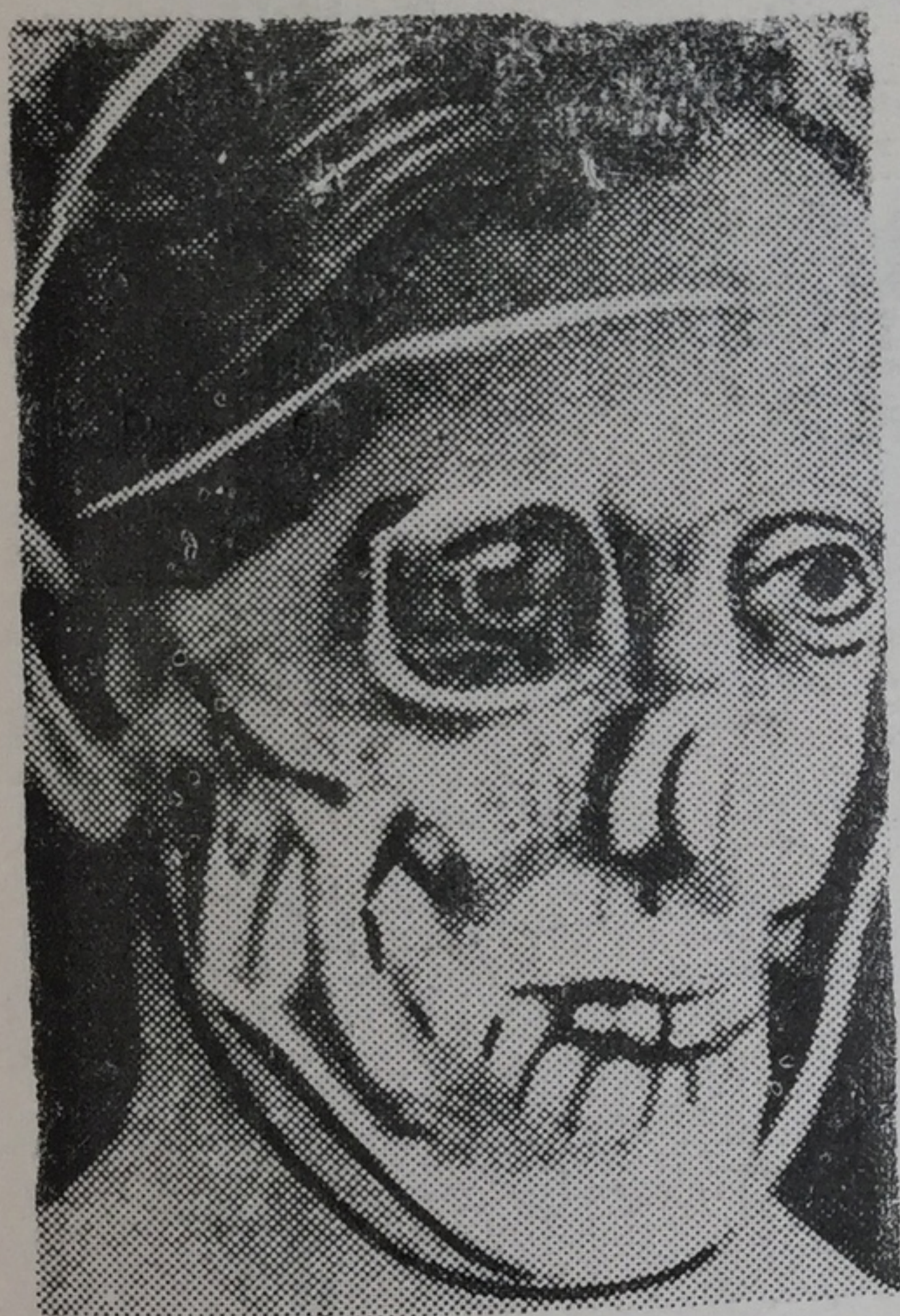

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 9. Прижизненная фотография Рекстон

Рис. 10. Череп неизвестной женщины

Рис. 11. Фотосовмещение черепа и прижизненной фотографии Рекстон

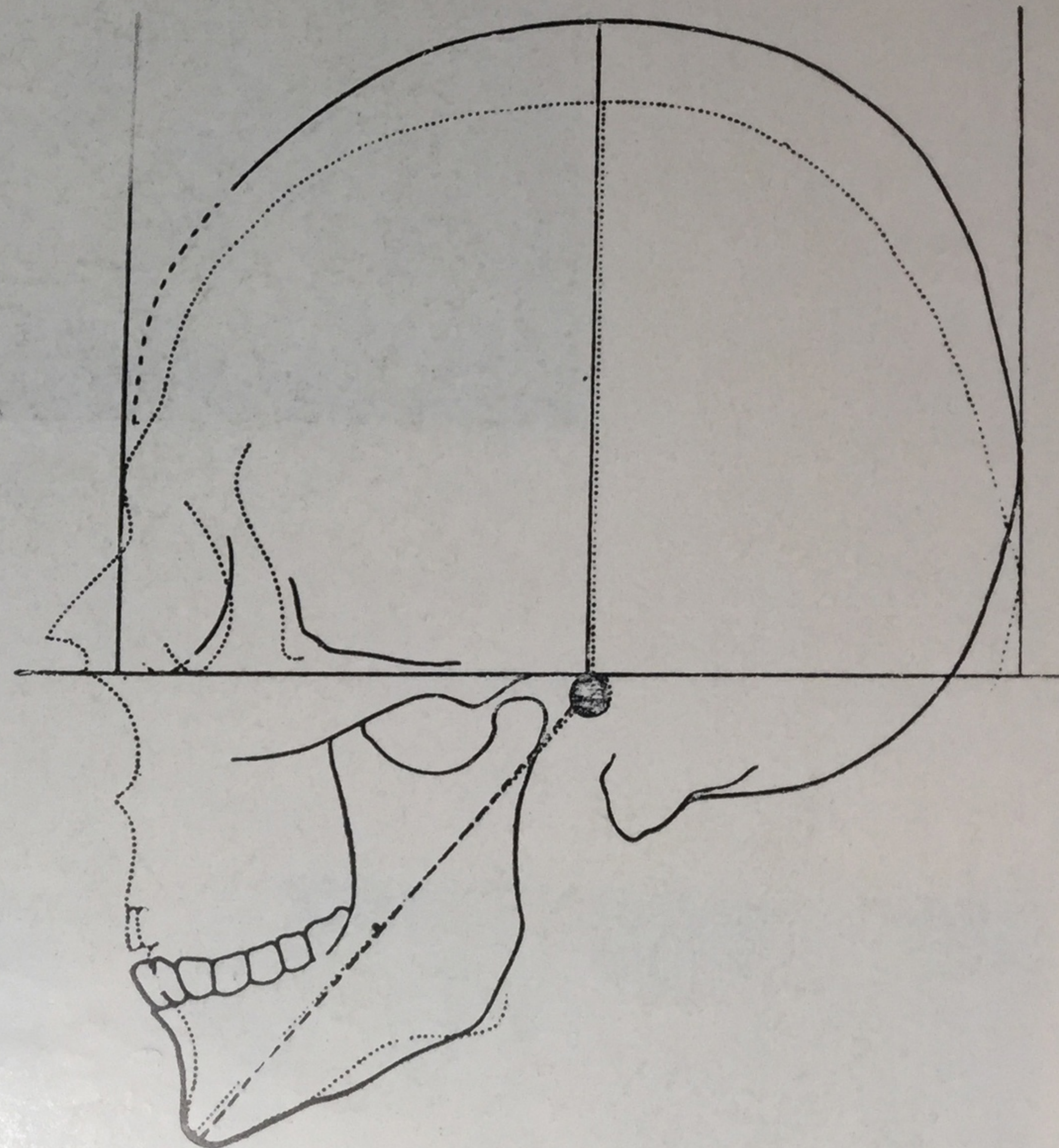
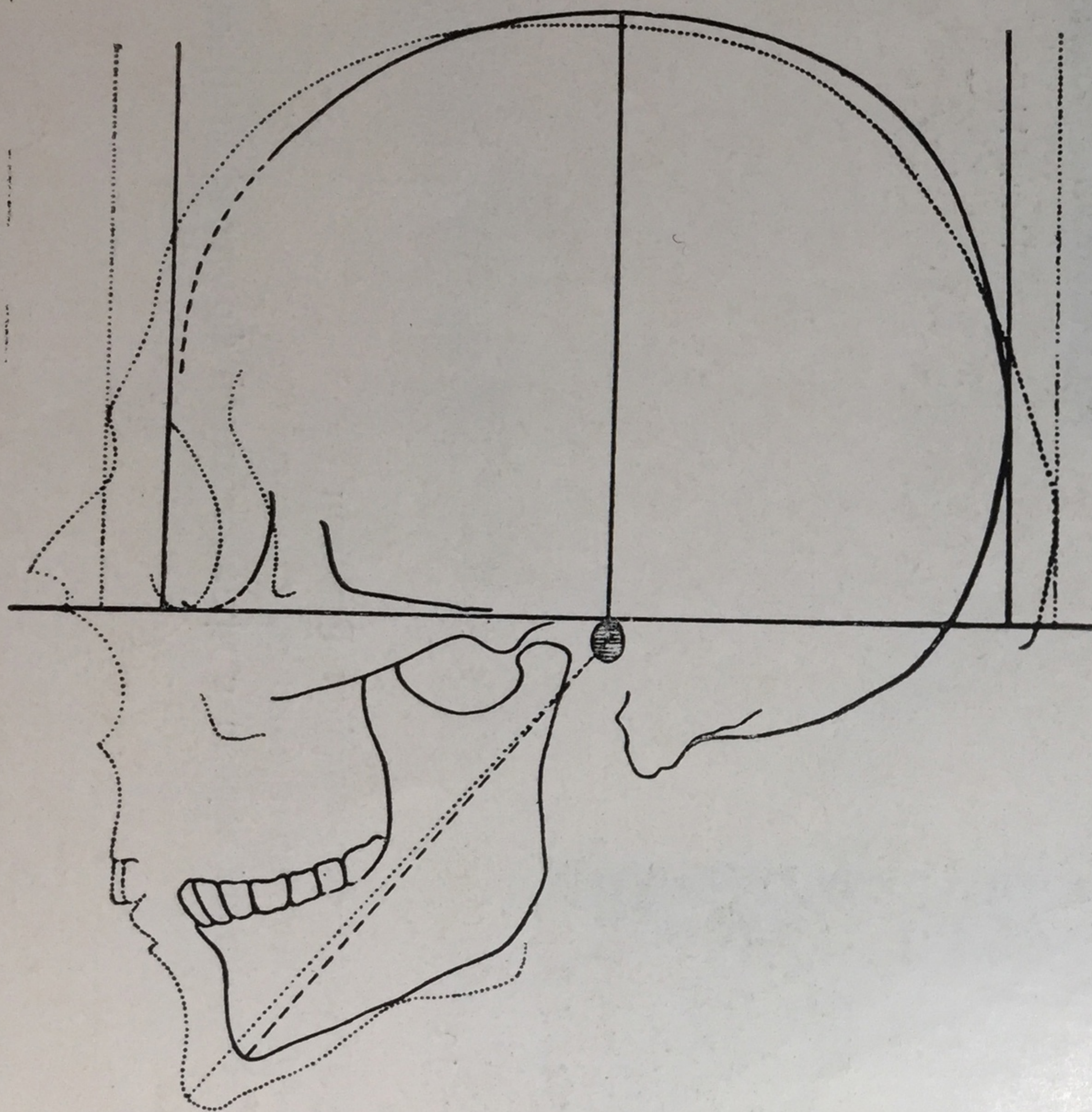

Рис 12 и 13. Контрольное совмещение контуров черепа X. (левый профиль) и черепа головы А. Уменьшено. Объяснение в тексте

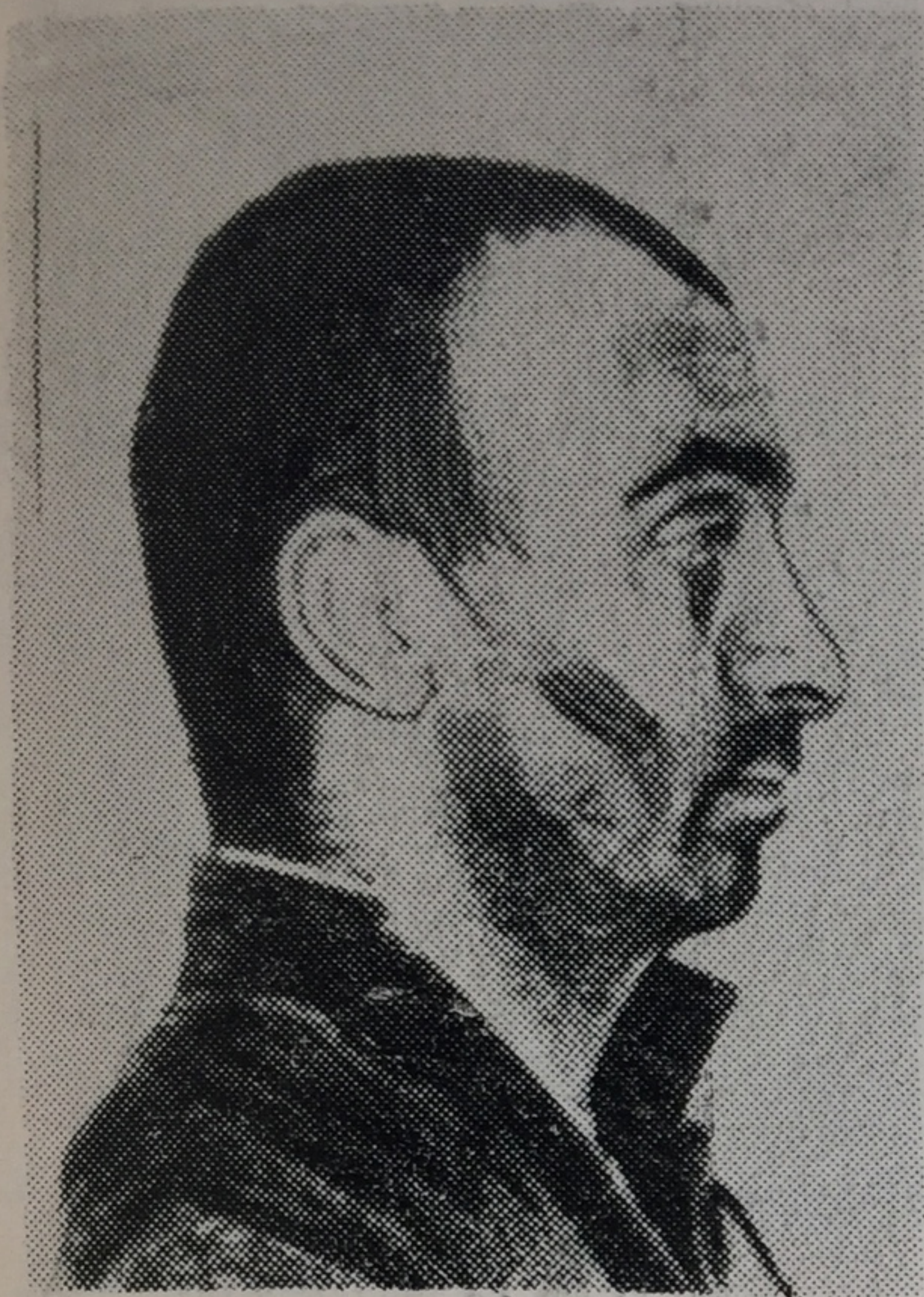

Рис. 14

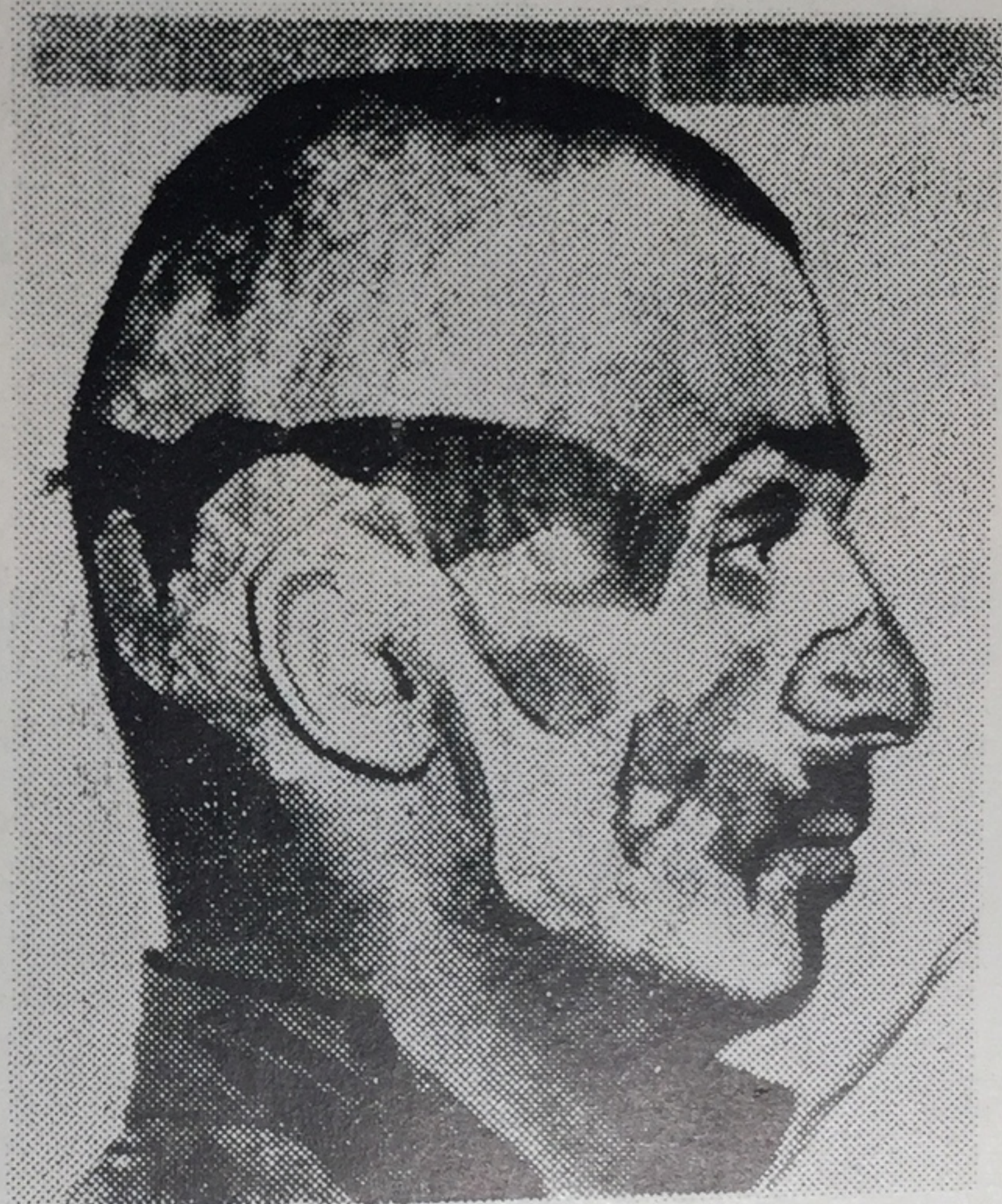

Рис. 15

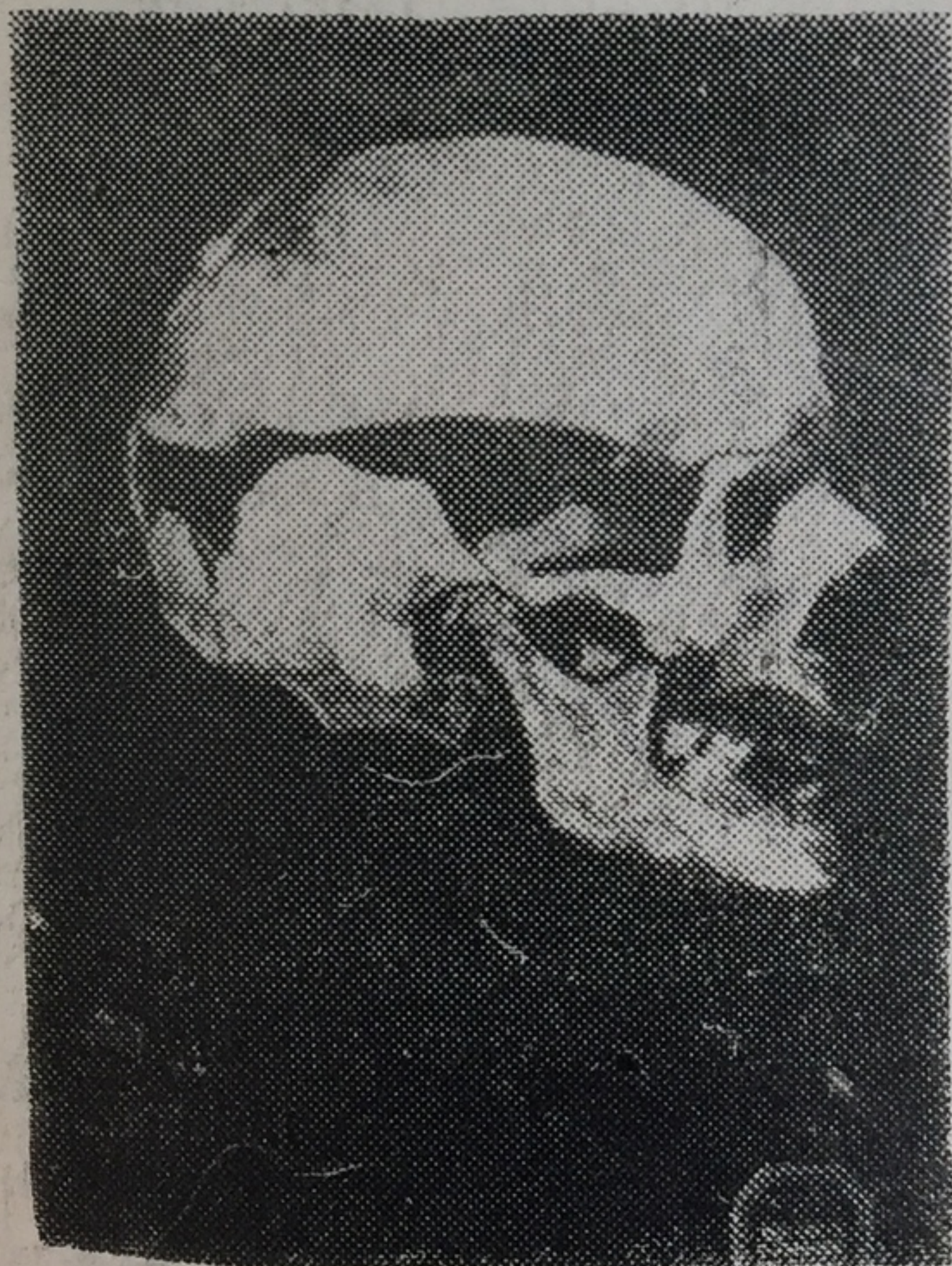

Рис. 16

- Рис. 14. Прижизненная сигналетическая фотография Жвиташвили
 Рис. 15. Череп неизвестного лица
 Рис. 16. Фотосовмещение черепа и прижизненной фотографии Жвиташвили

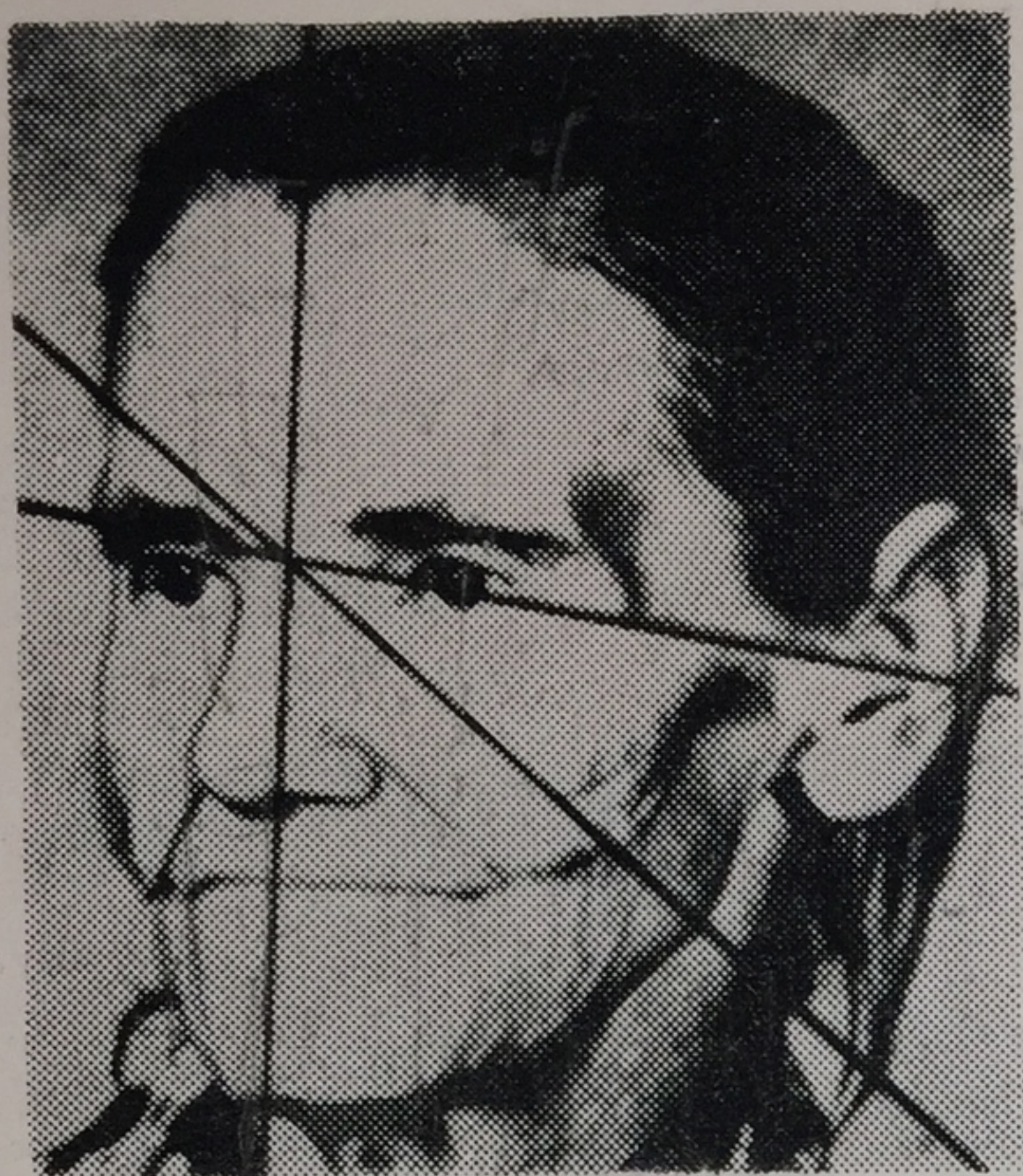

Рис. 17

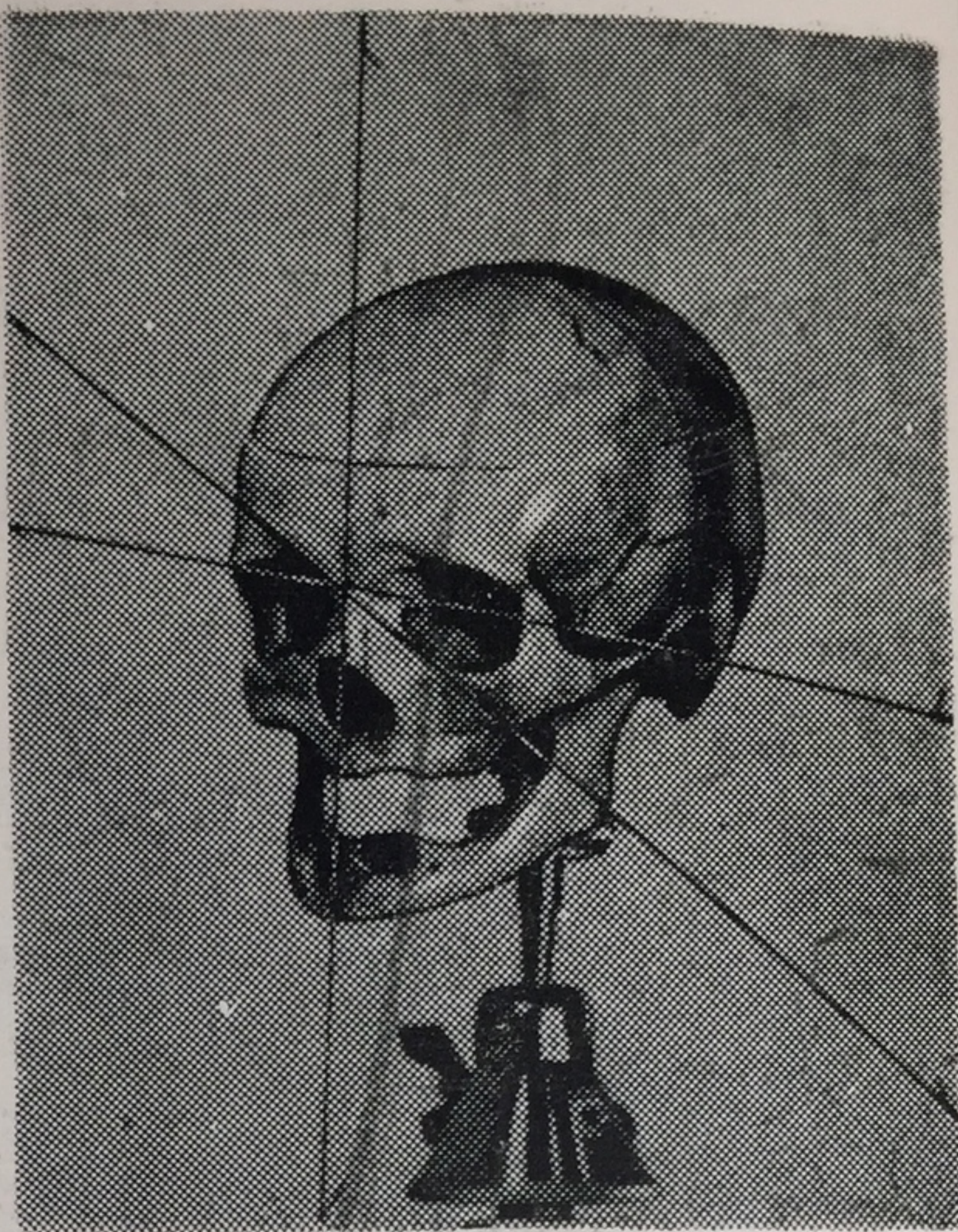

Рис. 18

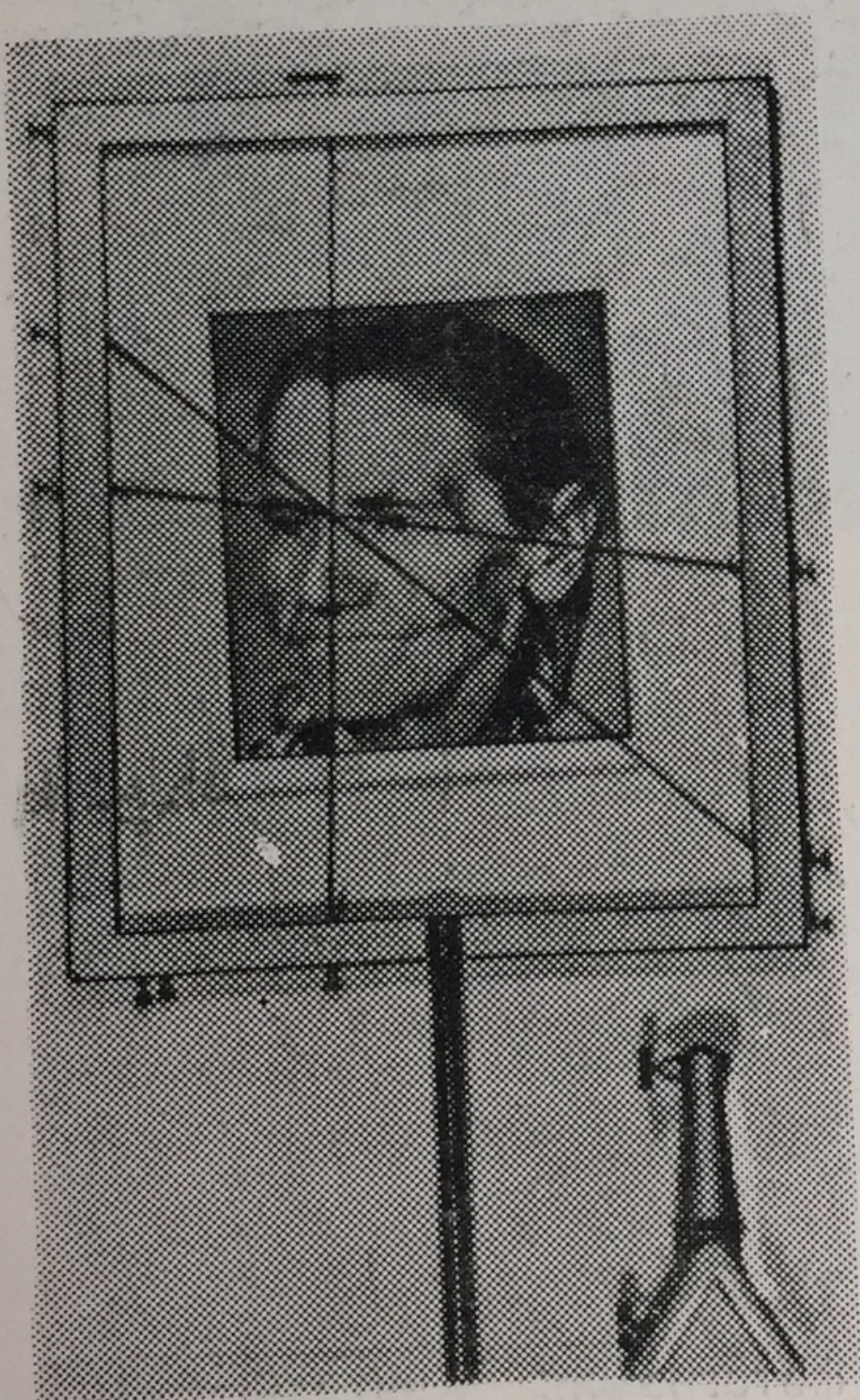

Рис. 19

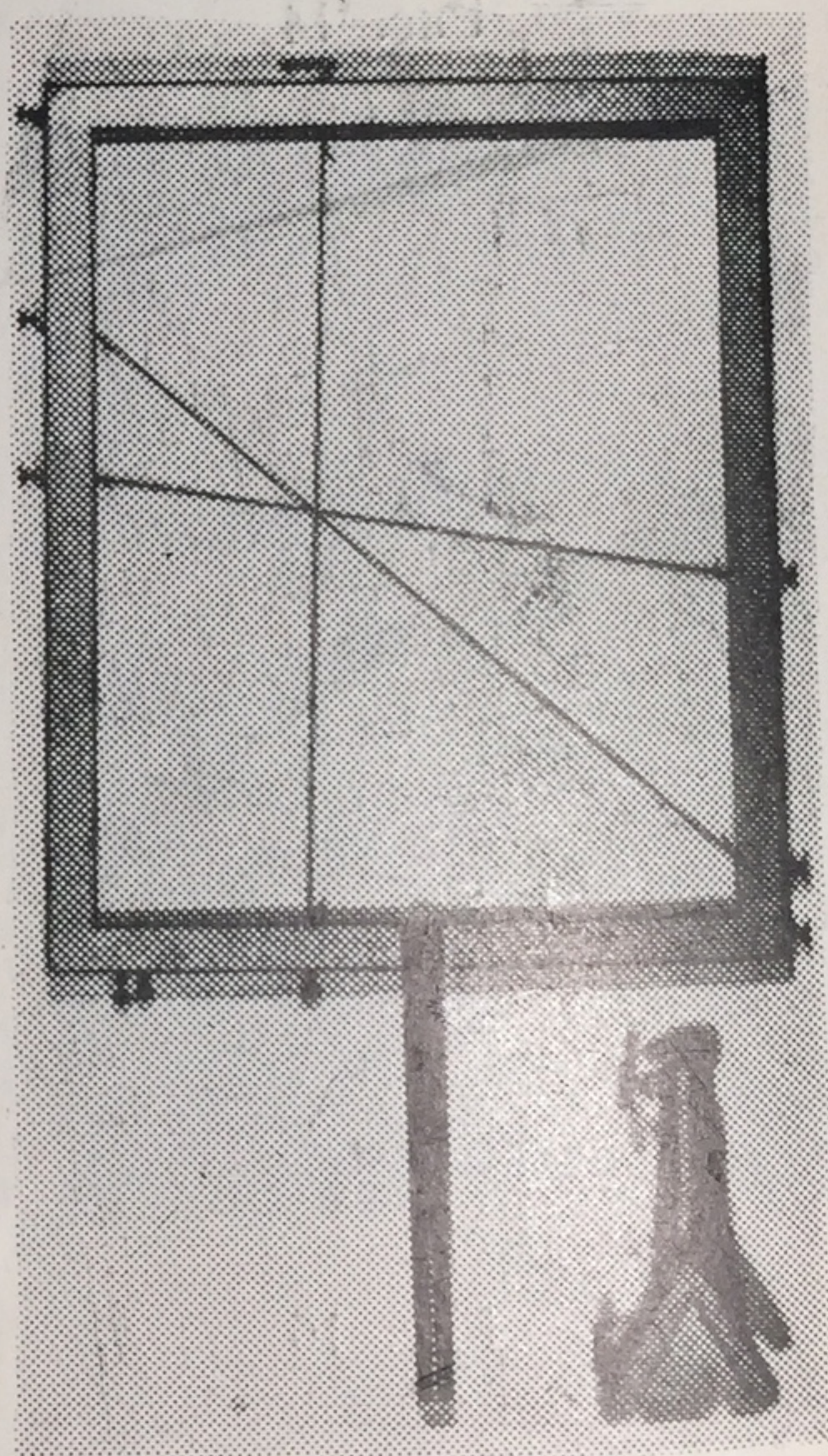

Рис. 20

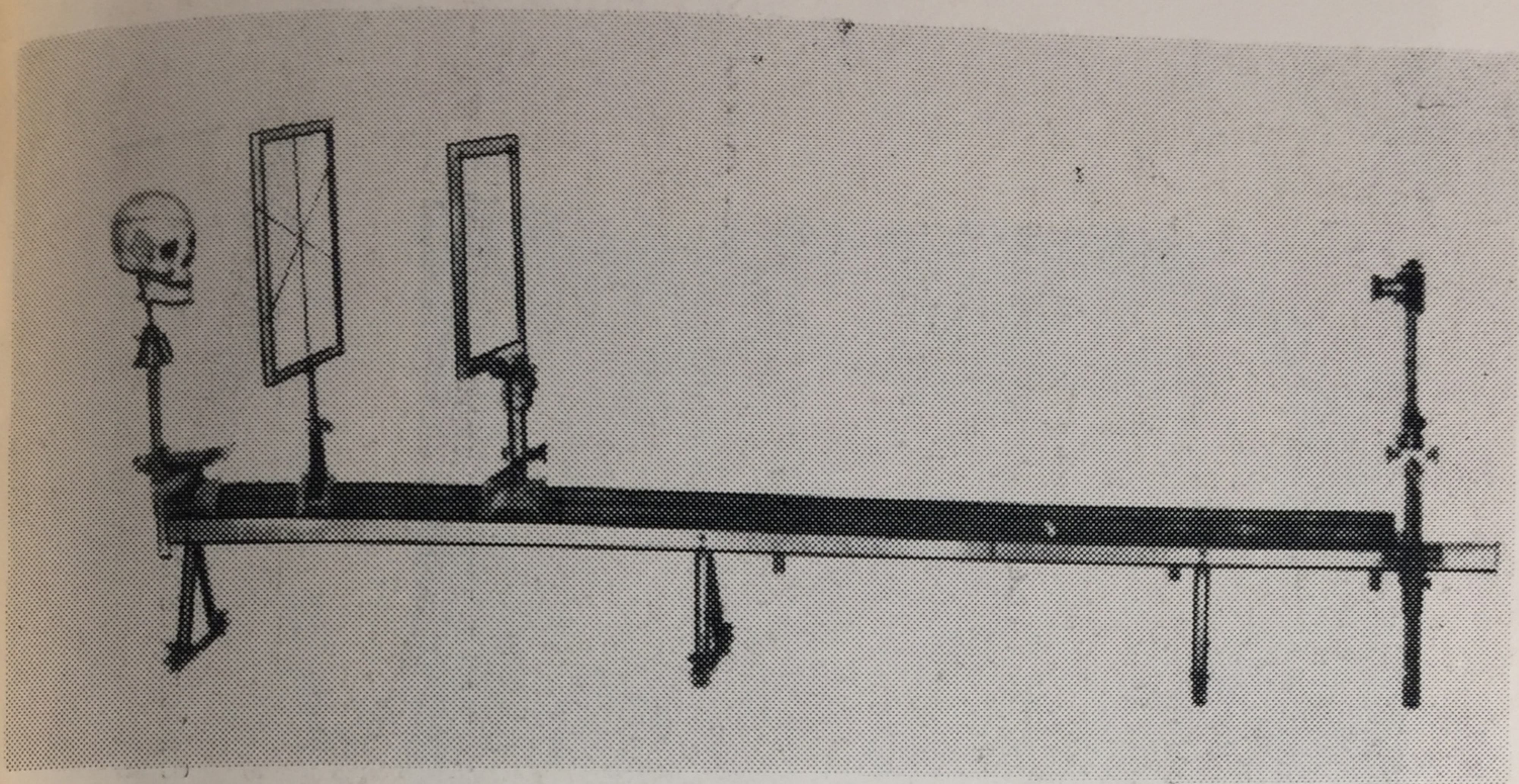

Рис. 21

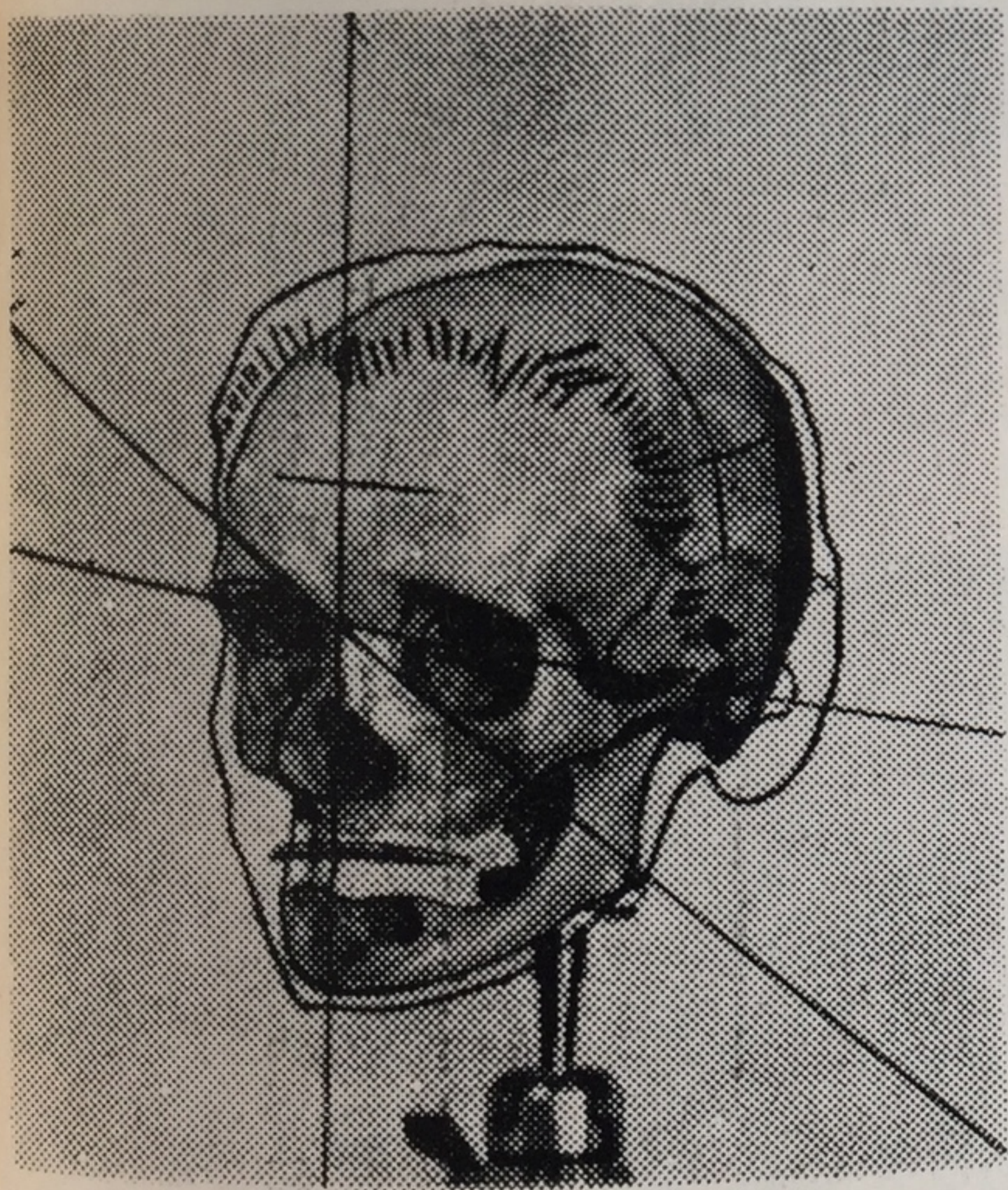

Рис 22

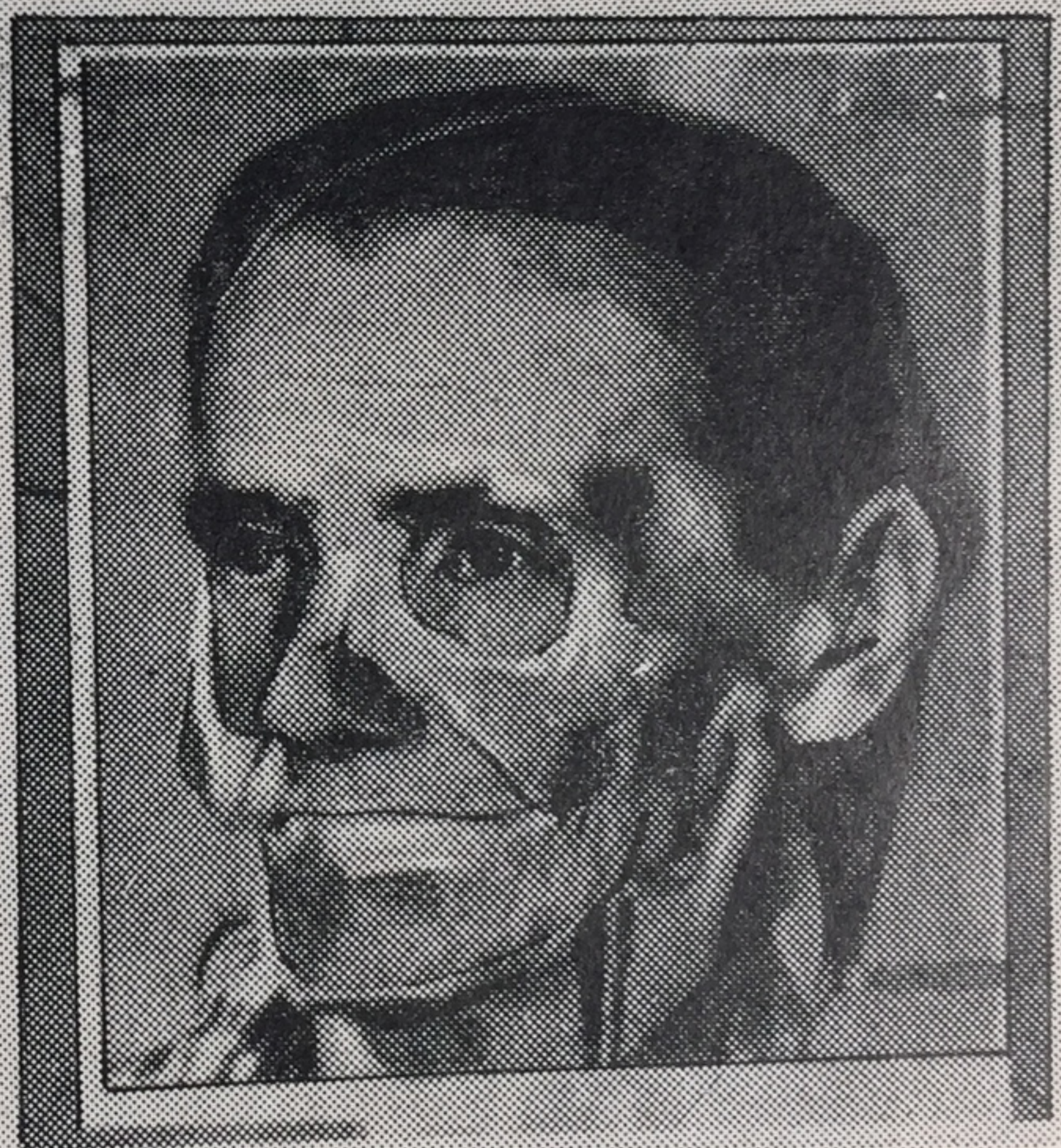

Рис. 23

Рис. 17—23. Техника фотосовмещения черепа и прижизненного изображения исчезнувшего лица, предложенная О. Грюнером и Р. Рейнхардом

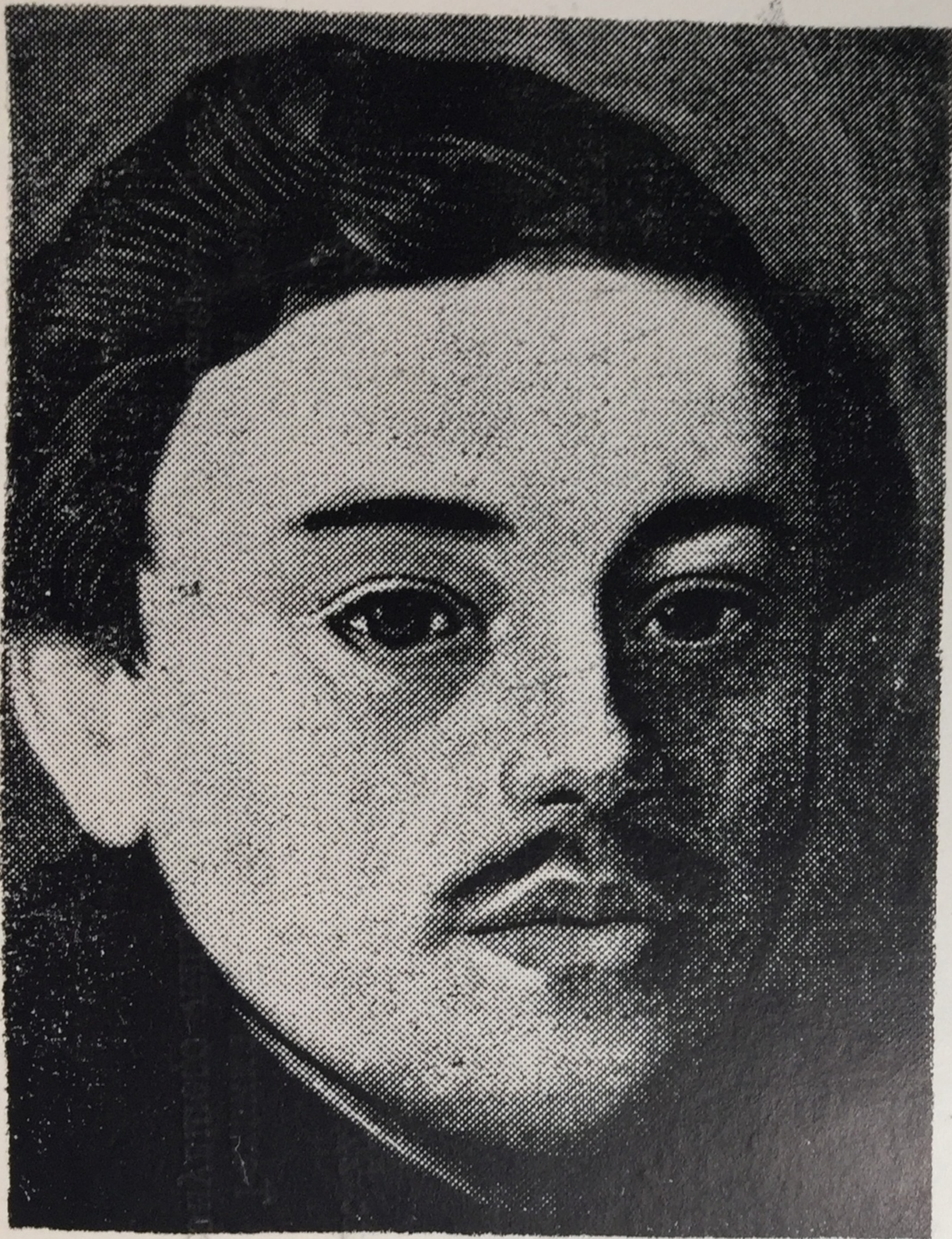

Рис. 24-а

Рис. 24-а. «Вульффертовский» портрет

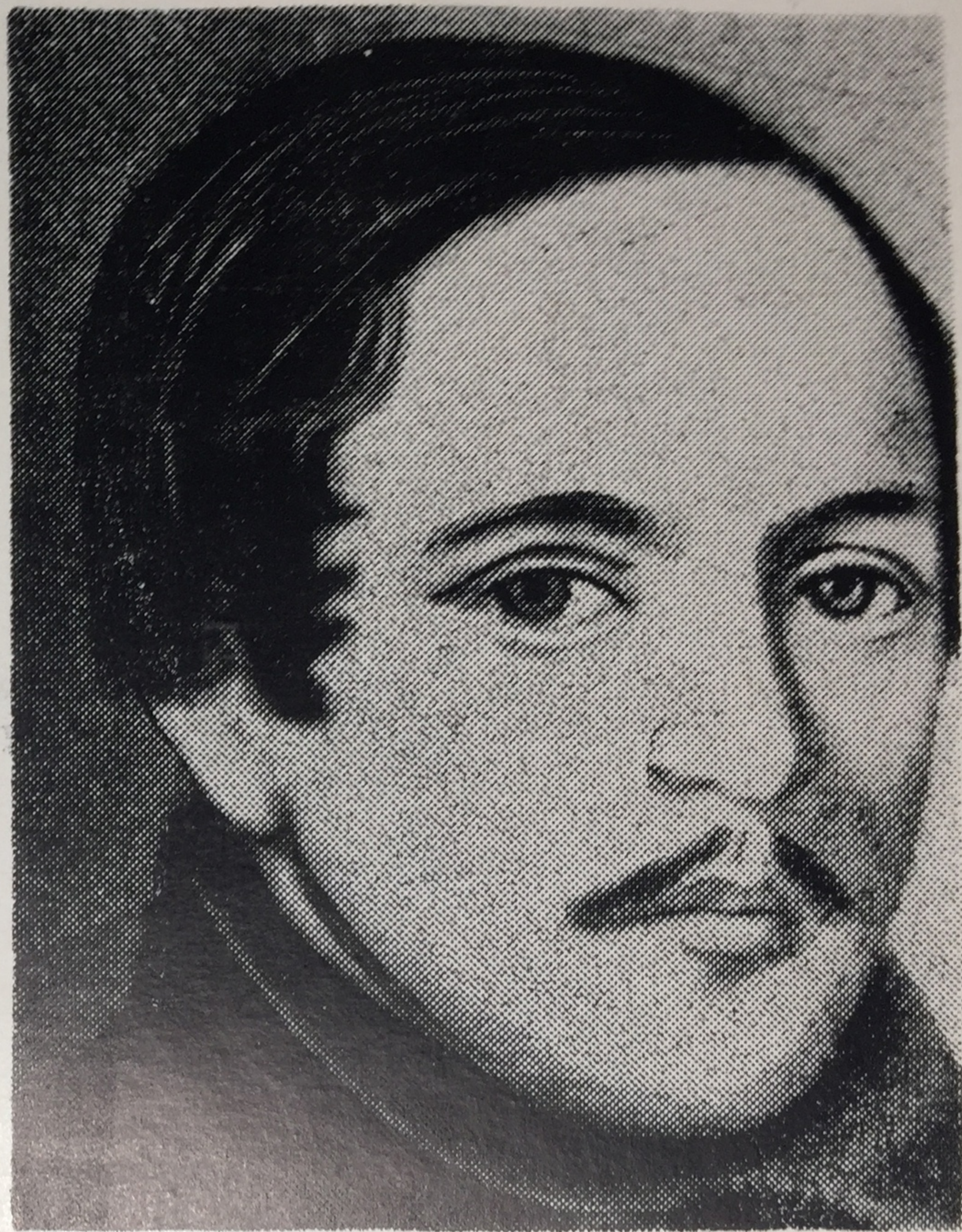

Рис.24-б

Рис. 24-б. Портрет М. Ю. Лермонтова кисти П. Е. Заболотского

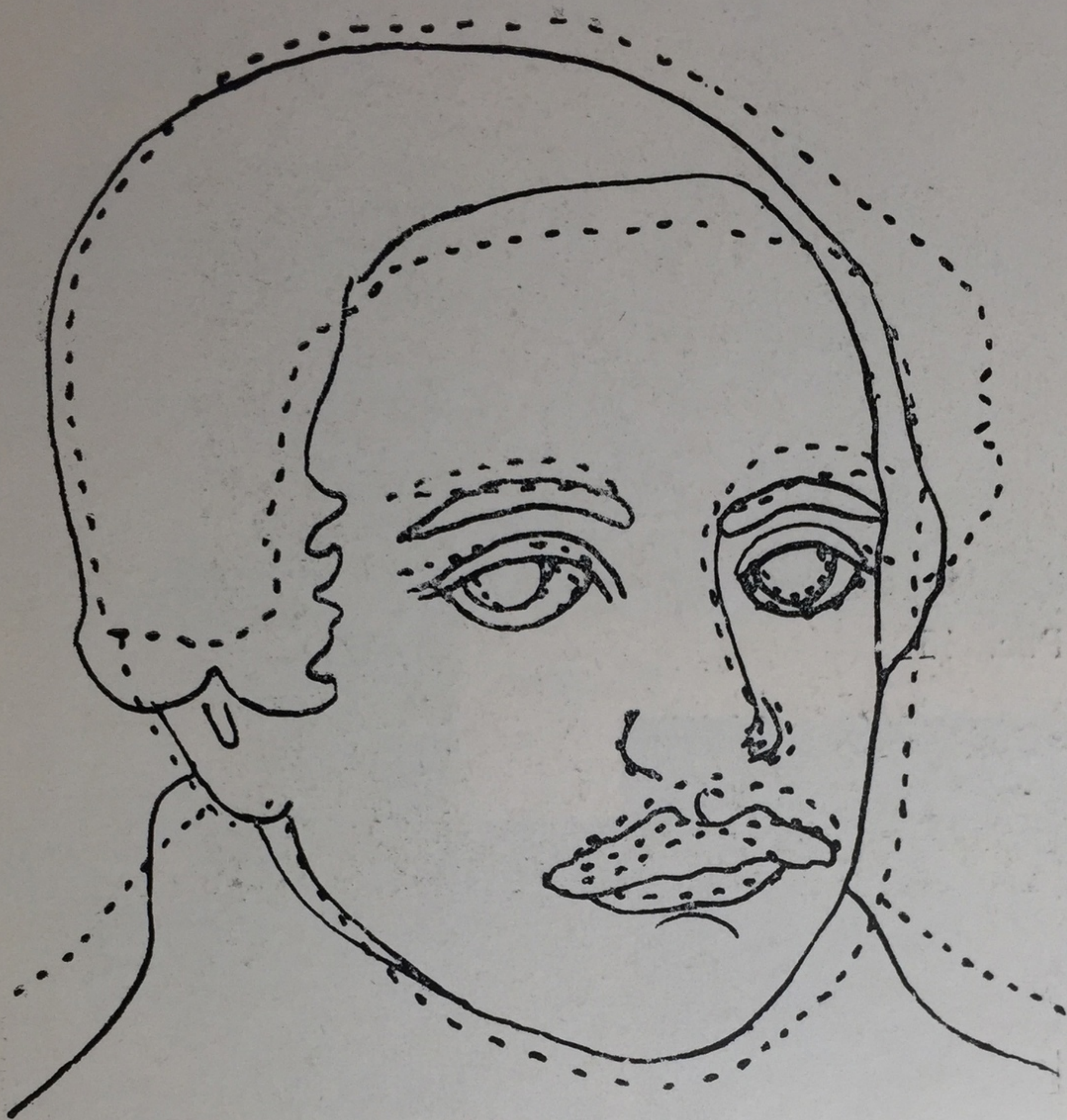

Рис. 24-в

Рис. 24-в. Совмещение обводов, полученных с «вульффертовского» портрета (пунктир) и с портрета М. Ю. Лермонтова кисти П. Е. Заболотского

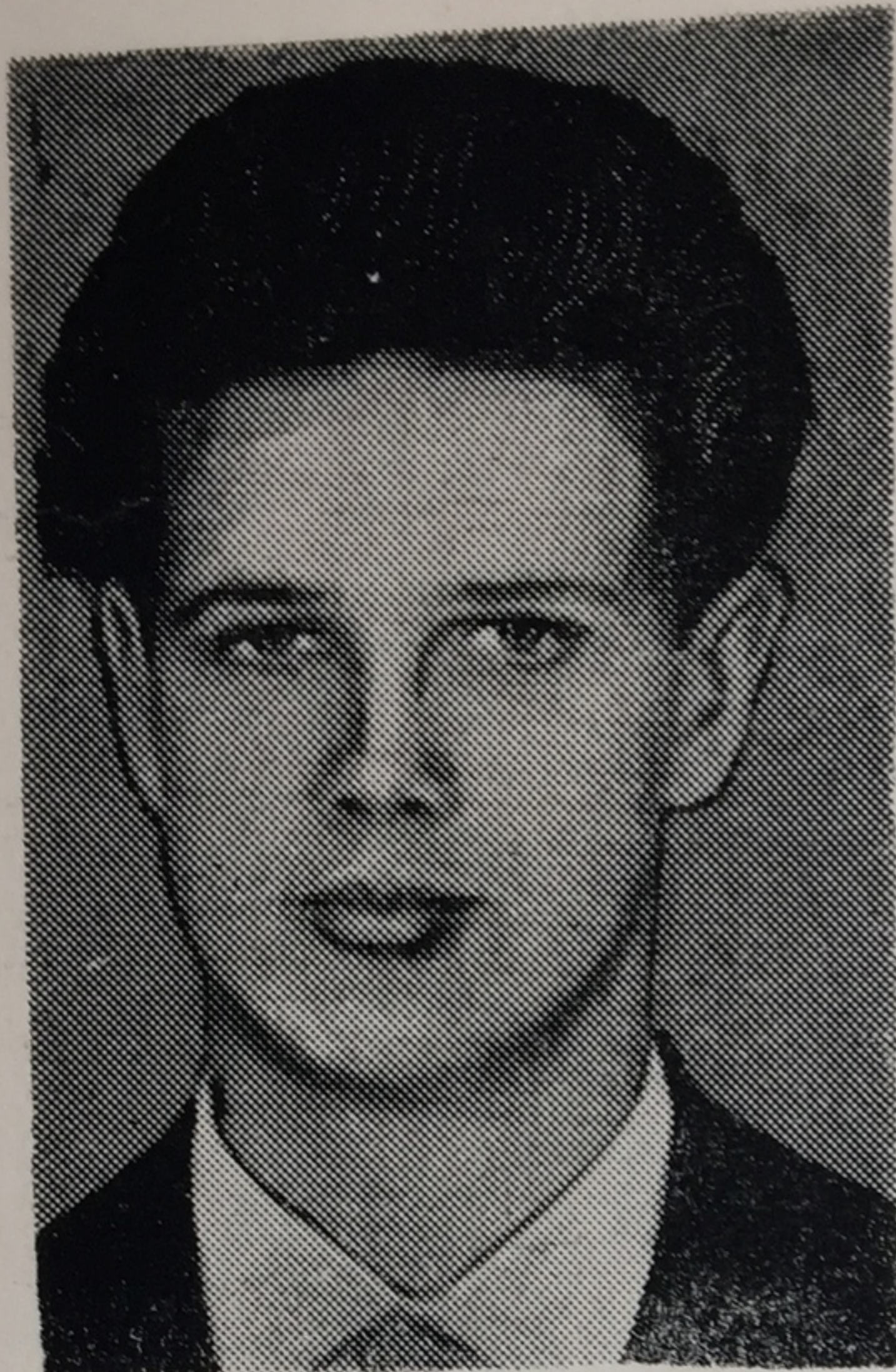

Рис. 15

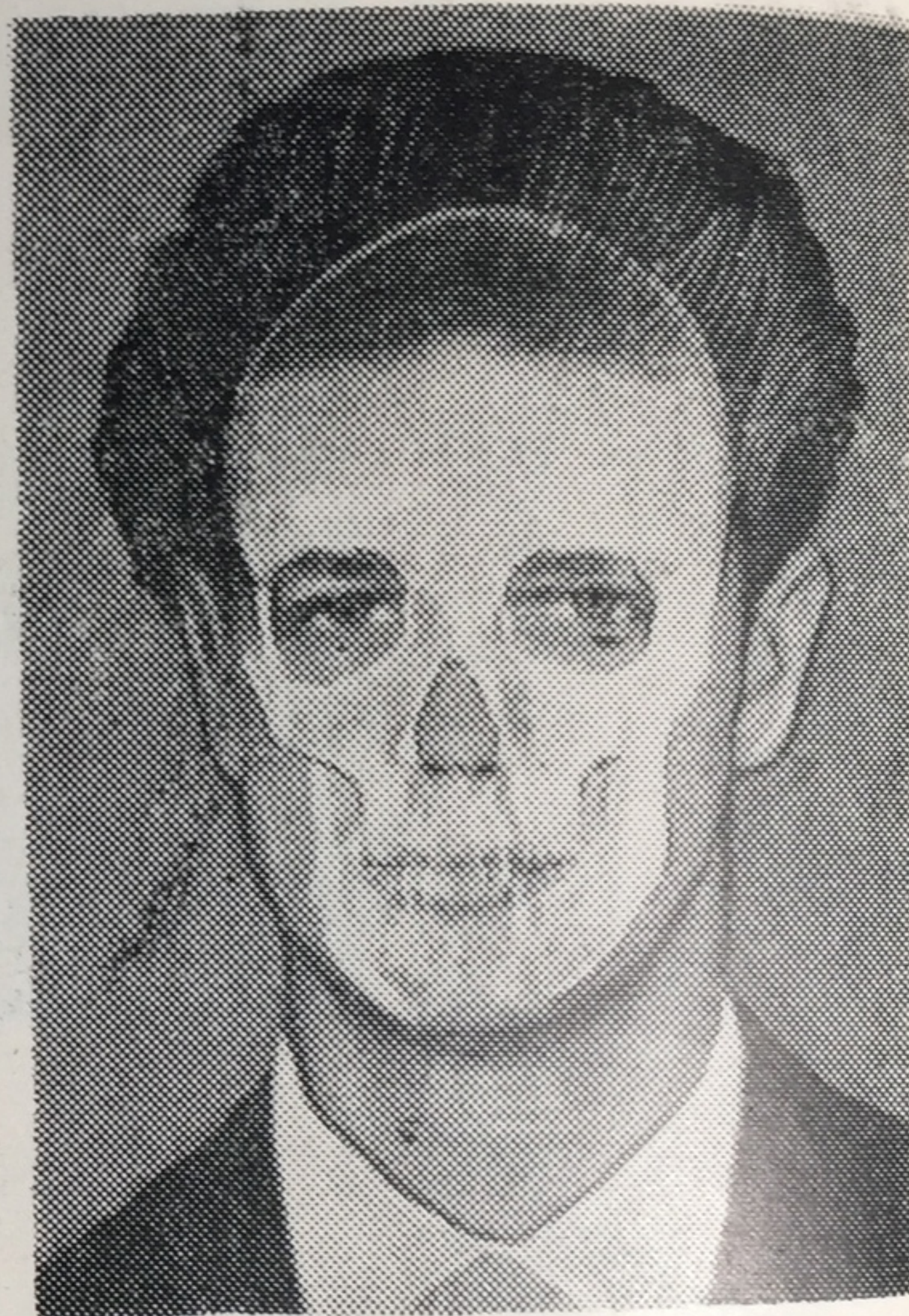

Рис. 17

Рис. 16

Рис. 15. Прижизненная фотография П.

Рис. 16. Череп неизвестного лица

Рис. 17. Фотосовмещение черепа и прижизненной фотографии П.

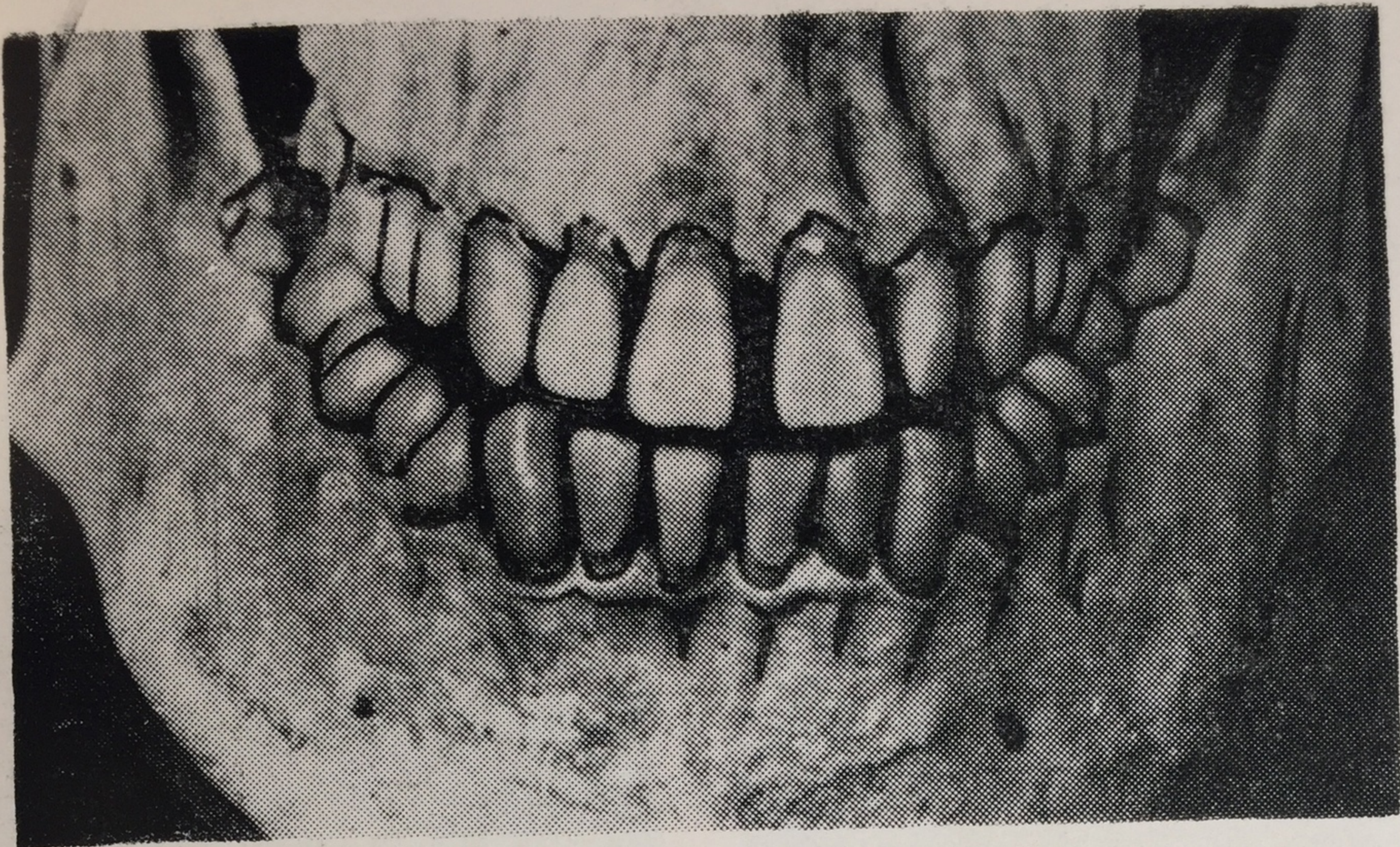

Рис. 28

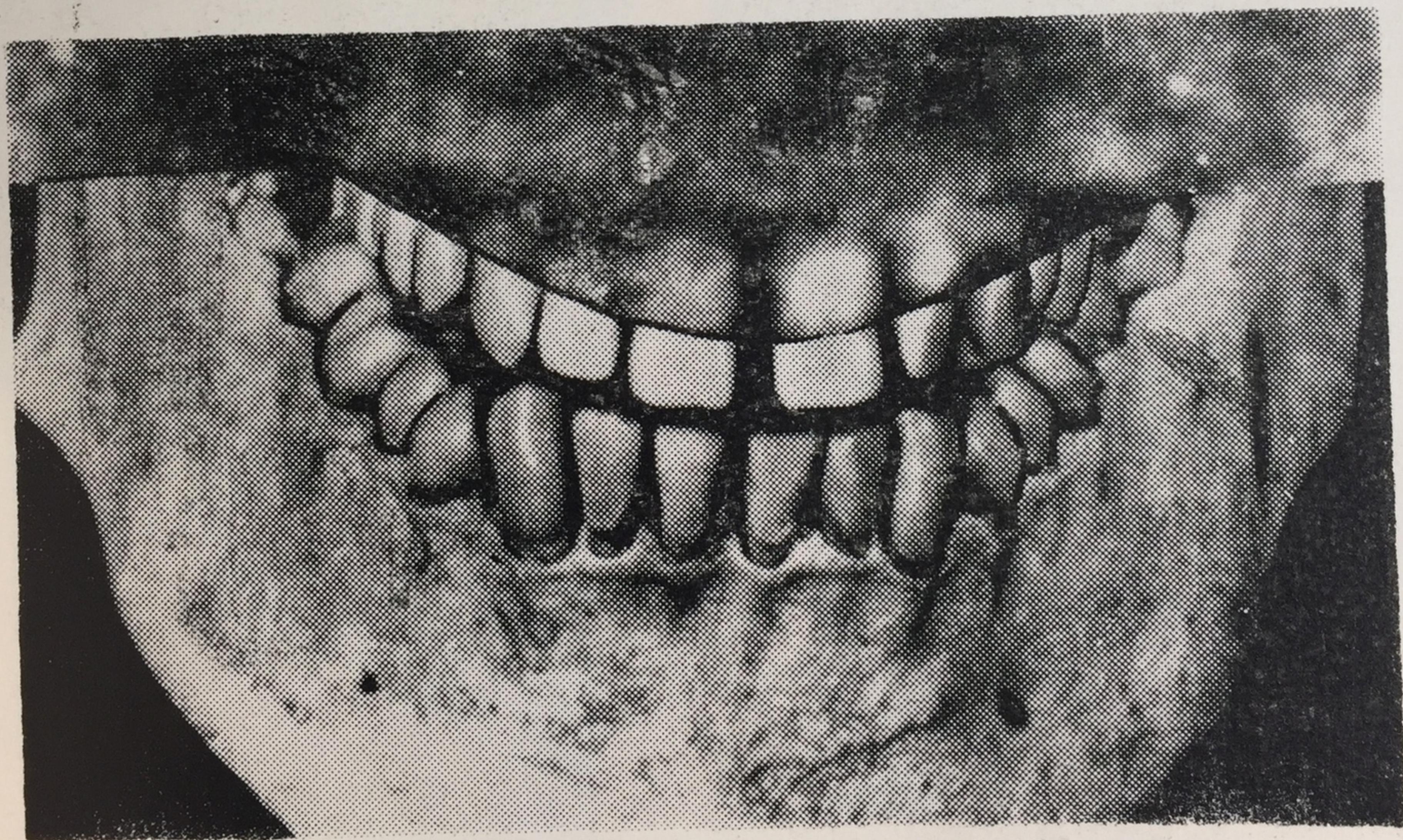

Рис. 29

Рис. 28. Фрагмент фотографии черепа неизвестного лица

Рис. 29. Совмещение по методу скольжения верхнего зубного ряда черепа неизвестного лица и верхнего ряда зубов на прижизненном снимке П.

Рис. 30

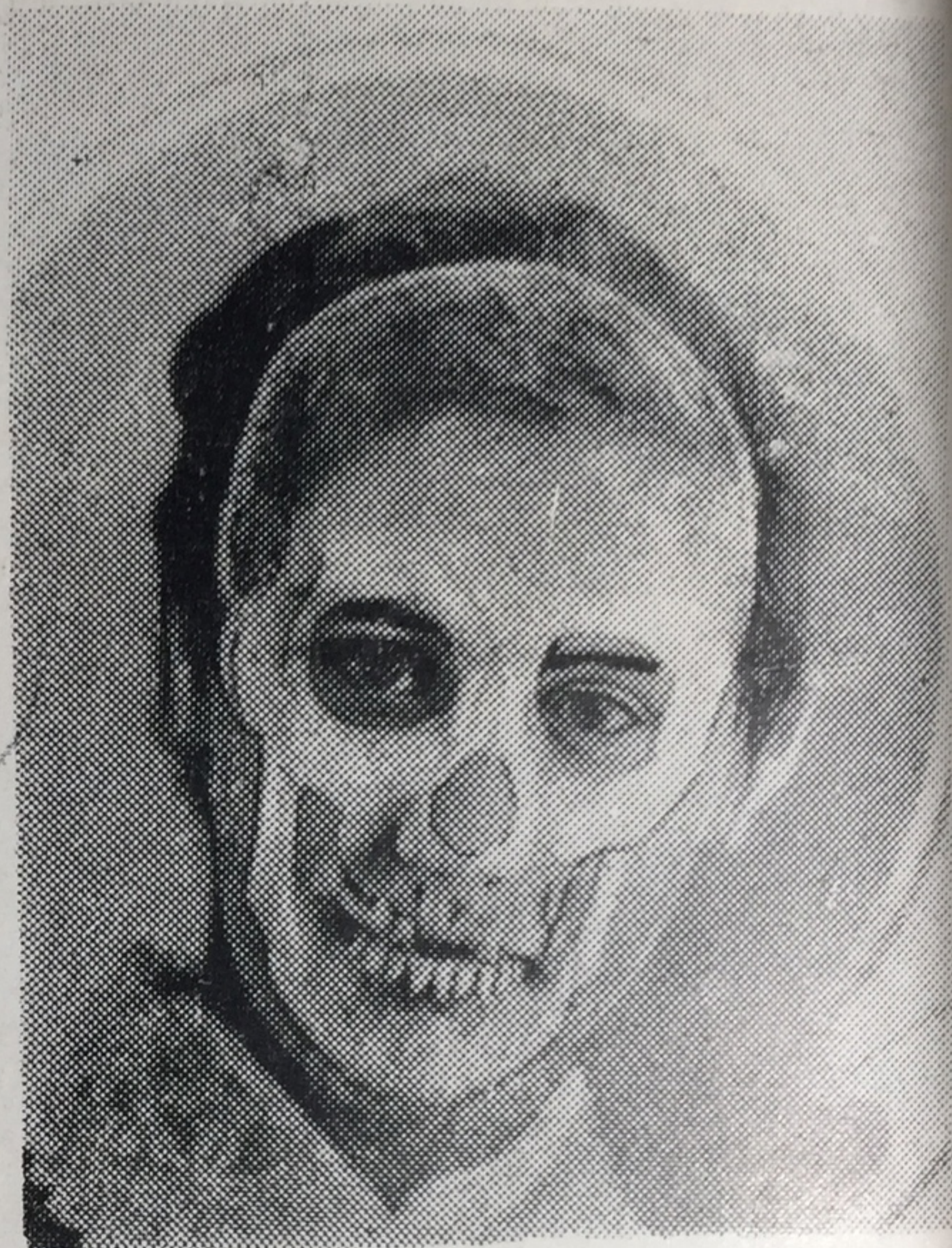

Рис. 32

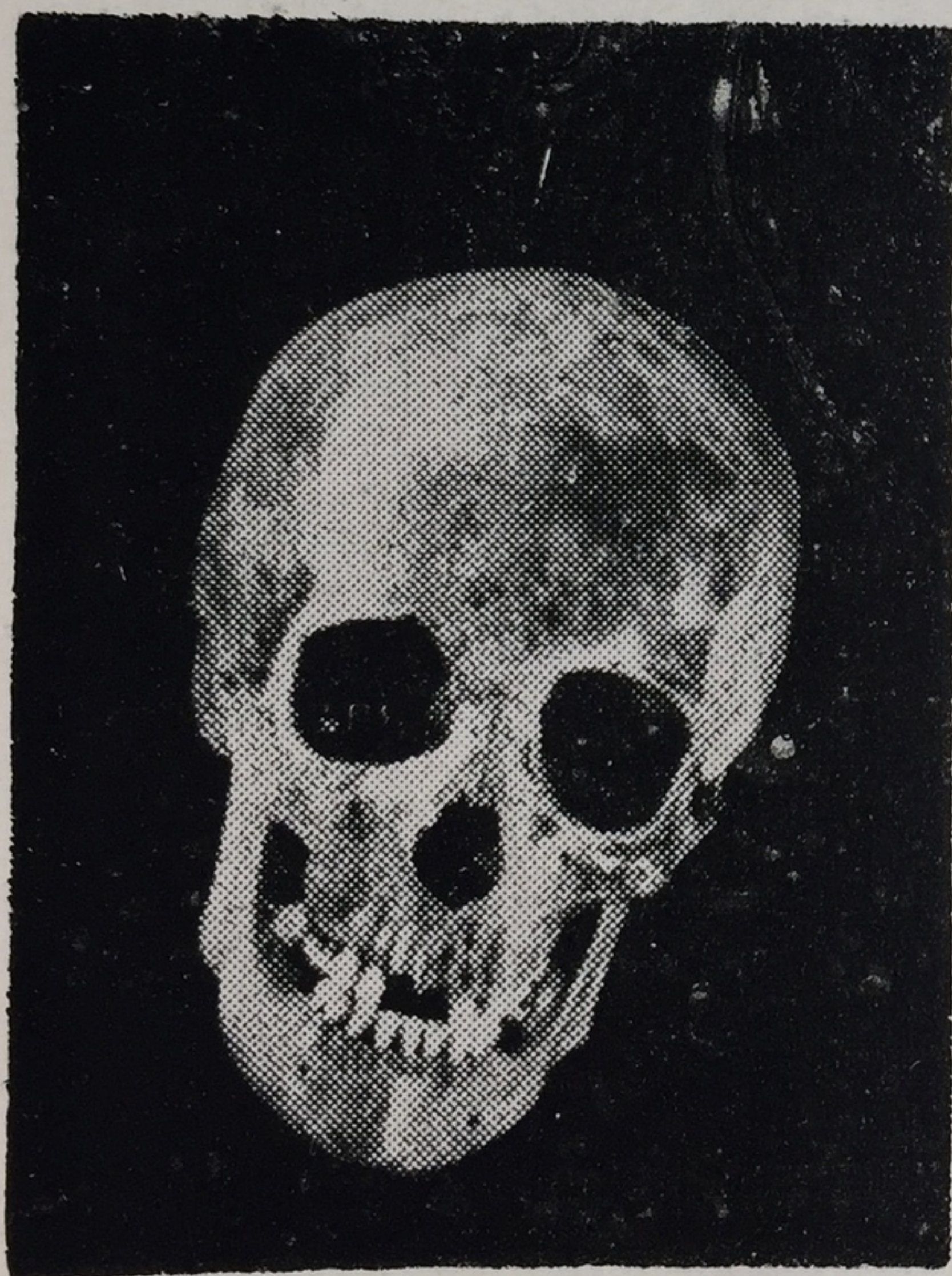

Рис. 31

Рис. 30. Прижизненная фотография Сабировой

Рис. 31. Череп неизвестной женщины

Рис. 32. Фотосовмещение черепа и прижизненной фотографии Сабировой

Рис. 33

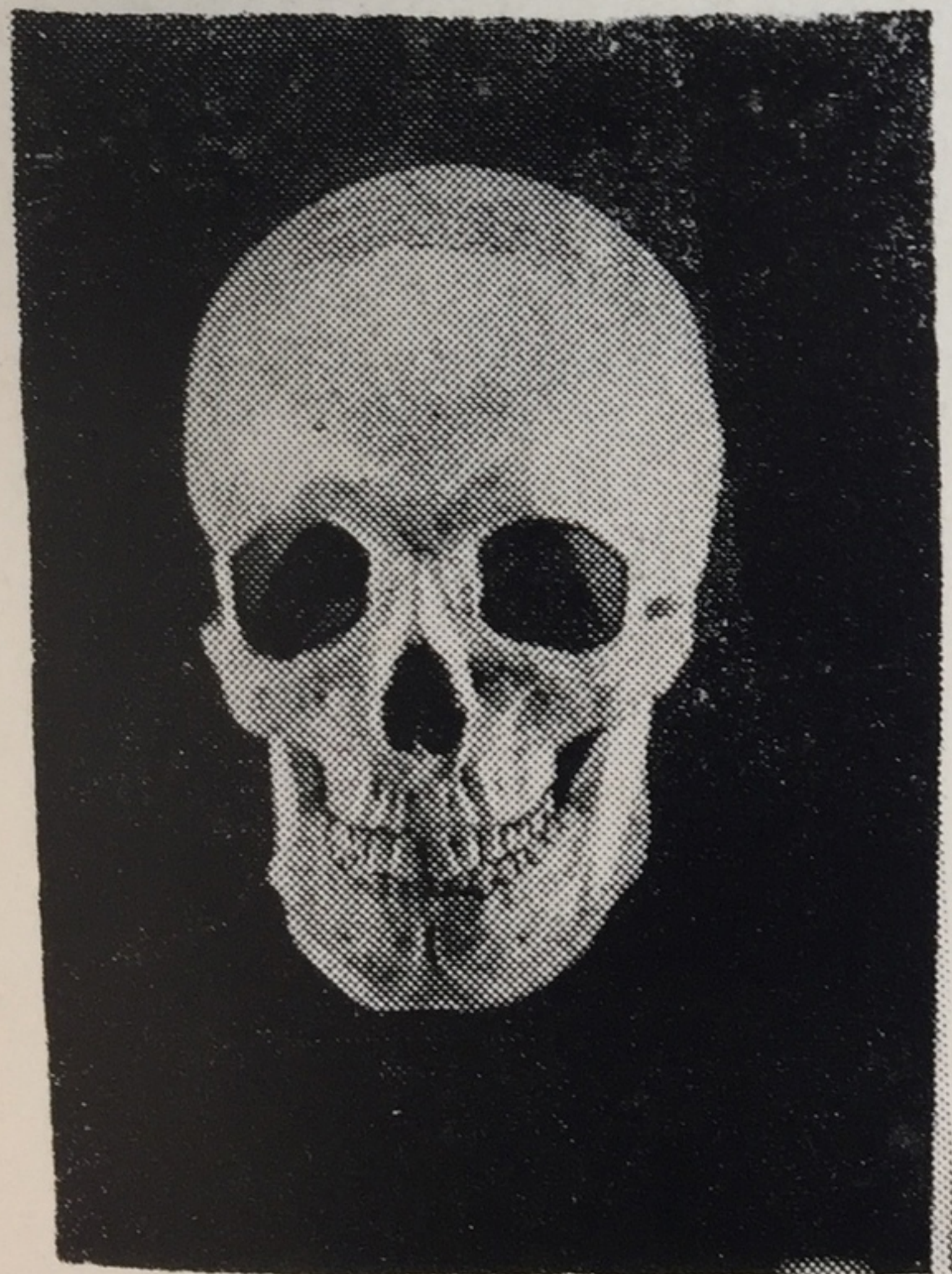

Рис. 34

Рис. 35

- Рис. 33. Прижизненная фотография Сабировой
 Рис. 34. Череп неизвестной женщины
 Рис. 35. Фотосовмещение черепа и прижизненной фотографии Сабировой

Рис. 36

Рис. 38

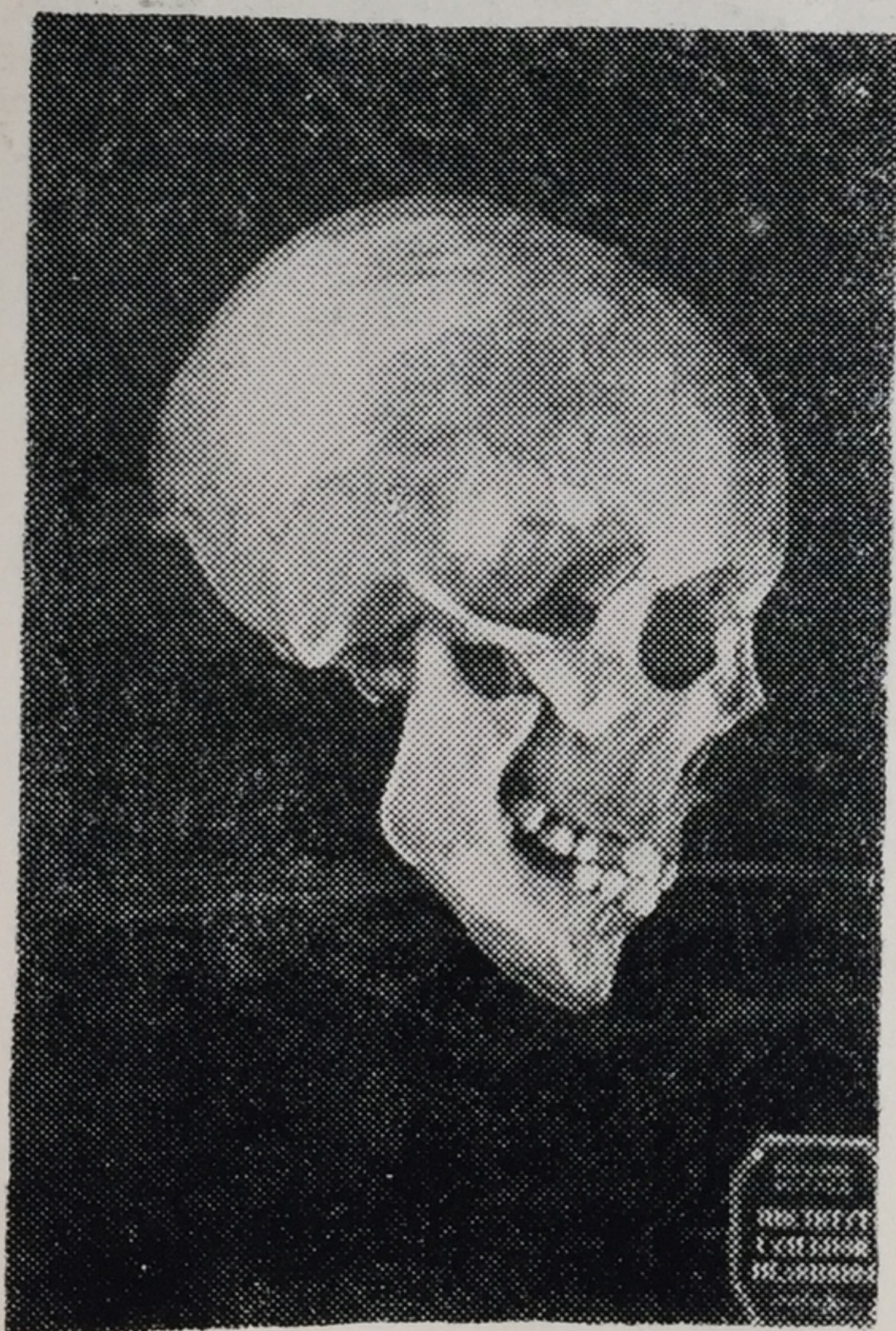

Рис. 37

Рис. 36. Прижизненная фотография Сабировой

Рис. 37. Череп неизвестной женщины

Рис. 38. Фотосовмещение черепа и прижизненной фотографии Сабировой

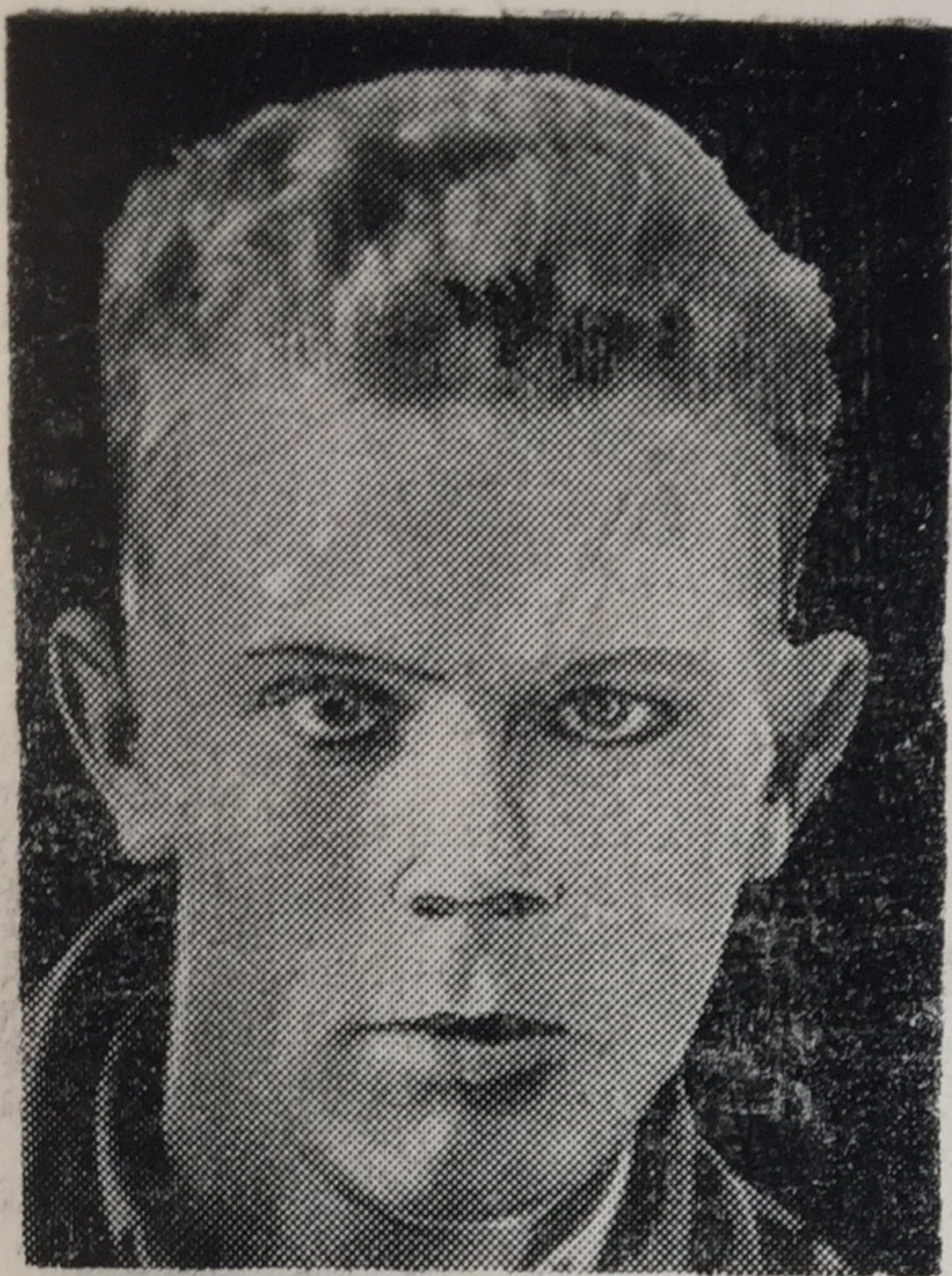

Рис. 39

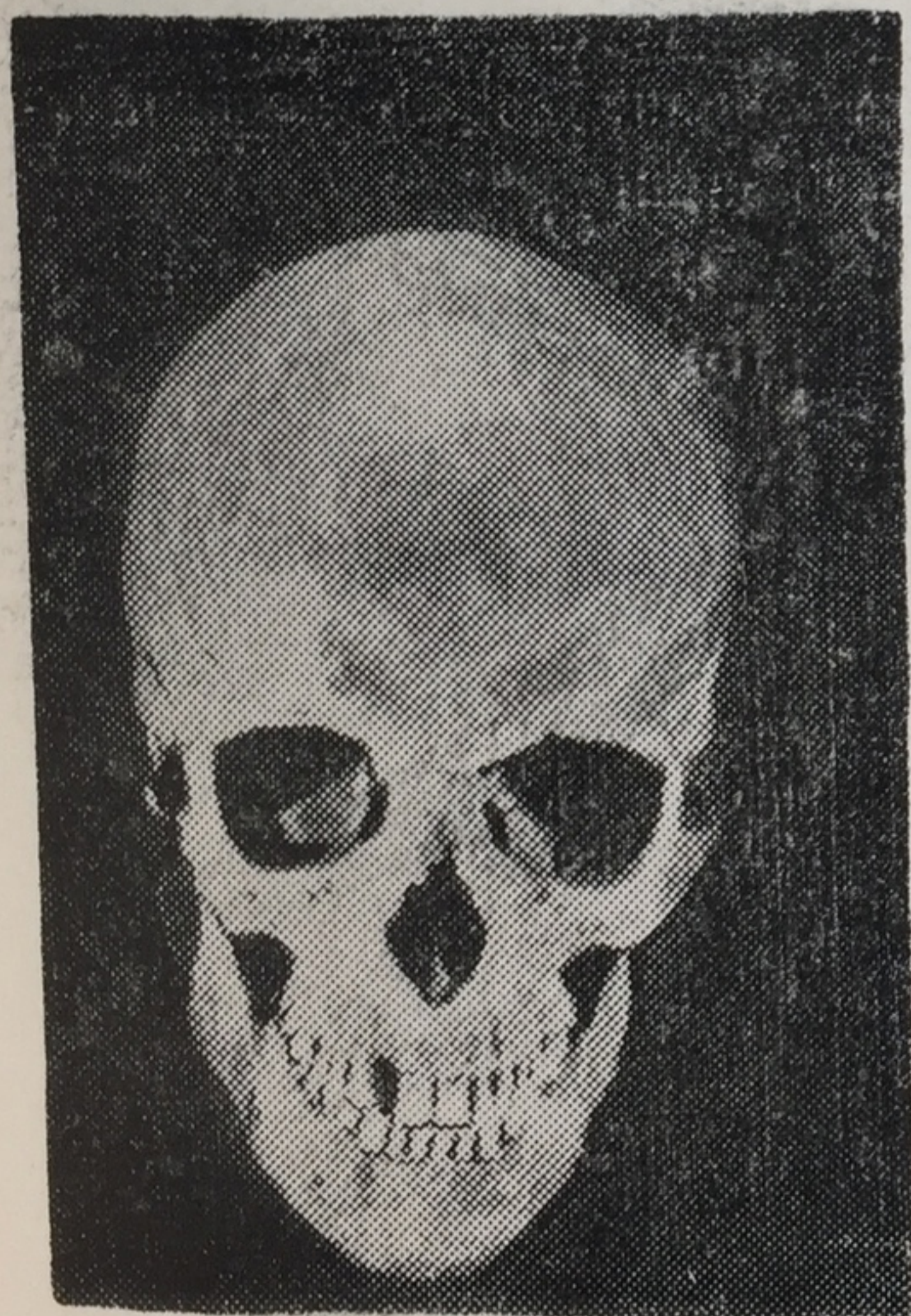

Рис. 40

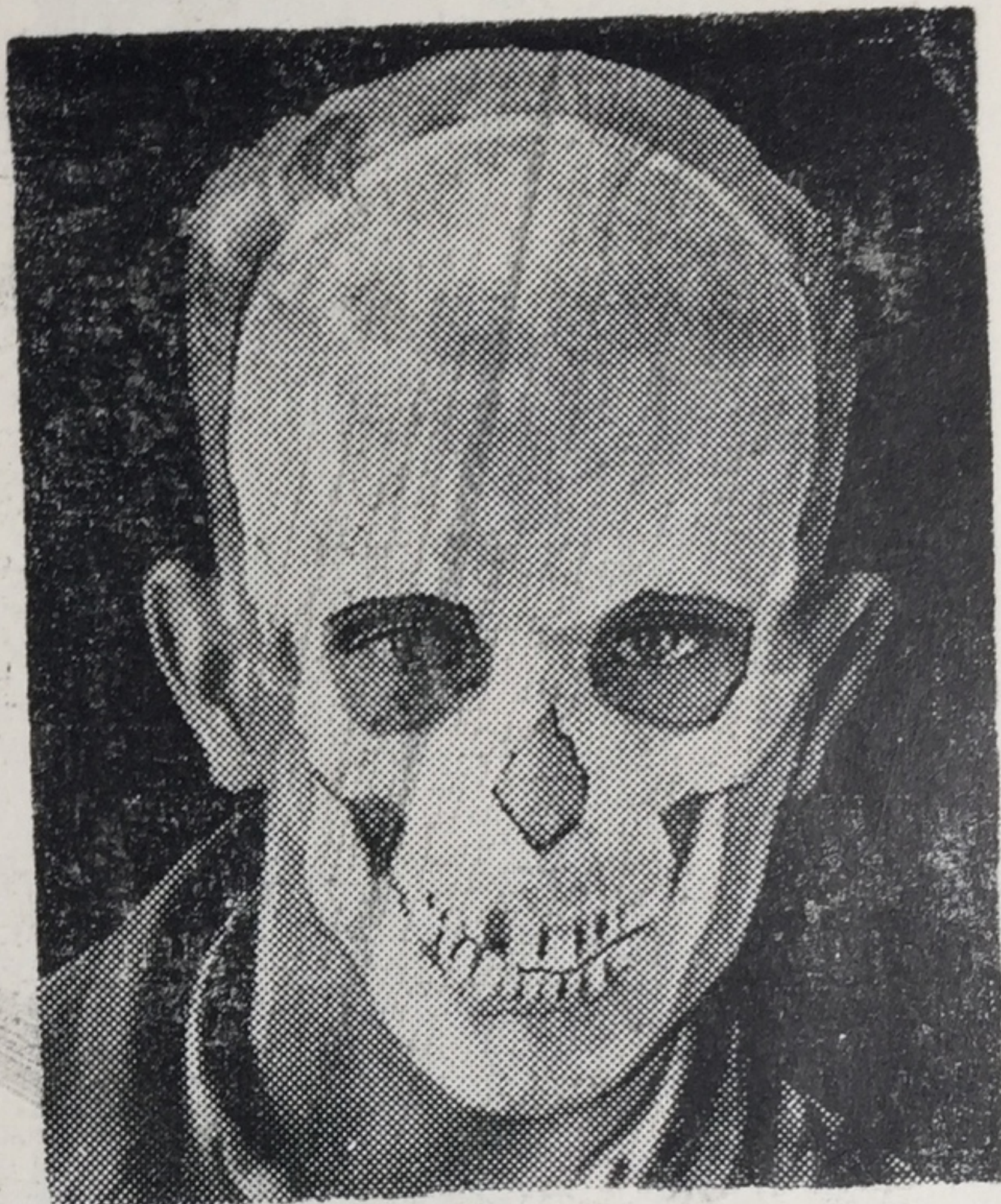

Рис. 41

Рис. 39. Прижизненная фотография Скоропада

Рис. 40. Череп неизвестного лица

Рис. 41. Фотосовмещение черепа и прижизненной фотографии Скоропада

Рис. 42

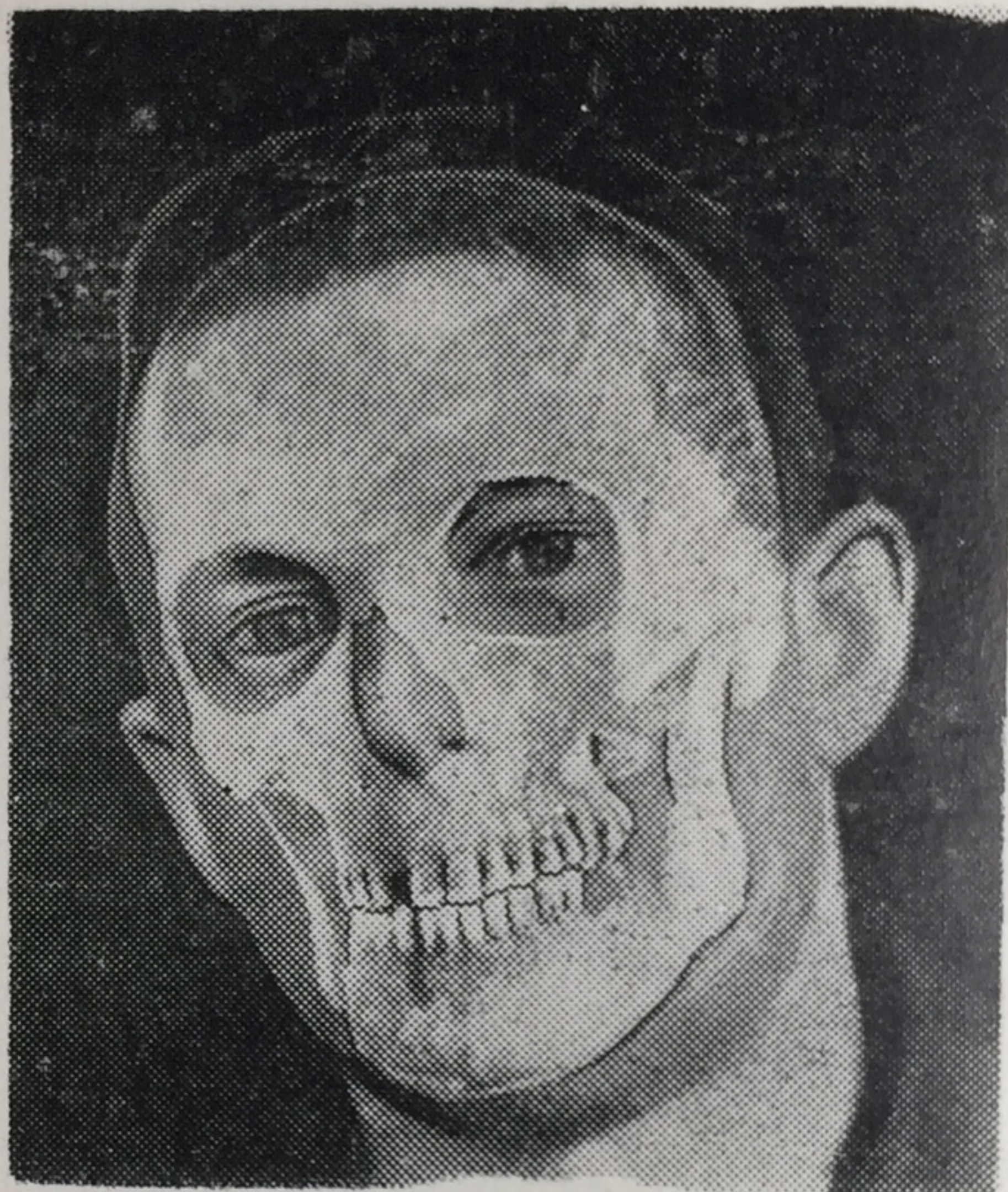

Рис. 44

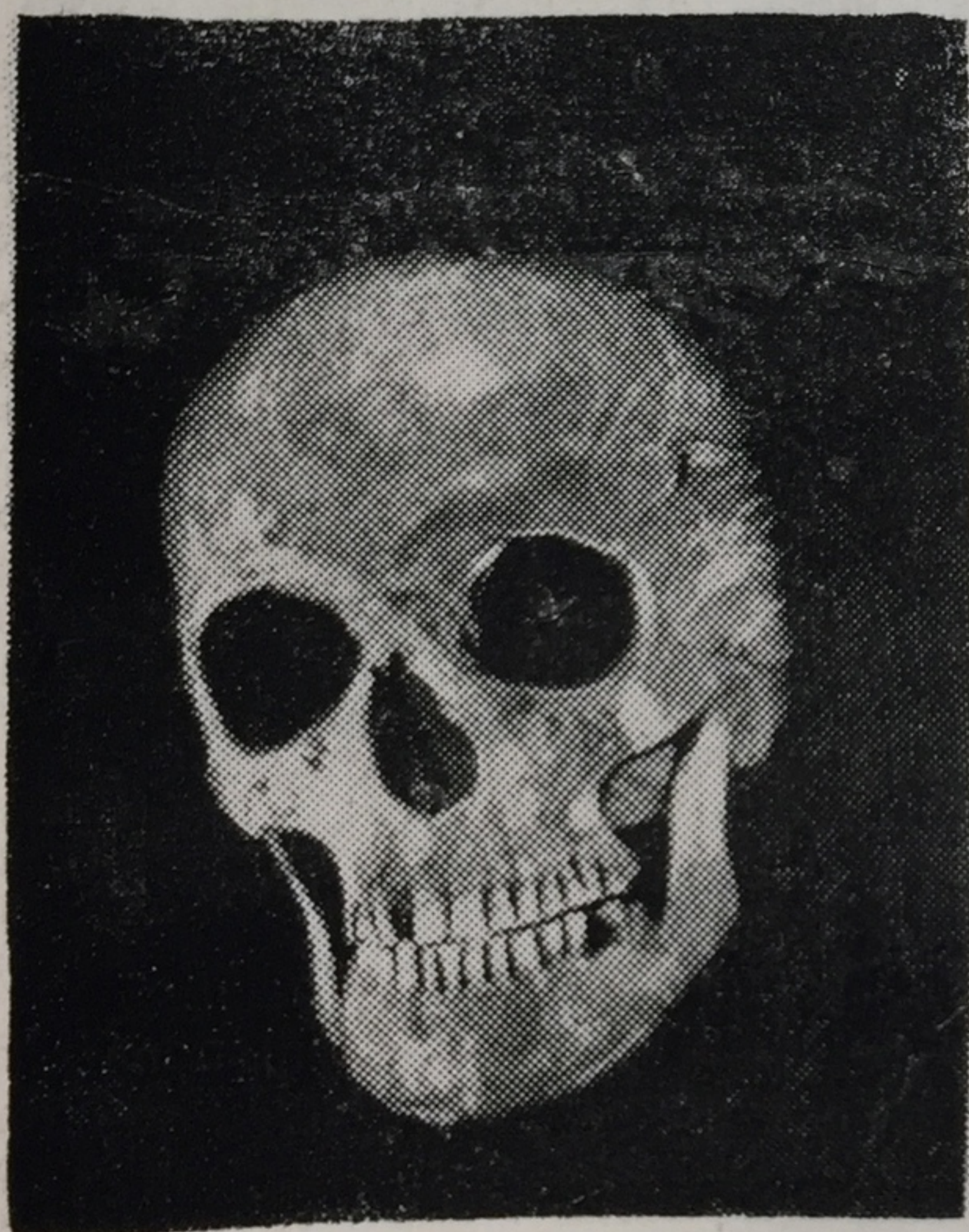

Рис. 43

Рис. 42. Прижизненная фотография Дахова

Рис. 42. Череп неизвестного лица

Рис. 44. Фотосовмещение черепа и прижизненной фотографии Дахова

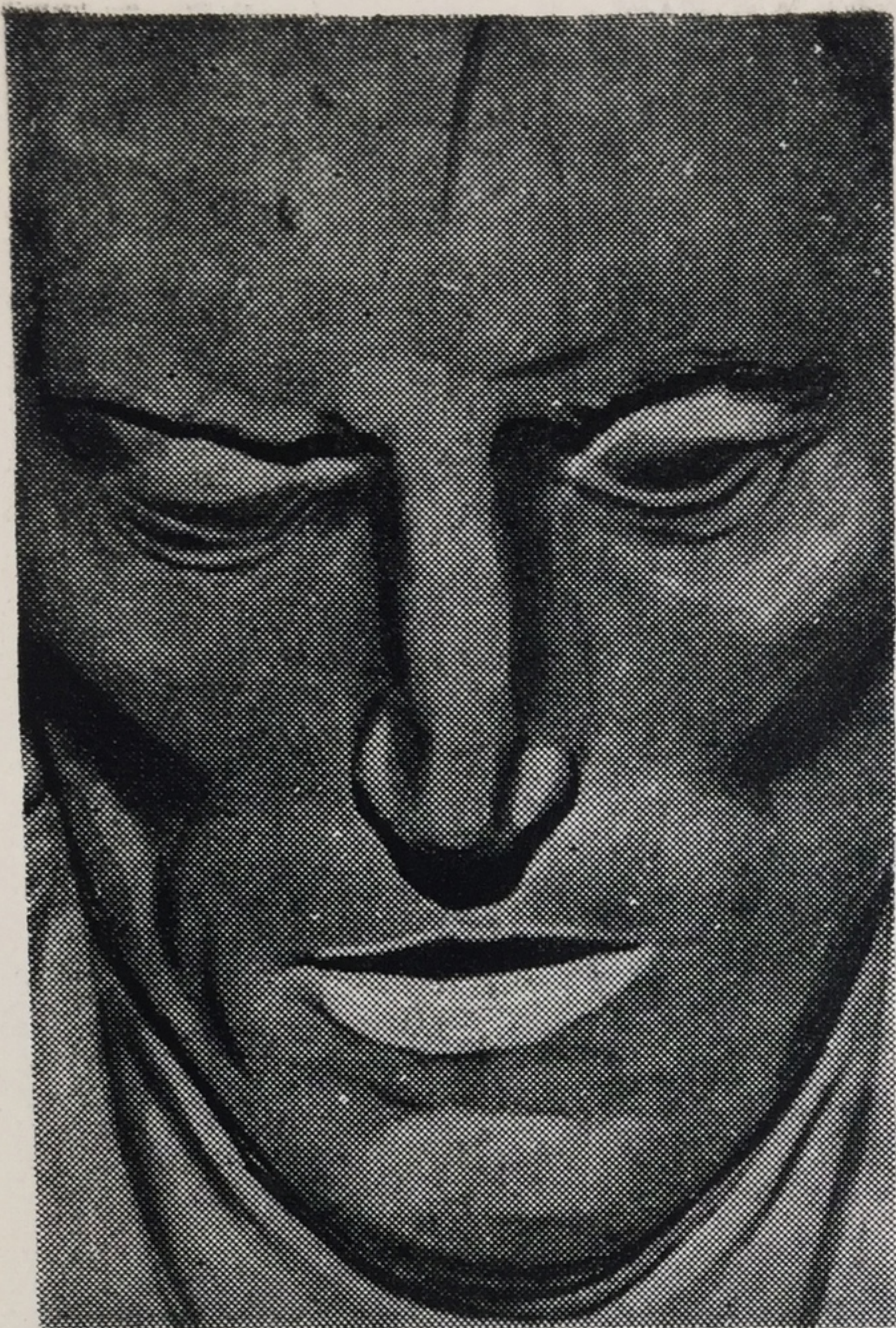

Рис. 41

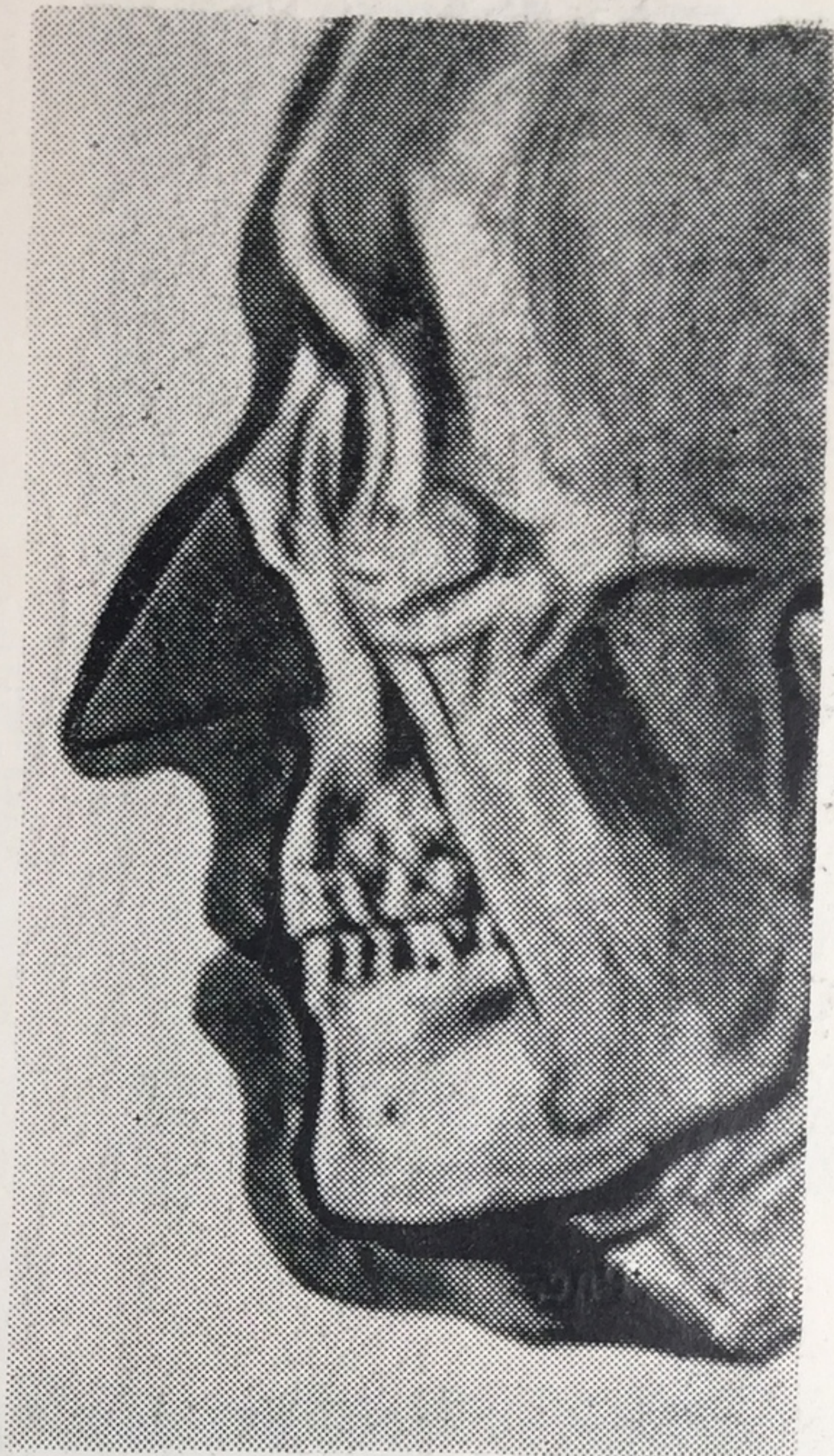

Рис. 42

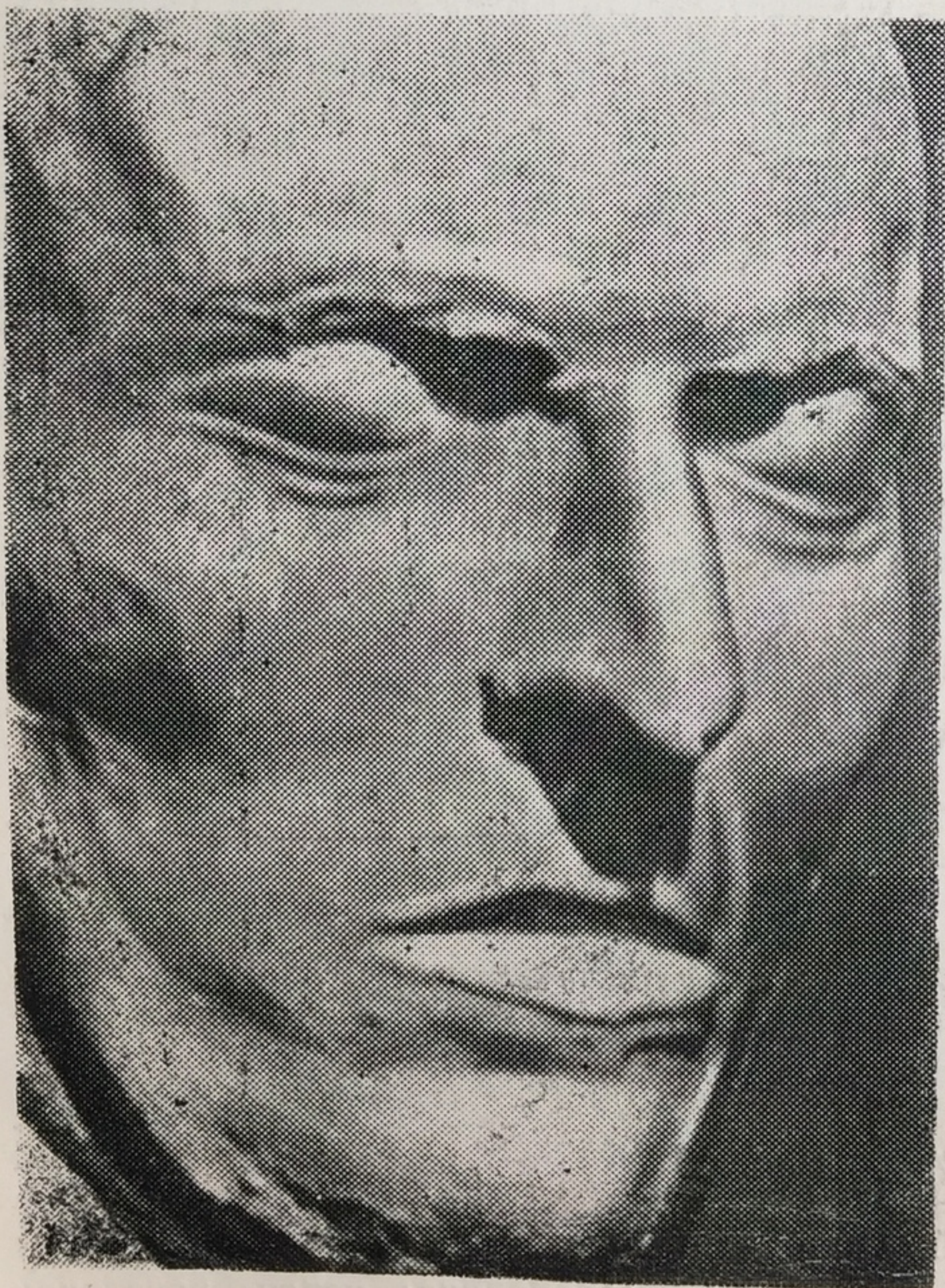

Рис. 43

Рис. 41. Шиллер. Маска, воспроизведенная по черепу, 1962 год

Рис. 42. Шиллер. Процесс реконструкции (Веймар, 1961 год)

Рис. 43. Шиллер. По-
смертная маска, 1805 год

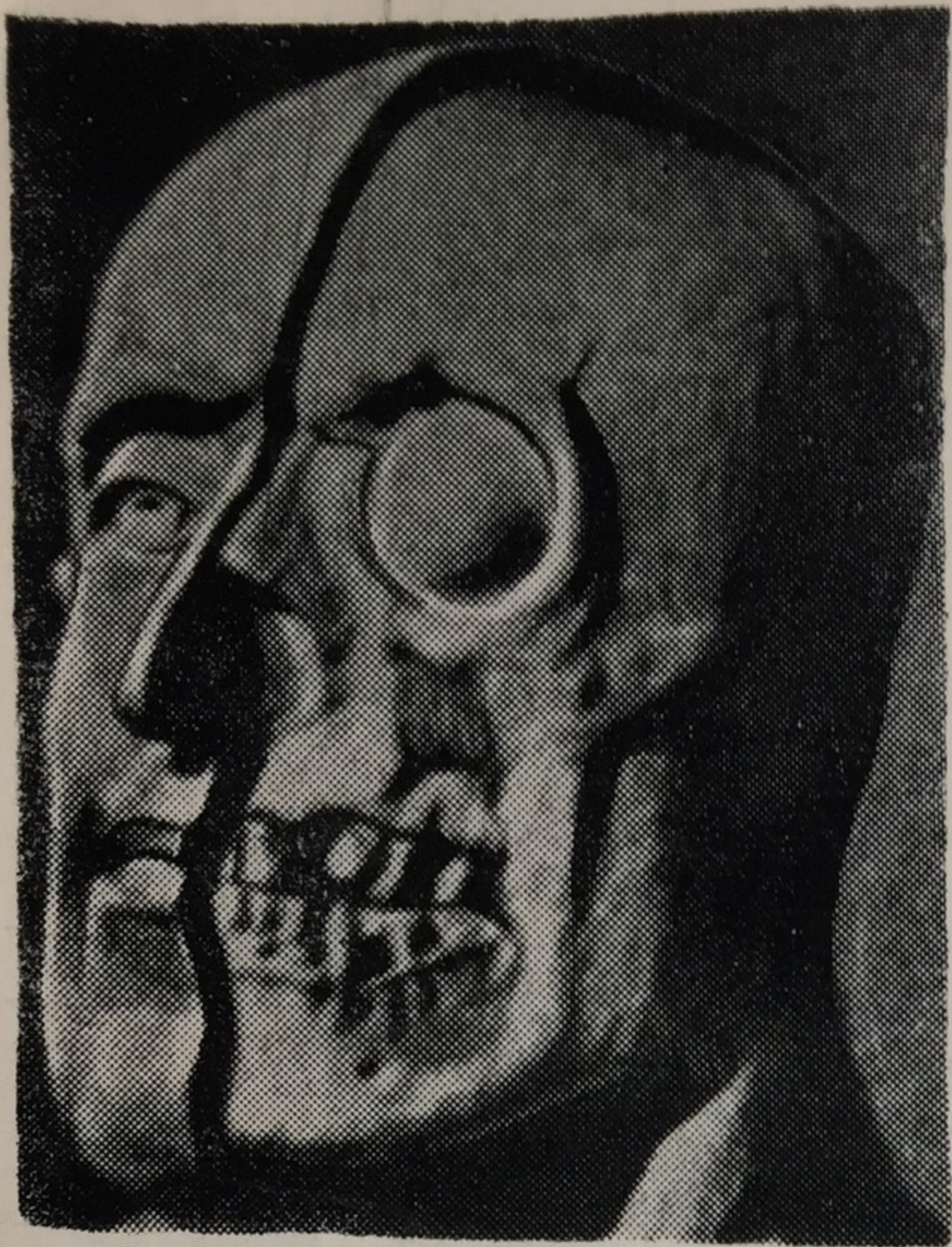

Рис. 41

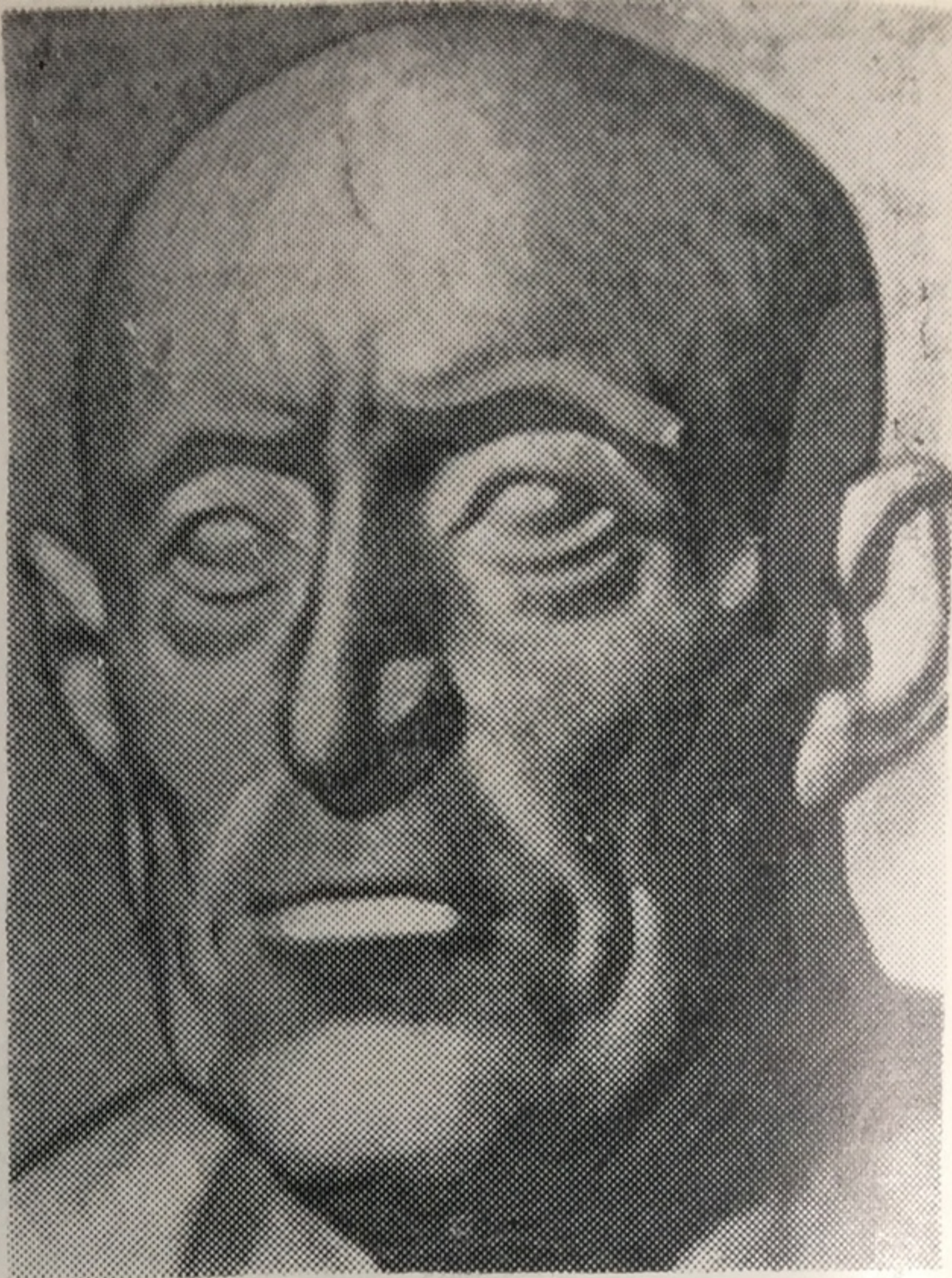

Рис. 42

Рис. 43

Рис. 41—42. Иван Грозный. Процесс-реконструкции
Рис. 43. Восстановление лица Федора Ивановича: череп, восстанов-
ленная голова, окончательный портрет

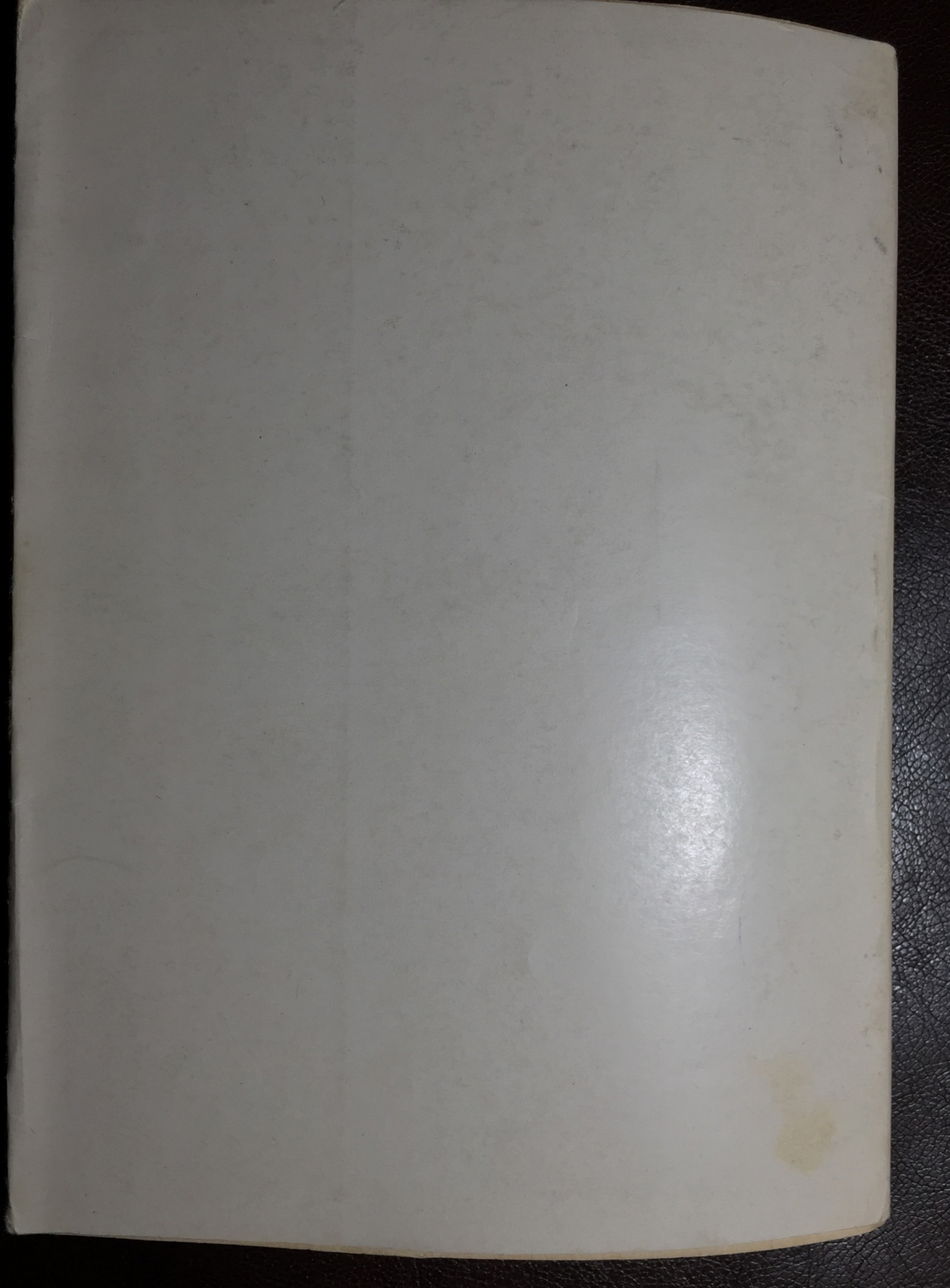

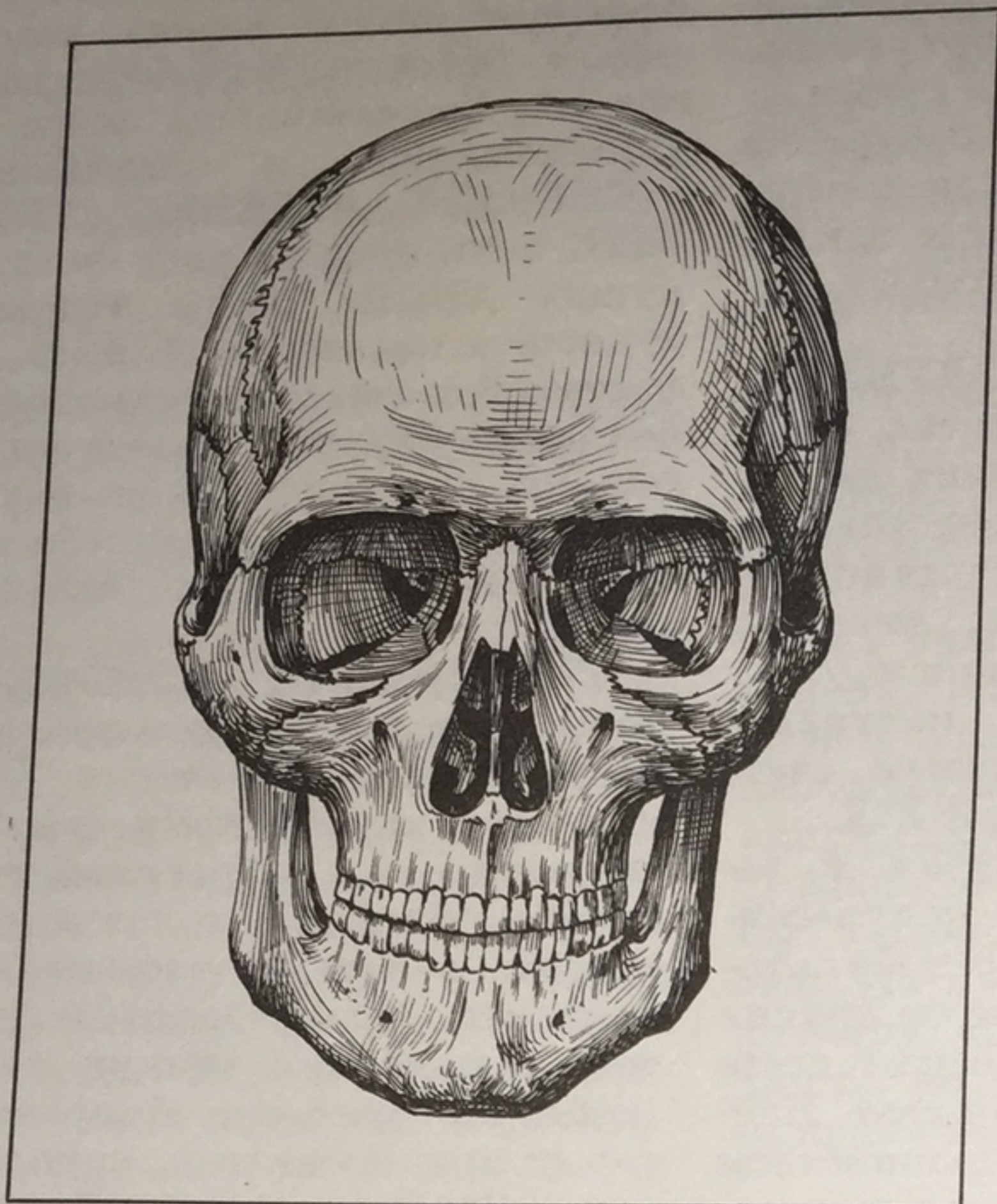

Цена 1 руб.

АНАТОМИЯ ГОЛОВЫ ЧЕЛОВЕКА

Художник должен с первых штрихов метко характеризовать модель, которую он рисует с натуры, по памяти или представлению. Особенности общей формы головы человека в какой-то степени определяют и его психологию, характер. Для того чтобы научиться видеть строение головы, надо иметь определенные анатомические знания. Следует изучить типичные примеры, показывающие разницу и сходство форм.

На рисунке показан неравномерный рост костей черепа. Голова взрослого по сравнению с головой ребенка имеет целый ряд отличий. Характерными особенностями детского черепа являются относительно крупные формы костей собственно черепа и маленькие по сравнению с ними кости лица и хрящевого скелета носа. У ребенка до двух лет кости мозгового черепа — затылочная, теменная, лобная, височная и клиновидная — еще не соединены швами. Между ними располагаются роднички из мягкой соединительной ткани, затем роднички зарастают, превращаются в костные ткани, а кости соединяются швами.

У ребенка лобная пазуха не развита. Выступ лобной кости у детей глубже передней точки лба. У некоторых взрослых она тоже является передней точкой, но располагается выше, примерно на уровне лобных бугров (см. схему). У ребенка точка Л располагается посередине высоты головы, у взрос-

лого размер Л — Тв (верхняя точка теменной кости) относится к размеру Л — П чаще всего как три к четырем, а у ребенка — как два к двум. Выбранная нами единица измерения примерно соответствует 3,3 см.

Средняя высота головы взрослого — 23 см, головы ребенка — 12 см (при общем росте 52 см). Обычно в высоту голова увеличивается в два раза (у разных людей несколько по-разному). Кости верхней части черепа вырастают в полтора раза и более, а кости нижней части головы, лицевые, вырастают более чем в два раза. Соотношение размеров высоты головы и ее глубины можно характеризовать как 4 к 4,5 у ребенка и 7 к 6 — у взрослого. Таким образом, мы видим, что у ребенка голова круглее, а у взрослого удлинена. Сильнее всего вырастает нижняя челюсть, у каждого человека ее форма индивидуальна. Отличие форм зависит от разных причин, например, от физического развития, наследственности, профессии человека.

Разницу между общей формой головы и лица определяют собственно череп, кости лица и хрящевой скелет носа. Для точного построения в начальной стадии рисунка сравнивают между собой основные формы черепа по высоте, ширине и глубине.

Можно определить четыре характерных типа черепа: 1) лобный, когда сильно развита лобная кость; 2) затылочный, когда развита затылочная кость и задние отделы черепа; 3) высокий, когда теменная кость вытянута вверх; 4) низкий, когда более развиты нижние отделы основания черепа. Первые три типа встречаются чаще.

Все детали черепа надо связывать с наружной формой головы человека и пронаблюдать их в жизни, найти мысленно внутри живой формы. Они необходимы для первоначального построения рисунка и для наблюдения за характером пропорций и разнообразием формы головы у разных людей.

Не забудьте — с самого начала следует установить в рисунке пропорции, индивидуальный характер, пространственную и конструктивно-анатомическую взаимосвязь между линией профиля и основной горизонтальной плоскостью головы, определяющих также и наклон, и ракурс, и положение уха, и местонахождение в рисунке глаз, носа, рта, других форм.

Интересно при помощи вспомогательной вертикальной линии, проведенной через самую глубокую точку носа (на схеме — Нв), пронаблюдать за разнообразием линии профиля у разных людей. У одних лоб уходит назад, у других — выдается вперед. У одних нижняя челюсть выдается вперед, у других — отступает назад. Линия профиля имеет чрезвычайно важное значение для портретного сходства, но ее необходимо связать с костной конструктивной основой головы. Каждый человек имеет свой неповторимый характер строения черепа. Только поняв пластическое своеобразие его форм, возможно жизненно правдиво изобразить голову человека. Для этого, дорогие ребята, надо постоянно помнить о важности изучения пластической анатомии.

Б. ГОРБУНОВ,
преподаватель Московской средней
художественной школы при институте
имени В. И. Сурикова

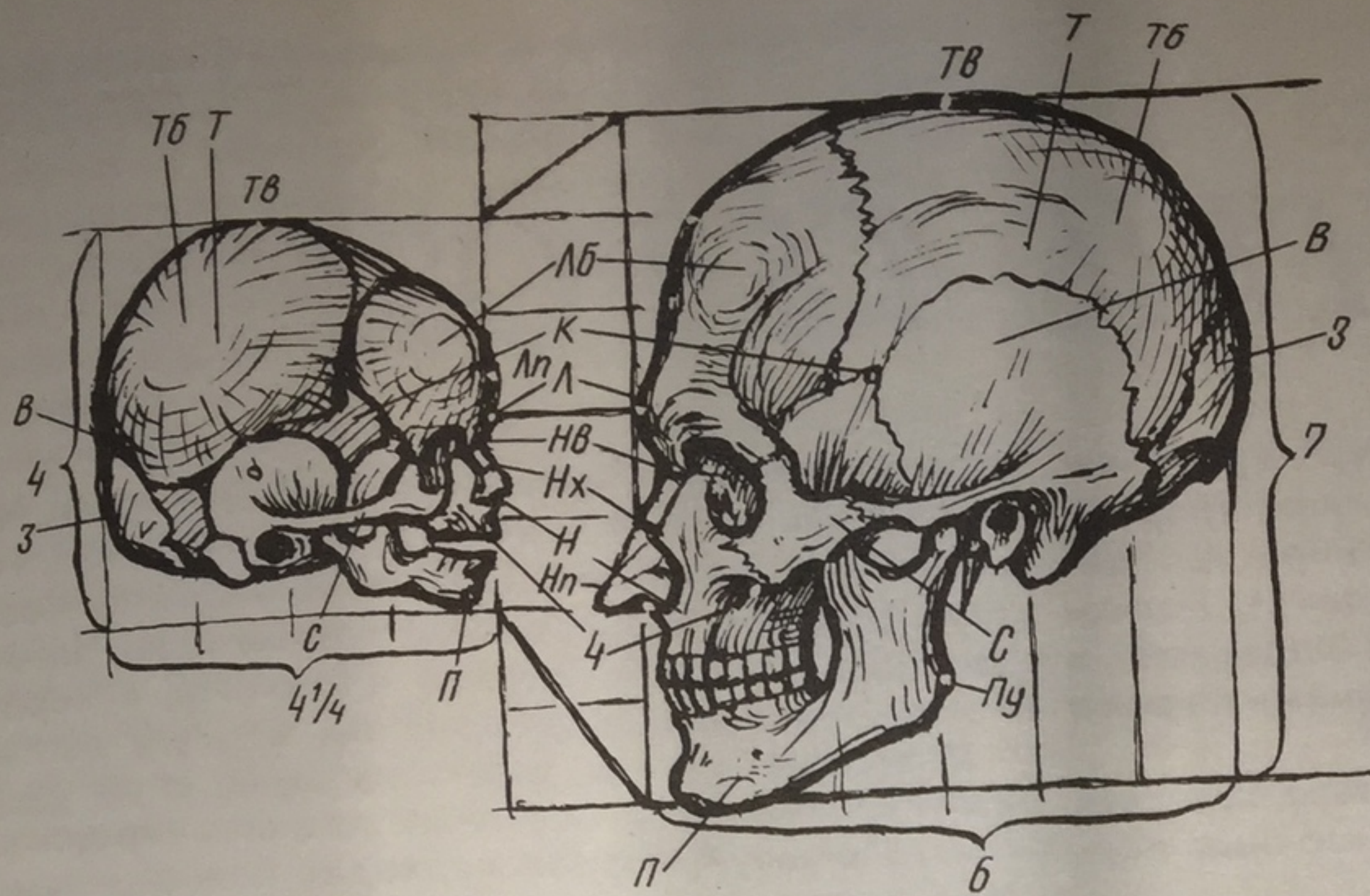

Рис. 1. Череп ребенка и взрослого. Условные обозначения: Л — лобная кость, Т — теменная кость, В — височная кость, З — затылочная кость, К — клиновидная кость, С — скуловая кость, Ч — верхняя челюсть, П — нижняя челюсть и форма подбородка, О — глазница (орбита), Н — форма носа (носовые кости и хрящевой скелет носа), Лп — передняя точка лба, Тв — верхняя точка головы.

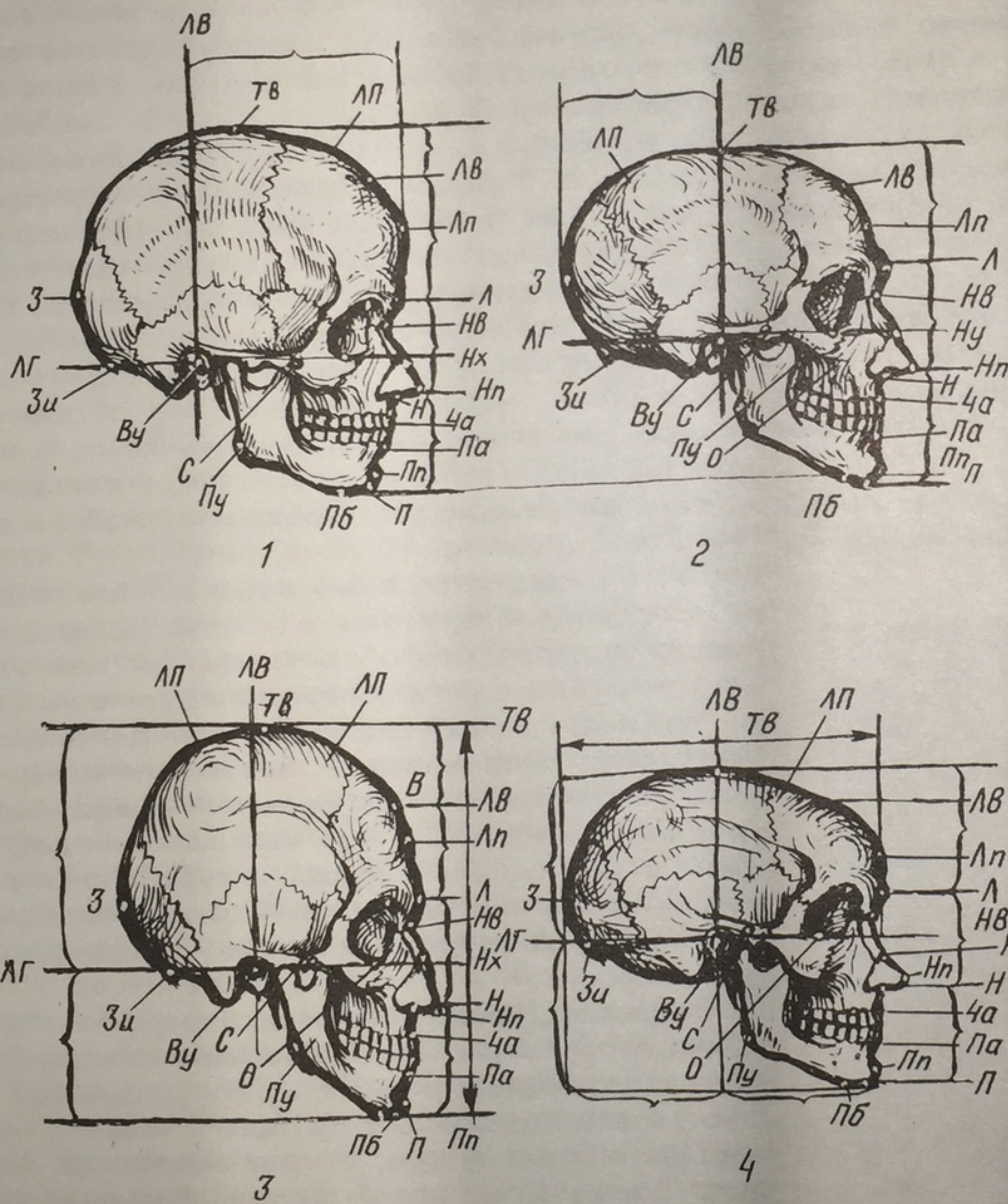
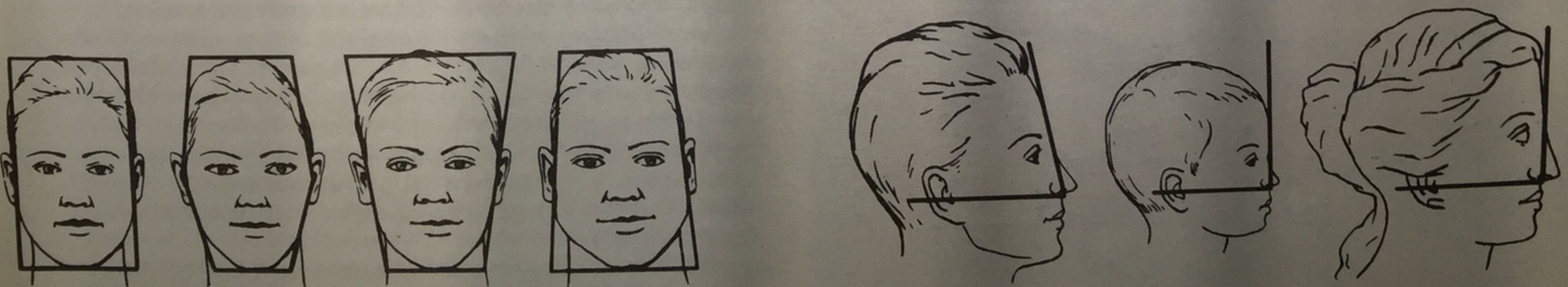

Рис. 2. Лобный, затылочный, высокий и низкий типы черепа. Условные обозначения:

Кости обозначаются так же, как на рисунке 1. Линии: ЛГ — линия основной горизонтальной плоскости, проходящая через верхние точки наружного слухового прохода Ву и ниже точки глазниц — О. ЛП — линия профиля, проходит через точки П, Н, Л. ЛВ — вертикальная плоскость, Лв — линия волос. Другие точки: Пб — подбородочный бугорок нижней челюсти; точки Пб слева и справа от точки П устанавливают ширину подбородка и ширину основания головы, различную у разных людей. Пу — угол нижней челюсти. Расстояние между точками Пу устанавливает ширину нижней челюсти, различную у разных людей. Нв — корень носа, точка назион.

Рис. 3. Четыре различные формы головы при рассмотрении ее спереди. Схема.

Рис. 4. Общий угол лицевого профиля. Слева менее 90 градусов, посередине — равен 90 градусам, а справа — более 90 градусов.

Современная гуманитарная академия

Н.С. Лобас

бывший врач сахалинских каторжных тюрем

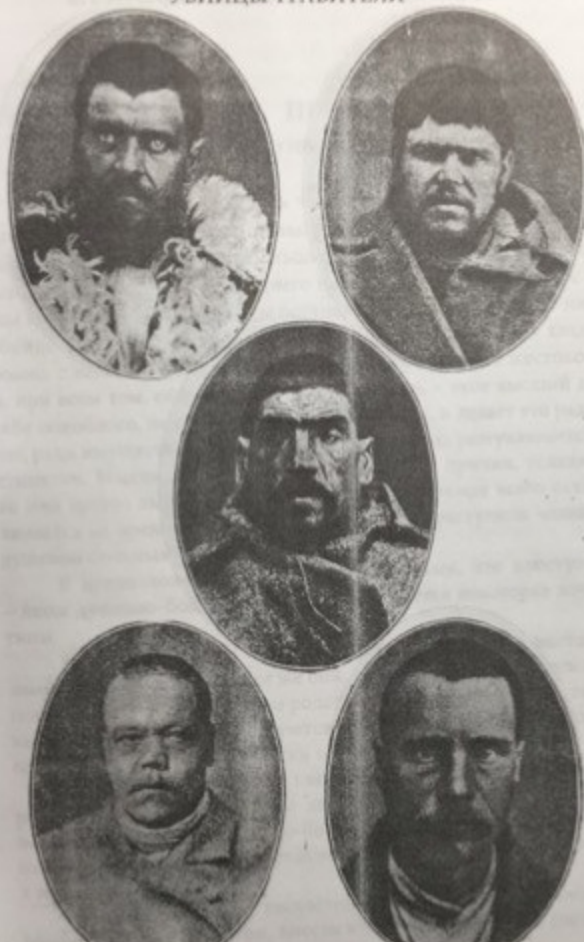
УБИЙЦЫ

(Некоторые черты психофизики преступников)

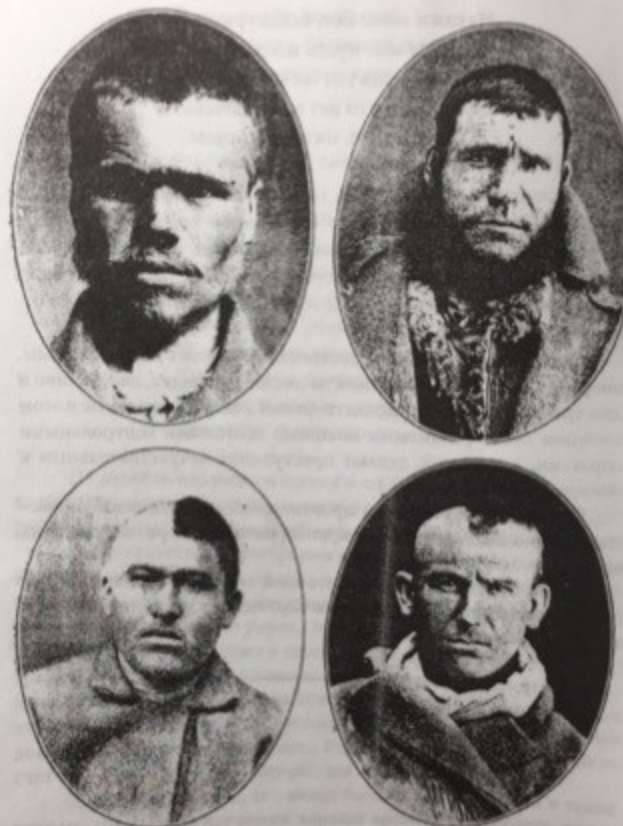
Со снимками преступников

Москва 2008

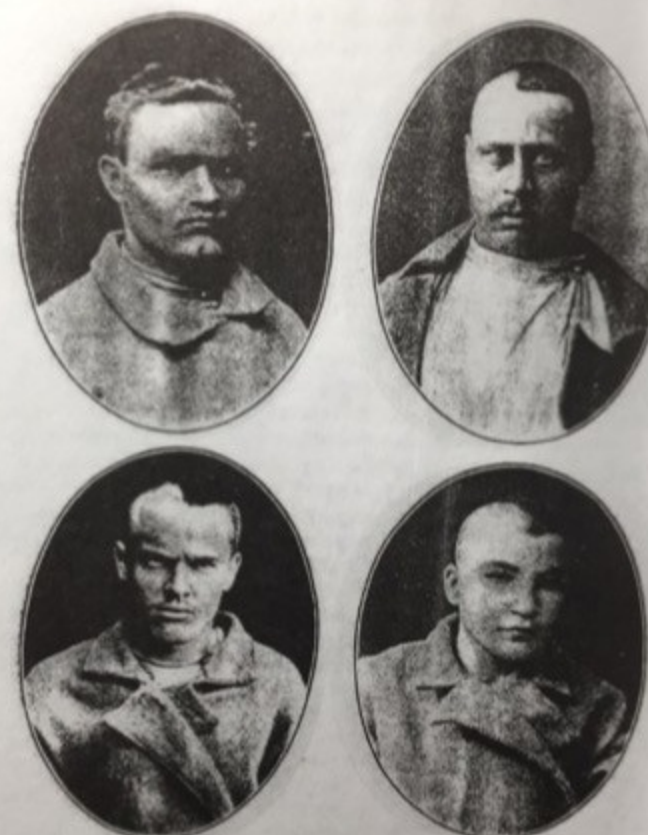
УБИЙЦЫ-ГРАБИТЕЛИ

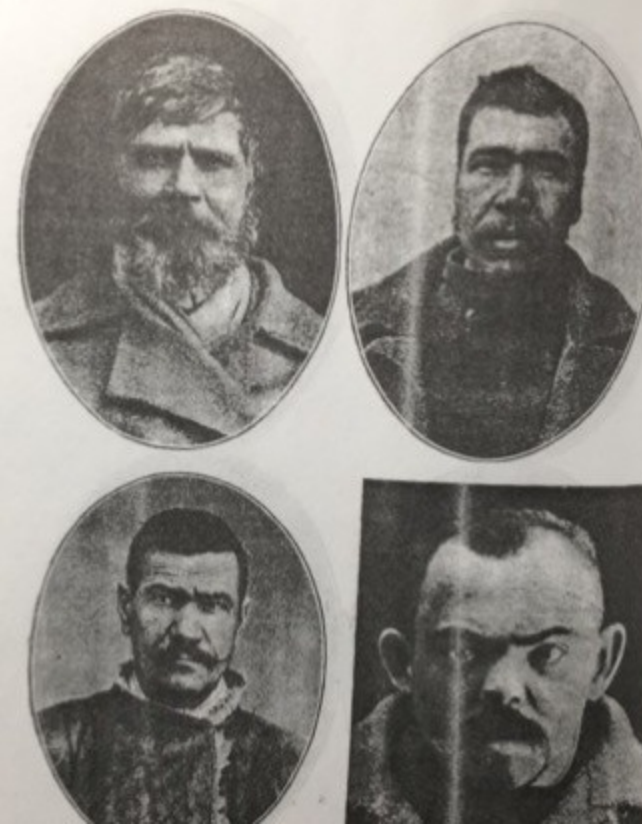
УБИЙЦЫ-ГРАБИТЕЛИ

УБИЙЦЫ-ГРАБИТЕЛИ

УБИЙЦЫ-ГРАБИТЕЛИ

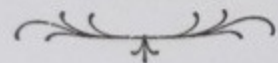

УБИЙЦЫ-ГРАБИТЕЛИ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.

ЖЕНЩИНЫ-УБИЙЦЫ.

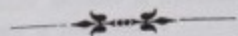
ВРАЧА

П. Н. Тарновской.

Съ 163 рисунками

и

8 антропометрическими таблицами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

„Т-во Художественной Печати“, Английскій пр., 29
1902.

№ 121.

№ 122.

№ 123.

№ 124.

№ 53.

№ 54.

№ 55.

№ 56.

№ 65.

№ 66.

№ 67.

№ 68.

№ 69.

№ 70.

№ 71.

№ 72.

№ 101.

№ 102.

№ 103.

№ 104.

№ 105.

№ 106.

№ 107.

№ 108.

№ 125.

№ 126.

№ 127.

№ 128.

Чешуя затылочной кости при этомъ обыкновенно бываетъ выпуклою, утолщеною по срединѣ, и образуетъ крутой загибъ, спускающійся къ шеѣ.

ЛИЦО. Переходя къ физическимъ признакамъ вырожденія, наблюдаемымъ на лицѣ, необходимо прежде всего упомянуть объ очевидныхъ *асимметріяхъ* различныхъ частей лица.

Мы говоримъ *очевидныхъ*, такъ какъ существуетъ мнѣніе, что нѣтъ вполне симметричнаго лица, и что каждый челонѣкъ представляетъ болѣе или менѣе выраженную асимметрію какой-либо части тѣла, преимущественно лица.

Не входя въ дальнѣйшее обсужденіе этого взгляда, которое намъ кажется, несомнѣнно, преувеличеннымъ, мы будемъ говорить здѣсь объ асимметріяхъ очевидныхъ, неоспоримыхъ и бросающихся въ глаза.

Асимметрію могутъ одинаково представлять всѣ безъ исключенія части обѣихъ половинъ лица, и выражаться, напримѣръ, отклоненіемъ носа въ правую или лѣвую сторону; ушами прикрѣпленными не на одномъ уровнѣ, или представляющими неодинаковую величину; неодинаковымъ развитіемъ обѣихъ вѣтвей нижней челюсти, причемъ одна изъ нихъ короче другой, что обуславливаетъ у даннаго субъекта неодинаковый профиль; вро-

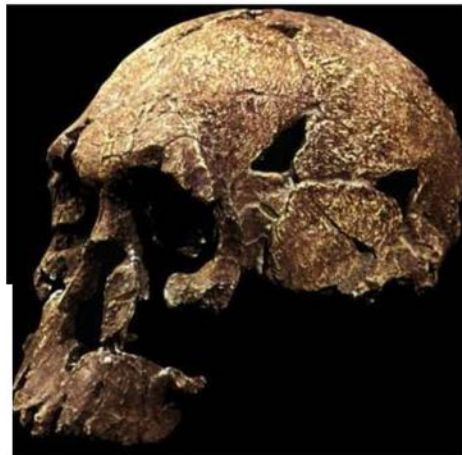

Кроманьонец — от 195 тыс. лет назад

**ВСЕГДА
не верьте
тому что
кажется,
верьте
ТОЛЬКО
доказательствам.**

Чарльз Диккенс. «Большие надежды» 1861 г.